

Национальный бестселлер Британии

С а м ы й
Б л и з к и й
В р а г

Кара
Хантер

Annotation

Редкий талант... Daily Mail Головокружительное, захватывающее чтение. Йан Рэнкин Совершенно захватывающее чтение. Питер Джеймс Бритвенная острота сюжета и совершенно непредсказуемая концовка – вот что особо отличает творчество Кары Хантер. Живя и работая в Оксфорде, она обладает ученой степенью в области английской литературы. И знает, как писать романы. Неудивительно, что ее дебют в жанре психологического триллера сразу же стал национальным бестселлером Британии, вызвав восторженные отзывы знаменитых собратьев Кары по перу. Восемилетняя Дейзи Мэйсон бесследно исчезла прямо в разгар семейной вечеринки. Никто из жильцов на тихой окраинной улочке Оксфорда ничего не видел – по крайней мере, так говорят все они... Инспектор Адам Фаули начал расследование, стараясь быть по возможности объективным и беспристрастным. Однако он прекрасно знает: в девяти случаях из десяти похитителем является тот, кого ребенок хорошо знает. Кто-то из ближнего круга. Возможно, самого ближнего...

- [Кара Хантер Самый близкий враг](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)

- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

Кара Хантер Самый близкий враг

Cara Hunter
Close to home

Copyright © Cara Hunter, 2018

© Перевод на русский язык, Петухов А. С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Симону

Пролог

Темнеет, и маленькой девочке холодно. День был такой славный – огни, и костюмы, и фейерверк, похожий на звездопад... Все было просто волшебным, как в сказке, но теперь все разрушено, все пошло не так. Она поднимает глаза и смотрит вверх, сквозь ветви деревьев, которые, кажется, смыкаются у нее над головой. Совсем не похоже на «Белоснежку» или «Спящую красавицу». Нет никакого принца, никакого спасителя на белом коне. Только темное небо и чудовища, прячущиеся в тенях. В подлеске ей слышатся шумы, шуршание мелких животных и что-то более громоздкое, приближающееся шаг за шагом. Девочка вытирает щеки, но слезы никуда не исчезают, и ей изо всех сил хочется быть такой же, как героиня «Храброй сердцем». Уж тогда она не боялась бы в лесу в полном одиночестве... Но Дейзи боится.

Она действительно очень испугана.

– Дейзи, – слышится голос. – Дейзи, ты где?

Теперь шаги раздаются ближе, и в голосе слышатся сердитые нотки:

– От меня тебе не спрятаться. Я тебя найду. Ты же это понимаешь Дейзи, да? *Я тебя найду.*

Прежде чем начать, я скажу вам вот что – это вам не понравится, но, поверьте, я сталкивался с этим столько раз, что уже устал считать. В таких случаях – с ребенком – в девяти случаях из десяти это кто-то из своих. Член семьи, друг, сосед или кто-то из местных. И не забывайте это. Насколько безумным это ни выглядело бы, насколько невероятным ни казалось, люди знают, кто это сделал. Может быть, подсознательно. А может быть, они об этом просто еще не догадываются. Но они знают.

Они все знают.

20 июля 2016 года,

02 часа 05 минут

Поселок «Поместье у канала», Оксфорд

Говорят, что люди, покупающие дом, принимают решение в первые тридцать секунд после того, как заходят в него. Поверьте мне на слово, офицеру полиции для этого надо меньше десяти. Вообще-то многие из нас решают всё задолго до того, как переступают порог. Только решения наши касаются людей, а не недвижимости. Так что когда мы подъехали к дому № 5 по Барж-клоуз, я уже имел представление о том, что нас ожидает. Раньше такие дома называли «домами бизнес-класса». Может быть, их так и продолжают называть – не знаю. У них есть деньги, у владельцев таких домов, но не так много, как им хотелось бы, иначе они купили бы себе реальный дом в викторианском^[1] стиле, а не эту подделку в вульгарном новострое на неправильном берегу канала. Дом построен из такого же красного кирпича, в нем такие же эркеры, но сад маленький, а гараж просто огромный – в общем, он мало чем отличается от откровенной «липы».

Фигура полицейского в форме у входной двери говорит о том, что семья уже сама обыскала дом и сад. Вы не поверите, как часто мы находим детишек под кроватями или в шкафах. Они не потерялись – просто прячутся. Правда, у большинства этих историй конец все равно печальный. Но, кажется, это не наш случай. Дежурный инспектор, разбудивший меня час назад, сказал:

– Знаю, что при других обстоятельствах мы не стали бы звонить вам в такую рань, но сейчас поздняя ночь, ребенок совсем маленький, и все это дурно пахнет. Семья устроила вечеринку, так что ее стали искать задолго до того, как позвонили нам. И я решил: пусть то, что вы разозлитесь, будет нашей самой большой проблемой на сегодня.

Но, в общем-то, это не так. То есть я не разозлился. Честно говоря, на его месте я поступил бы точно так же.

– Боюсь, что на заднем дворе полный кошмар, сэр, – сообщает констебль у двери. – Народ ураганил всю ночь. Везде остатки салюта... Не знаю, как криминалистам удастся все это разгрести.

«Отлично, – думаю я. – Просто фантастическая хрень!»

Крис Гислингхэм звонит в дверь, и мы замираем в ожидании на пороге. Крис нервно переминается с ноги на ногу. Не важно, какой по счету раз вы это делаете – привыкнуть к этому невозможно. А если привыкаешь, то пора уходить на покой. Я делаю несколько последних затяжек и осматриваю окрестности. Несмотря на то что сейчас два часа ночи,

практически во всех домах горит свет и на верхних этажах некоторых из них видны люди. На поросшей жиденькой травой со следами велосипедных шин обочине припаркованы две патрульные машины с включенными мигалками, и пара усталых констеблей пытаются сдерживать зевак на приличном расстоянии. Еще человек пять полицейских видны на ступенях соседних домов, где они общаются с соседями. Но вот входная дверь открывается, и я разворачиваюсь в ее сторону.

– Миссис Мэйсон?

Она массивнее, чем я ожидал. Щеки уже округлились, а ведь ей – сколько? – не больше тридцати пяти. Под кардиганом виднеется вечернее платье с американской проймой^[2] и леопардовым принтом тускло-оранжевого цвета, совсем неподходящим к цвету ее волос. Она оглядывает улицу, а потом плотнее запахивает кардиган. Правда, погоду трудно назвать холодной – днем было девяносто градусов^[3].

– Я – детектив-инспектор Адам Фаули. Вы позволите войти? – спрашиваю я.

– Только снимите обувь. Ковер только что почистили, – сообщает хозяйка.

Никогда не понимал людей, которые покупают ковры кремового цвета, особенно когда у них есть дети, но сейчас не до споров. Поэтому мы сгибаемся, как пара школьников, и развязываем шнурки. Гислингхэм бросает на меня быстрый взгляд – около входной двери прибиты крючки для одежды с именами членов семьи. Под ними в ряд выстроена обувь. По размеру. И по цвету. Боже!

Удивительно, как тот факт, что вы сняли обувь, влияет на ваше самосознание. То, что я остаюсь в одних носках, превращает меня в зеленого новичка. Не самое лучшее начало.

Арка соединяет гостиную и кухню с баром для завтраков. Там находятся несколько женщин, которые перешептываются и суетятся вокруг чайника – их макияж выглядит унылым в немигающем неоновом свете. Члены семьи уселись на краю дивана, слишком большого для помещения гостиной. Барри Мэйсон, Шэрон и мальчик Лео. Ребенок сидит, уставившись глазами в пол, Шэрон пристально смотрит на меня, а взгляд Барри блуждает по помещению. Выглядит он как настоящий «папахипстер» – штаны-карго^[4], немного слишком торчащие волосы, немного слишком кричащая рубашка, выпущенная наружу, – в тридцать пять лет такой внешний вид, может быть, и уместен, но по его седине я понимаю, что он на добрые десять лет старше своей жены. Которая, очевидно,

отвечает в этом доме за покупку штанов.

Когда пропадает ребенок, человек испытывает бурю эмоций. Гнев, панику, отказ смириться со случившимся, вину... Все это я уже видел – или по отдельности, или в различных комбинациях. Но выражение, которое застыло сейчас на лице Барри Мэйсона, мне еще не встречалось. Я не могу его определить. Что же касается Шэрон, то ее кулаки так сильно сжаты, что костяшки побелели.

Я сажусь. Гислингхэм остается стоять. Думаю, он боится, что мебель может не выдержать его веса. Крис оттягивает ворот рубашки в надежде, что никто этого не заметит.

– Миссис Мэйсон, мистер Мэйсон, – начинаю я. – Понимаю, что сейчас вам нелегко, но нам необходимо собрать как можно больше информации. Думаю, что вам это уже известно, но первые несколько часов действительно решающие – чем больше мы узнаем, тем выше будут шансы найти Дейзи живой и невредимой.

– Не знаю, что еще мы можем вам рассказать. – Шэрон Мэйсон тянет за торчащую нитку на своем кардигане. – Мы уже всё рассказали другому офицеру...

– Знаю, но, может быть, вы согласитесь рассказать еще раз... Вы сказали, что сегодня, как всегда, Дейзи была в школе, а потом оставалась дома до начала вечеринки. Она не выходила на улицу поиграть?

– Нет. Она была в своей комнате наверху.

– А эта вечеринка – вы можете сказать, кто на ней присутствовал?

– Соседи. – Шэрон смотрит на меня, а потом на своего мужа. – Школьные друзья детей, их родители...

То есть друзья ее детей. А не ее собственные. Или их с мужем.

– И сколько же всего? Человек сорок? – предполагаю я. – Я не сильно ошибся?

– Ну не так много... – Женщина хмурится. – У меня есть список.

– Это нам очень поможет. Прошу вас передать его детективу-констеблю Гислингхэму.

Мой коллега на мгновение отрывается от своего блокнота.

– А когда точно вы в последний раз видели Дейзи?

Барри Мэйсон пока не сказал ни слова. Я даже не уверен, слышит ли он меня. В руках у него игрушечная собачка, которую он крутит не переставая. Я знаю, что дело тут в стрессе, но на нервы это действует здорово, как будто он пытается свернуть ей шею.

– Мистер Мэйсон? – окликаю я хозяина.

– Без понятия, – неясно произносит тот, сморгнув. – Может, часов

около одиннадцати? Здесь все так перемешалось... Столько всего происходило... Сами понимаете – столько народу...

– Но то, что девочка пропала, вы поняли в полночь?

– Мы решили, что детям пора спать. Гости начали расходиться. Однако мы не могли ее найти. Искали везде. Позвонили всем, кто мог прийти в голову. Моя маленькая девочка, моя красавица...

Мужчина начинает плакать. Мне до сих пор трудно с этим справиться. То есть когда мужчины плачут. Я поворачиваюсь к Шэрон.

– Миссис Мэйсон, а вы что можете сказать? Когда вы в последний раз видели дочь? До или после салюта?

– Кажется, до. – Хозяйка неожиданно начинает дрожать.

– А когда он начался?

– В десять. Как только стемнело. Мы не хотели делать его слишком поздно. Можно влипнуть в историю. На вас могут пожаловаться в муниципалитет.

– Значит, последний раз вы видели Дейзи перед салютом. Во дворе или в доме?

– В саду. – Женщина колеблется и хмурится. – Она все время мелькала перед глазами. Настоящая царица бала.

На мгновение я задумываюсь, когда в последний раз слышал эту фразу.

– Дейзи была весела? Как по-вашему, ее ничего не беспокоило?

– Нет, ничего. Она восхитительно проводила время. Смеялась. Танцевала под музыку. Как любая другая девочка.

Я смотрю на брата пропавшей, заинтересованный его реакцией. Но ее нет. Он сидит на удивление неподвижно. И о чем-то думает.

– А ты когда в последний раз видел Дейзи, Лео?

Мальчик пожимает плечами. Он не знает.

– Я следил за салютом.

– Тебе нравится салют? – Я улыбаюсь ему.

Он кивает, но не смотрит мне в глаза.

– А знаешь, мне тоже.

Лео поднимает глаза, и в них мелькает подобие взаимопонимания, но потом его голова вновь опускается, и он начинает водить ногой по ковру, рисуя круги в густом ворсе. Шэрон протягивает руку и дотрагивается до его ноги. Та останавливается.

– Как я понимаю, боковая калитка в сад была открыта? – Я вновь поворачиваюсь к Барри.

Тот откидывается назад – и неожиданно переходит к обороне. Громко шмыгнув носом, вытирает его рукой.

– Не будешь же бегать к воротам каждые пять минут, чтобы открыть их, правда? Так людям легче проходить. И меньше грязи в доме. – Мэйсон смотрит на жену.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Как я вижу, сад выходит на канал. А есть ли у вас калитка, выходящая на бечевник?^[5]

– Ни за что. – Барри качает головой. – Муниципалитет не разрешает. Но он никак не мог пройти оттуда.

– Он?

– Кто бы это ни был. – Хозяин дома опять отводит глаза. – Ублюдок, который забрал ее. Забрал мою Дейзи.

Я записываю слово «мою» в блокнот и ставлю возле него знак вопроса.

– Но на самом деле *мужчины* вы не видели?

– Нет, я никого не видел. – Отец глубоко вздыхает, и его вздох переходит во всхлипывания, а из глаз вновь текут слезы.

Я начинаю рыться в бумагах.

– Тут у меня фото Дейзи, которое вы передали сержанту Дэвису. А как она была одета?

Пауза.

– Это был маскарадный костюм. Такой детский, – произносит наконец Шэрон. – Мы решили, что это будет мило. Она была одета в соответствии со своим именем^[6].

– Простите, я не совсем...

– Ну маргаритка. Она была одета маргариткой.

Я чувствую реакцию Гислингхэма, но не позволяю себе посмотреть на него.

– Понимаю. Значит, она была...

– В зеленой юбке, зеленых колготках и туфельках. А на голове – шапочка с белыми лепестками и желтой серединкой. Мы взяли этот наряд в магазине на Фонтовер-стрит. Его аренда стоила целое состояние. Нам пришлось оставить депозит.

Миссис Мэйсон начинает запинаться. Затем, задыхаясь, сжимает руку в кулак и прикладывает ее ко рту. Плечи у нее дрожат. Барри протягивает руку и обнимает ее. Женщина скулит, раскачивается вперед-назад и говорит мужу, что она не виновата, что она не знала, и он начинает гладить ее по волосам.

В комнате вновь повисает тишина. Неожиданно Лео наклоняется вперед и соскальзывает с дивана. Такое впечатление, что одежда ему слегка

великовата – руки практически полностью скрыты рукавами. Он подходит ко мне и протягивает свой телефон. На экране – кадр из видео. Кадр, на котором Дейзи стоит в своем костюме маргаритки. Она, без сомнения, очень красивый ребенок. Я нажимаю кнопку «воспроизведение» и секунд пятнадцать наблюдаю, как она танцует перед камерой. Девочка вся светится от уверенности в себе и от полноты жизни – это сияние можно заметить даже на двухдюймовом экране. Когда видео заканчивается, я проверяю дату – снято всего три дня назад. Наша первая удача. Не часто нам удастся получить такую свежую информацию.

– Спасибо, Лео. – Я поднимаю глаза на сморкающуюся Шэрон. – Миссис Мэйсон, если я дам вам номер своего мобильного, вы сможете переслать это мне?

– Я ничего в этом не понимаю. – Она беспомощно всплескивает руками. – Но Лео может это сделать.

Я смотрю на мальчика, и тот кивает. Его челка немного длинновата, но, кажется, его мало волнует, что она лезет ему в глаза. Они у него темные. Такие же, как и волосы.

– Спасибо, Лео. Для своего возраста ты, видно, здорово разбираешься в телефонах. Тебе сколько лет?

– Десять, – отвечает ребенок, слегка порозовев.

– У Дейзи был собственный компьютер? – обращаюсь я к Барри Мэйсону.

– Ни за что, – мотает тот головой. – Все эти истории о детях в Сети... Иногда я позволял ей пользоваться своим, но только когда был с ней в комнате.

– Значит, никаких электронных писем?

– Нет.

– А мобильный?

На этот раз отвечает Шэрон:

– Мы думали, что она еще слишком маленькая. Я сказала, что она получит его на Рождество. Тогда ей будет уже девять.

Что ж, один из способов поиска исключается. Но я ничего не говорю об этом.

– А ты видел кого-нибудь с Дейзи вчера вечером, Лео?

Мальчик вроде как начинает отвечать, но потом отрицательно качает головой.

– Или раньше? Может быть, кто-то ошивался вокруг нее? Когда она шла в школу или возвращалась домой?

– Я сама отвожу их в школу, – резко замечает миссис Мэйсон, как

будто это все объясняет.

В этот момент звенит звонок. Гислингхэм захлопывает свой блокнот.

– Это, должно быть, гражданские или как они там теперь называются... [7]

Шэрон в недоумении смотрит на мужа.

– Он имеет в виду криминалистов, – поясняет Барри.

– А они здесь зачем? – Женщина поворачивается ко мне. – Мы же ничего не сделали!

– Я это знаю, миссис Мэйсон. Прошу вас, не нервничайте. Это обычная процедура в тех случаях, когда пропадает ребенок.

Крис открывает входную дверь и впускает сотрудников. Я сразу же узнаю Алана Чаллоу. Он начал работать в полиции всего на несколько месяцев позже меня. Выглядит неважно: слишком мало на голове и слишком много на талии. Но работник он хороший. Надежный.

Чаллоу кивает мне. Нам ни к чему обмениваться любезностями.

– Холройд достает снаряжение, – быстро сообщает он.

Его бумажный комбинезон поскрипывает. Когда встанет солнце, эта штука превратится в душегубку.

– Мы начнем с верхнего этажа, – говорит Алан, натягивая перчатки. – А потом, как только рассветет, перейдем на улицу. Смотрю, пресса еще не появилась... Спасибо господу за его маленькие милости.

– Я не хочу, чтобы вы рылись в ее комнате, дотрагивались до ее вещей и обращались с нами как с преступниками. – Шэрон Мэйсон неуверенно встает.

– Это не полный криминалистический обыск, миссис Мэйсон, – объясняю я. – Беспорядка мы не устроим. Нам даже ни к чему заходить в ее комнату. Все, что нам нужно, – это ее зубная щетка.

Потому что это самый надежный источник ДНК. Потому что нам может понадобиться провести сравнение с телом. Но этого я тоже не говорю.

– Наиболее тщательно мы обыщем сад – на тот случай, если ее похититель оставил какие-то материальные следы, которые помогут его идентифицировать, – продолжаю я. – Надеюсь, против этого вы не будете возражать?

Барри Мэйсон кивает, тянется вверх и дотрагивается до локтя жены.

– Нам, наверное, не стоит мешать им работать, а?

– А кроме того, мы постараемся как можно скорее организовать присутствие офицера-психолога, – добавляю я.

– Что значит «присутствие»? – Шэрон поворачивается ко мне.

– Он будет находиться здесь, чтобы информировать вас, как только у нас будут появляться новости, и быть под рукой на случай, если вам что-то понадобится.

– Где «здесь»? – Миссис Мэйсон хмурится. – *В доме?*

– Да, если вы не возражаете. Эти офицеры хорошо обучены – вам не о чем беспокоиться, и они не будут мешать...

Но хозяйка уже отрицательно трясет головой.

– Нет, я не хочу, чтобы здесь кто-то был. Я не хочу, чтобы ваши люди за нами шпионили. Это понятно?

Смотрю на Гислингхэма, который едва заметно пожимает плечами.

– Конечно, – глубоко вздыхаю я, – это ваше право. Мы определим одного из членов нашей группы в качестве вашего контактного лица, но если вы измените свое мнение...

– Нет, – быстро отвечает женщина. – Не изменим.

Оксфордские новости @OxfordNewsOnline 02.45
СРОЧНАЯ НОВОСТЬ Сообщается о повышенной активности полиции в районе поселка «Поместье у канала». Больше пока ничего не известно.

Джули Хилл @JulieHillinOxford 02.49
@OxfordNewsOnline Я живу в «Поместье у канала» вчера здесь была вечеринка и теперь полиция опрашивает соседей

Джули Хилл @JulieHillinOxford 02.49
@OxfordNewsOnline Кажется, никто не знает, что происходит, – здесь около пятнадцати полицейских машин.

Анжела Беттертон @AngelaGBetterton 02.52
@JulieHillinOxford @OxfordNewsOnline Я была на вечеринке дело в их дочери судя по всему она исчезла

она учится с моим сыном в одном классе

Джули Хилл @JulieHillinOxford 02.53

@AngelaGBetterton Кошмар, я думала что это наркотики или что-то в этом роде @OxfordNewsOnline

Оксфордские новости @OxfordNewsOnline 02.54

@AngelaGBetterton Как зовут девочку и сколько ей лет?

Анжела Беттертон @AngelaGBetterton 02.55

@OxfordNewsOnline Дейзи Мэйсон. Восемь или девять?

Оксфордские новости @OxfordNewsOnline 02.58

СРОЧНАЯ НОВОСТЬ Информация о возможном #похищении ребенка в поселке «Поместье у канала». Источник сообщает о 8-летней девочке, пропавшей из дома.

Оксфордские новости @OxfordNewsOnline 03.01

Если услышите что-нибудь об Оксфордском #похищении, пишите нам в «Твиттер» – мы работаем всю ночь и сообщаем вам местные новости Оксфорда и многое другое

Сразу после трех мне звонят из медиа и сообщают, что новости уже известны всем и что нам надо постараться максимально использовать этот факт. Через двадцать минут прибывает первый фургон с телевизионщиками. Я нахожусь на кухне, а семья все еще сидит в гостиной. Барри Мэйсон полулежит в кресле с закрытыми глазами, хотя и

не спит. Когда мы слышим звук подъезжающей машины, он даже не шевелится, а Шэрон Мэйсон встает с дивана и смотрит в окно. Она видит, как сначала появляется журналист, а за ним вылезает мужчина в кожаной куртке с камерой и микрофоном. Какое-то время женщина смотрит на них, а потом поворачивается к зеркалу и проводит рукой по волосам.

– Инспектор Фаули?

Это член команды Чаллоу, который спустился до половины лестницы со второго этажа. Девушка, и мне кажется, что она новенькая, потому что я не узнаю ее голос. Лица я тоже не вижу, потому что оно скрыто капюшоном и маской. В отличие от того, что показывают по ящику, криминалисты упакованы гораздо более плотно, чем в телевизионных полицейских сериалах. Эти гребаные шоу выносят мне мозг – последнее, что будет делать криминалист, так это трясти своими патлами на месте преступления. Девушка подзывает меня, и я вслед за ней поднимаюсь на лестничную площадку. Перед нами дверь с аккуратной табличкой:

А под ней – лист бумаги, приклеенный скотчем, на котором неровными заглавными буквами написано:

НЕ ВХОДИТЬ!!

– Мы нашли все, что нам надо, – сообщает девушка, – но я подумала, что, может быть, вы захотите взглянуть на комнату. Может быть, даже не заходя внутрь.

Когда она открывает дверь, я понимаю, что имелось в виду. Так комната ребенка может выглядеть только в гребаном ситкоме^[8]. На полу ничего нет, все поверхности пусты, под кроватью ничего не спрятано. Расческа лежит точно параллельно зубной щетке. Мягкие игрушки сидят по линейке и смотрят на нас своими маленькими глазами-пуговками. Это немного приводит в замешательство. И во многом потому, что в такой неестественно аккуратной комнате просто невозможно представить себе шумного, оживленного ребенка, которого я видел на видео. В некоторых комнатах сохраняется эхо людей, которые когда-то в них жили. Но пустота этой комнаты – пустота отсутствия, а не присутствия. Единственное свидетельство того, что девочка здесь жила, – диснеевский постер на

дальней стене. Принцесса из «Храбрый сердцем» одна, в лесу, со своими непокорными яркими волосами, а внизу большими оранжевыми буквами написано: «Измени свою судьбу». Джейк тоже любил этот фильм. Мы с ним смотрели его дважды. И основная мысль для детей вполне подходит: нет ничего плохого в том, чтобы быть самим собой, надо только иметь смелость быть *действительно* самим собой.

– Кошмар, правда? – говорит девушка рядом со мной, прерывая мои мысли. У нее хотя бы хватает такта понизить голос.

– Вы так думаете?

Криминалист снимает свою маску, и теперь я могу видеть, как она морщит нос.

– Все здесь чересчур. То есть я хочу сказать, чтобы *все* так было подобрано?.. Поверьте мне, никто не любит свое имя *до такой степени*.

И когда она говорит об этом, я наконец вижу. Все кругом в маргаритках. За что ни возьмись. Обои, постельное белье, шторы, подушки... Они разные, но это все равно маргаритки. В зеленом цветочном горшке стоят пластмассовые маргаритки, с зеркала на туалетном столике свисает повязка для волос с желтыми маргаритками. Блестящие заколки для волос в виде маргариток, абажур-маргаритка и мобиль из маргариток, свисающий с потолка. Не комната, а какой-то тематический парк.

– Может быть, ей так нравится? – Но, еще не успев закончить фразу, я понимаю, что это полная хрень.

– Может быть, – пожимает плечами девушка. – Да и откуда мне знать – детей у меня нет. А у вас?

Она не знает. Ей никто не сказал.

– Нет, – отвечаю я.

Больше нет.

ВВС Мидлендс^[9]. Сегодняшние новости

Среда 20 июля 2016 г. Последняя редакция в 06:41
утра

Обращение полиции с просьбой о помощи в розысках восьмилетней девочки, пропавшей в Оксфорде

Восьмилетняя девочка пропала из своего дома в Оксфорде. Последний раз Дейзи Мэйсон видели в полночь во вторник в саду ее дома, где ее родители Барри и Шэрон Мэйсон устраивали вечеринку. Дейзи описывают как светловолосую девочку с зелеными глазами, одетую в карнавальный костюм и с волосами, забранными в хвостики. Соседи характеризуют ее как общительную, но благоразумную, так что маловероятно, что она могла уйти с кем-то незнакомым по собственному желанию.

Полиция просит любого, кто видел Дейзи или располагает информацией о ней, связаться со штабом розысков Криминального отдела Управления полиции долины Темзы^[10] по телефону 18650966552.

К половине седьмого утра криминалисты почти заканчивают в саду, и полицейские начинают повторный обход близлежащих участков – правда, теперь за каждым их движением следит целая куча жаждущих сенсации телекамер. А существует еще и канал, но я не собираюсь о нем думать. По крайней мере, не сейчас. Девочка считается живой, пока я не скажу обратного.

Я стою в крохотном патио и смотрю на сад на заднем дворе дома. Повсюду на цветочных клумбах разбросаны полусгоревшие остатки фейерверков, а иссушенная солнцем трава вытоптана до основания. Тот постовой был прав – шансы найти здесь пригодный отпечаток ноги или что-нибудь еще полезное практически равны нулю. У задней изгороди я вижу Чаллоу, согнувшегося пополам и что-то разыскивающего в кустарнике. Над его головой висит воздушный шар, запутавшийся в ветвях деревьев, растущих на бечевнике, – его серебряный шлейф едва кольшется в утреннем воздухе. Что до меня, то я умираю от желания выкурить сигарету.

Здесь канал слегка изгибается, а это означает, что участок Мэйсонов немного длиннее соседних, хотя большинство людей все равно назвали бы его тесным и убогим. Я никак не могу решить, то ли это качели в углу, то

ли дерьмовая пампасная трава, то ли я просто не выспался, но сад до боли напоминает мне сад в том доме, который был у нас, когда я был ребенком. Вместе с другими такими же унылыми домами он являлся частью зловещей новостройки, которая существовала лишь благодаря тому, что рядом располагалась станция подземки. Дома были разбросаны на том, что когда-то считалось лугами, но к тому времени, как мы там обосновались, было уже давно заковано в бетон. Родители выбрали этот район, потому что там было безопасно и потому что большего они не могли себе позволить, и даже сейчас я не считаю себя вправе осуждать их выбор. И тем не менее это было ужасно. Это не был самостоятельный район – он находился «к югу» от того места, которое хоть как-то напоминало единственный город на мили вокруг. Тот самый город, в который ездил я сам – сначала в школу и в дома моих приятелей, а позже в пабы и на свидания с девушками. И никогда ни одного из друзей я не приглашал к себе. Никогда не позволял им увидеть, где я реально живу. Так что, возможно, мне не стоит так критически относиться к этим людям из «Поместья у канала» – я же хорошо представляю себе, что значит знать, что ты живешь в Зазеркалье.

В конце сада Мэйсонов располагается барбекюшница, которая все еще дымится и металл которой негромко потрескивает, остывая. Цепи качелей крепко связаны вместе клейкой лентой – так, чтобы ими нельзя было пользоваться. Здесь же стоят стопка садовых стульев, тент (сложенный) и стол на козлах с клетчатой скатертью (тоже сложенной). Под ним – холодильные коробки, помеченные: «Пиво», «Вино» и «Безалкогольные напитки». В патио за моей спиной торчат два контейнера для мусора на колесиках – один из них, для перерабатываемых материалов, полон бутылок и банок, а второй набит черными мешками. Сейчас мне приходит в голову – вообще-то я давно должен был это заметить, – что все это работа Шэрон Мэйсон. Вся эта приборка, вся эта аккуратность... Она работала над тем, чтобы сделать сад презентабельным. И занималась этим, уже зная, что ее дочь исчезла.

– Детектив-констебль Эверетт докладывает, что подомовой обход пока ничего не дал, – сообщает пришедший ко мне из кухни Крис Гислингхэм. – Никто из тех, кто был на вечеринке и с кем мы говорили, не помнит ничего подозрительного. Правда, мы берем у них сделанные ими фото – это поможет нам точнее определиться со временем. На территории поселка нет камер наружного наблюдения, но мы проверим, что можно найти на близлежащих участках.

– Отличная работа, – киваю я.

Чаллоу распрямляется и взмахом подзывает нас. За качелями в ограде

выломана доска. Со стороны ограда выглядит монолитной, но если на нее достаточно сильно нажать, то в отверстие сможет протиснуться даже взрослый.

Гислингхэм читает мои мысли.

– Неужели кто-то действительно мог забраться внутрь, взять ребенка и выбраться так, чтобы его никто не заметил? В саду таких размеров и с таким количеством гостей? И ребенок, скорее всего, должен был сопротивляться...

– Надо узнать, где стоял этот тент и насколько он велик, – говорю я, оглядываясь. – Если его развернули в дальнем конце сада, то, возможно, никто не мог увидеть ни эту дыру в стене, ни того, что кто-то через нее лазает. А тут еще этот салют...

– Все смотрят в другую сторону, множество взрывов, визжащие дети... – Крис согласно кивает. – Плюс тот факт, что большинство гостей – это родители одноклассников. Готов спорить на что угодно – некоторых из них Мэйсоны никогда до этого не встречали. Особенно отцов. Так что если у тебя стальные яйца, то ты вполне мог забраться сюда, притвориться одним из гостей и даже выбраться незамеченным назад. А все вокруг в принципе даже будут ждать, что ты заговоришь с детьми.

Мы идем по лужайке в сторону дома.

– Эти фото, которые вы собираете, Крис, они нужны нам не только для уточнения времени, – говорю я. – Начинай записывать имена людей на них. Нам надо знать не только где стояли люди, но и *кто они*.

В 7:05 утра на одном из участков констебль Верити Эверетт звонит в еще одну дверь. И ждет, пока та откроется и наступит черед профессиональной улыбки на лице и вопроса, можно ли войти и задать еще несколько вопросов. Она делает это уже в пятнадцатый раз и сейчас убеждает себя: не стоит раздражаться из-за того, что, пока она занимается подомовым обходом, Гислингхэм сидит в единственном по-настоящему важном доме. В самом центре событий. В конце концов, случаи, когда похищение ребенка вынуждало прибегать к подомовому обходу, можно пересчитать по пальцам. Здесь же надо согласиться с тем, что некоторые из жителей соседних домов присутствовали в саду Мэйсонов, когда пропала их дочка. Правда, пользы в подобном обходе Эверетт пока не видит,

особенно принимая во внимание количество потенциальных свидетелей на такой крохотной территории. «Милая вечеринка, достаточно приятный вечер». Но ведь в какой-то момент этого вечера исчезла девочка, а никто этого даже не заметил.

Сотрудница полиции опять нажимает на звонок (уже в третий раз), а потом отходит назад и осматривает дом. Шторы на окнах раздвинуты, но признаков жизни не видно. Констебль сверяется со своим списком. Кеннет и Кэролайн Брэдшоу, семейная пара лет шестидесяти.

Они вполне могли уехать на отдых до того, как начнутся школьные каникулы. Верити делает пометку возле их имени и возвращается на тротуар. К ней подходит слегка запыхавшаяся женщина-полицейский. Констебль раньше видела ее в участке, но эта женщина только что закончила учебу в Салхэмстеде, так что они еще не общались. Эверетт пытается вспомнить ее имя. Симпсон? – что-то вроде этого. Нет – Сомер. Точно – Эрика Сомер. Она старше всех остальных рекрутов, так что раньше должна была заниматься чем-то другим. Как и сама Верити, которая умудрилась «испортить» себе биографию тем, что работала медсестрой. Об этом она старается никому не говорить, потому что знает: это может стать еще одной причиной, по которой ее коллеги-мужчины будут спихивать на нее обязанность сообщать родственникам плохие новости. Или стучать в эти чертовы двери.

– В одном из мусорных баков кое-что есть – думаю, вам стоит взглянуть, – говорит Сомер и указывает в том направлении, откуда пришла. Говорит она строго по делу, ни на что не отвлекаясь. Эверетт эта женщина сразу нравится.

Мусорный бак, о котором идет речь, стоит в углу участка, расположенного на боковой улице. Криминалист уже здесь и делает фотографии; увидев Верити, кивает. Две женщины наблюдают, как он засовывает руку в бак и достает что-то лежащее сверху. Сморщенное наподобие змеиной кожи. Мягкое, пустое, зеленое. Ярко-зеленое.

Это пара колготок с дыркой на колене. Достаточно маленьких, чтобы их носил ребенок.

20 июля 2016 г., 19:45

Присутствует: детектив-констебль В. Эверетт

ВЭ: Миссис Вебстер, вы можете сказать, откуда знаете Мэйсонов?

ФВ: Моя дочь Меган учится в одном классе с Дейзи в школе Китса, а Элис на год старше.

ВЭ: В школе Китса?

ФВ: Простите. В школе Епископа Христофора. Просто все у нас так ее называют^[11]. Ну и, ко всему прочему, мы еще и соседи. Это мы одолжили им тент для вечеринки.

ВЭ: Значит, вы друзья?

ФВ: Ну я бы так не сказала. Шэрон – человек закрытый. Мы, как это бывает, общаемся возле школы, и иногда я с ней бегаю. Она в этом вопросе гораздо дисциплинированнее, чем я. Бегает каждое утро, даже зимой, после того как отвозит детей в школу. Ее беспокоит вес – я хочу сказать, что она не говорит об этом напрямую, но я же вижу... Однажды в городе мы вместе поели. Это произошло совершенно случайно – столкнулись друг с другом перед той пиццерией на Хай-стрит, и она не могла отказаться. Но практически ничего не съела – так, поклевала немного салатик...

ВЭ: Значит, она не работает? Если может бегать каждое утро?

ФВ: Не работает. Когда-то работала, но я не знаю, где. Я бы с ума сошла, сидючи весь день в четырех стенах, но она, кажется, полностью погружена в своих детей.

ВЭ: То есть она хорошая мама?

ФВ: Помню, как во время нашего совместного ланча она говорила лишь о высоких оценках, которые Дейзи получила за тот или иной тест, и о том, как девочка хочет стать ветеринаром, и не знаю ли я, в каком университете этому учат лучше всего...

ВЭ: То есть родительница она бесцеремонная?

ФВ: Только между нами: Оливер – это мой муж – ее не переносит. Вы знаете это выражение насчет острых локтей? Так вот, он говорит, что у нее вместо локтей – серпы. Но лично я не считаю, что человека можно ругать за то, что он хочет лучшего для своих детей. Просто Шэрон не считает нужным это скрывать, как большинство из нас. Я вообще думаю, что Мэйсоны переехали сюда в первую очередь из-за школы. Мне кажется, что они не могут позволить себе частную школу.

ВЭ: Но эти дома не такие уж дешевые...

ФВ: Правильно, и мне кажется, что с деньгами у них напряженка.

ВЭ: А вы не знаете, где они жили до этого?

ФВ: Кажется, где-то в Южном Лондоне... Шэрон никогда не говорит о прошлом. Или о своей семье. Честно говоря, я немного не понимаю, почему вы обо всем этом спрашиваете – разве вы не должны сейчас искать Дейзи?

ВЭ: Наши сотрудники сейчас обыскивают местность и проверяют камеры наружного наблюдения. Но чем больше мы будем знать о Дейзи и о ее семье, тем лучше. Никогда не знаешь, что впоследствии может оказаться важным. Однако давайте поговорим о вчерашнем вечере. Во сколько вы пришли?

ФВ: Сразу после семи. Оказались одними из первых. Приглашение было на 6:30–7:00 вечера, и, мне кажется, Шэрон ждала, что все придут в половине седьмого. Так что она была сама не своя, когда мы появились. Думаю, что она беспокоилась, что никого не будет. Она же бог знает сколько времени на все это потратила – я говорила ей, что все с удовольствием примут участие и принесут свою еду, но она хотела все сделать сама. Все было выставлено на столы в саду, под этой пищевой пленкой. Это совершенно ужасная вещь – вам не кажется? То есть я хочу сказать...

ВЭ: Вы сказали, она была сама не своя?

ФВ: Ну, в общем, да. Но только по поводу вечеринки. Потом, когда все началось, она отошла.

ВЭ: А Барри?

ФВ: Ну Баз, как всегда, был душой компании. Он очень общительный – у него всегда есть что сказать. Уверена, что идея вечеринки принадлежит именно ему. И он надыхаться не может на Дейзи – эти вечные отношения между отцами и дочерьми... Все время поднимает ее и носит на плечах. И она очень мило выглядела в этом своем костюмчике цветка. Грустно, когда они вырастают из того возраста, когда их можно одевать, – я хотела, чтобы Элис надела на вечеринку маскарадный костюм, но она отказалась наотрез. Всего на год старше Дейзи, но речь теперь может идти только об облегающих топах и кроссовках...

ВЭ: Вы, должно быть, очень хорошо знаете Барри Мэйсона?

ФВ: Простите?

ВЭ: Вы назвали его Баз.

ФВ (смеется): Боже, да неужели? Знаю, что это ужасно, но мы так их называем – по крайней мере, некоторые из нас. Баз и Шаз. Сокращенное от Барри и Шэрон, понимаете? Только, ради всего святого, не говорите Шэрон, что я так ее назвала – она этого совершенно не переносит. Однажды, когда у кого-то это случайно сорвалось с языка, у нее просто

снесло крышу.

ВЭ: А Барри не против?

ФВ: Кажется, нет... Он довольно прост в обращении. Гораздо проще ее. Хотя я не вижу в этом большой проблемы.

ВЭ: Так когда же вы видели ее в последний раз? Я имею в виду Дейзи?

ФВ: Я уже себе все мозги сломала. Думаю, что это было как раз перед салютом. Там всю ночь бегали множество маленьких девочек. Они роскошно проводили время.

ВЭ: И вы не видели никого, кто бы с нею разговаривал? Или никого чужого?

ФВ: Я знаю почти всех. Мне кажется, они все были из нашего поселка. По крайней мере, я не могу вспомнить никого с той стороны.

ВЭ: С той стороны?

ФВ: Ну вы меня понимаете. С той стороны канала. Из гнезда аристократов. Их нечасто можно увидеть в наших трущобах. Я никого из них не припоминаю. Дейзи все время проводила со своими друзьями. Когда ты в таком возрасте, со взрослыми довольно скучно.

ВЭ: А ваш муж Оливер? Он тоже был?

ФВ: А вам это зачем?

ВЭ: Нам просто надо знать, где в тот вечер находился каждый...

ФВ: Вы что, думаете, что Оливер причастен к этому, только потому, что я не могу вам прямо сейчас сказать...

ВЭ: Я уже объяснила вам, что нам надо знать, где каждый находился во время вечеринки.

(Пауза.)

ВЭ: Возможно, нам удалось найти колготки Дейзи. Вы не помните, она была в них, когда вы видели ее в последний раз?

ФВ: Простите, но не помню.

ВЭ: И вы не видели, чтобы она упала или поранилась во время вечеринки?

ФВ: Нет. Уверена, что это я запомнила бы... Но почему вы спрашиваете – какое это имеет значение?

ВЭ: На колготках обнаружена кровь, миссис Вебстер. Мы пытаемся выяснить, как она туда попала.

В 8:30 утра я сижу в машине, припаркованной за углом на Вотервью-кресент, в районе, который занимает чуть более высокую позицию в неофициальной иерархии недвижимости – трехэтажные таунхаусы и даже, вы не поверите, пара каменных львов на постаментах перед входом. Ем я пирожок с начинкой, который кто-то притащил мне с бензоколонки, расположенной на главной дороге, и чувствую, как мои артерии закупориваются от одного его вида. Но на десять назначена пресс-конференция, и если я ничего не съем, голова у меня будет кружиться. Да, и еще, сижу я в «Форде». На тот случай, если вас это кольшет. И никаких кроссвордов не разгадываю.

Кто-то стучит в водительское окно, и я его опускаю. Это детектив-констебль Эверетт. Ее зовут Верити^[12] – и я однажды сказал ей, что с таким именем она была предназначена для этой работы. И что она никогда не перестанет ее искать – я имею в виду истину. И пусть ее флегматичный вид не вводит вас в заблуждение – Верити одна из самых жестких офицеров, которых я когда-либо знал.

– В чем дело? Что рассказала Фиона Вебстер? – спрашиваю я.

– Много чего, но речь сейчас не об этом. Старушка из шестьдесят третьего дома. Она кое-что видела. Чуть позже одиннадцати. Она уверена, потому что как раз собиралась звонить на горячую линию муниципалитета – жаловаться на шум.

Я вспоминаю, что говорила Шэрон о жалобах соседей. Может быть, я в ней ошибся? Вас нельзя назвать параноиком, если соседи вокруг вас – дерьмо.

– И что же эта миссис...

– Бамптон.

– Что же сказала миссис Бамптон?

– Она говорит, что видела, как от дома Мэйсонов шел мужчина с ребенком на руках. С девочкой. И она плакала. Даже скорее визжала – по словам пожилой леди. Именно из-за этого она и подошла к окну.

– В доме была вечеринка. – Я качаю головой. – Все это могло быть абсолютно невинно – может быть, один из отцов просто шел домой?

То, что я стараюсь поставить под сомнение эту новость, вовсе не значит, что я сомневаюсь в ее словах – просто мне не хочется, чтобы это было правдой. Но у Эверетт покраснели щеки – она наверняка знает что-то еще.

– Миссис Бамптон говорит, что на таком расстоянии не смогла рассмотреть лица мужчины, поэтому не может дать нам его описания.

– Тогда откуда она знает, что это была девочка?

– Потому что на ней был маскарадный костюм. *Костюм цветка.*

Управление полиции долины Темзы
@ThamesValleyPolice 09:00

Вы можете помочь в розысках Дейзи Мэйсон, 8 лет? Последний раз ее видели в поселке «Помесье у канала» #Оксфорд в полночь во вторник. Если есть информация, звоните 018650966552
829 РЕТВИТОВ

ВВС Мидлендс @BBCMidlandsBreaking 09.09

Полиция проведет пресс-конференцию по поводу похищения Дейзи Мэйсон, 8 лет, сегодня в 10 утра
1566 РЕТВИТОВ

ITV Ньюс @ITVLiveandBreaking 09.11

СРОЧНАЯ НОВОСТЬ. В 10:00 утра полиция Оксфорда сообщит подробности поисков #Дейзи Мэйсон, 8 лет. Будет дано описание возможного подозреваемого
5,889 РЕТВИТОВ

Первые пятнадцать минут пресс-конференции проходят достаточно спокойно. Обычные вопросы – обычные, ничего не значащие ответы. Ранний этап расследования – делается все, что можно – любой, у кого есть информация... Ну вы сами все это знаете. Аудитория дергалась – пахло сенсацией, но точной информации ни у кого не было, поэтому все ходили вокруг да около. Обещание примет преступника вызвало некоторое оживление, но без фотографии или словесного портрета это мало что давало. Одна вечно подозревающая всех и вся дама попыталась оказаться в

свете рампы с помощью довольно тупой попытки перевести все на личности: «Детектив-инспектор Фаули, а вы действительно тот человек, который может вести дело о похищении ребенка?» – но никто не обратил на нее внимания. Я уже посматривал на часы – выделенная на вопросы четверть часа заканчивалась, когда поднялся *некто* с заднего ряда. На вид ему было лет семнадцать. Рыжеватые волосенки, бледная кожа, которая быстро покраснела, когда все обернулись в его сторону. То, что он не из национальных СМИ, я знал точно. Возможно, какой-нибудь стажер из местного затрапезного рекламного листка. Но я его недооценил, а надо было бы быть поумнее.

– Детектив-инспектор Фаули, вы можете подтвердить, что рядом с местом происшествия найдена часть одежды, которая может принадлежать Дейзи Мэйсон? Это так? – спросил парень.

Было такое ощущение, что воздух мгновенно наэлектризовался. Двадцать человек внезапно превратились в слух.

Я заколебался. Что, естественно, всегда фатально.

Теперь в воздухе торчал лес рук, а комнату наполняли звуки лихорадочно нажимаемых компьютерных клавиш. Человек шесть-семь пытались вмешаться, но Бледнолицый стоял, как скала. Во всех смыслах.

За ту наносекунду, что я обдумывал ответ, я понял, что он намеренно не уточнил, что же было найдено. Но не потому, что не знал. А потому, что хотел сохранить этот лакомый кусочек для себя.

Я открыл было рот, чтобы ответить и поставить его на место, но было поздно. Комната наполнилась гвалтом.

В 10:15 утра детектив-констебль Эндрю Бакстер устанавливает флип-чарт в передней части зала при церкви на Банбери-роуд, реквизируемого под штаб по координации деятельности поисковых групп, и вешает на стену большую карту Северного Оксфорда. Территория непосредственно возле дома Мэйсонов уже отработана, а следующая фаза, с растущим количеством звонков и посещений местных жителей с вопросами о том, чем они могут помочь, требует правильной организации.

– Отлично, – говорит Эндрю, стараясь перекрыть голосом грохот кружащегося над головами полицейского вертолета. – Слушаем все сюда. Мы должны четко знать, кто что делает, чтобы не сталкиваться лбами,

гоняясь за собственными хвостами. Каждый может сам выбирать методы работы, если это не будет мешать общему делу. – С этими словами он берет красный маркер. – Новый район поисков мы разделили на три зоны. В каждой команде будет работать не меньше десяти офицеров и специально обученный консультант по розыску, который будет сортировать улики и следить за тем, чтобы какой-нибудь чересчур активный представитель общественности не навредил делу.

Констебль обводит красным маркером часть карты.

– Команда номер один во главе с сержантом Эдом Мидом берет на себя школу Гриффин – всю чертову сотню акров ее территории. Основная ее часть – это, слава тебе господи, открытое пространство, но лесов и подлеска тоже хватает, не говоря уже о мелколесье вдоль западного берега канала. Школа выделила банду шестиклассников, готовых энергично взяться за поиски. Физкультурник там – бывший военный, так что я уверен, что он знает, как делаются такие вещи. И это не шутка. Команда номер два, старший – сержант Филип Манн, берет на себя бечевник вдоль канала и заповедник к востоку от него. Добровольцы из местного отделения Фонда охраны дикой природы встретят вас на месте – какие-то птицы все еще строят свои гнезда, так что эти люди будут под рукой, чтобы мы ничего там не натворили. Там же стоят баржи, на которых живут люди, и мы должны всех их допросить. – Бакстер рисует новые линии на карте. – Команда номер три под командованием сержанта Бена Робертса берет на себя площадку для отдыха, парковку возле пересечения шоссе с железной дорогой и спорткомплекс колледжа возле Вудсток-роуд. Там тоже хватает местных, желающих помочь.

Тут констебль со щелчком закрывает маркер.

– Вопросы?.. Отлично. Будьте на созвоне, а мы соберем еще одно совещание, если надо будет расширить территорию поисков или что-то обнаружится с вертолета. Но будем надеяться, что оно не понадобится.

Я уже почти вышел из комнаты, в которой проходит пресс-конференция, когда звонит мой телефон. Это Алекс. Я смотрю на экран и размышляю, стоит ли отвечать. В качестве заставки у меня на экране одна из этих стандартных предустановленных картинок – деревья и трава на фоне неба. Я ее не выбирал – меня она вообще мало волнует, просто мне

надо было избавиться от того, что было на экране раньше. Ту фотографию Джейка на плечах у Алекс я сделал прошлым летом – от яркого солнца, светившего им в спину, его темные волосы горели красным. В тот момент я как раз сказал ему, что он стал великоват для того, чтобы таскать его на закорках, – а он улыбался мне и продолжал делать по-своему. Каждый раз, глядя на это фото, я вспоминал стихотворение, которое мы когда-то читали в школе, – «Охваченный восторгом»^[13]. Именно таким Джейк и выглядел на фотографии – охваченным восторгом. Как будто счастье захватило его врасплох.

Я решаю ответить на звонок.

– Адам? – слышится в трубке женский голос. – Ты где?

– В участке на пресс-конференции. Кое-что произошло – мне не хотелось тебя будить...

– Я знаю – слышала в новостях. Сообщают, что пропал ребенок.

Я с силой втягиваю воздух. Знаю, что рано или поздно нечто подобное должно было случиться, – всего лишь вопрос времени. Но знание того, что что-то должно случиться, не облегчает жизнь, когда оно случается.

– Это маленькая девочка, – говорю я. – Ее зовут Дейзи.

Я почти слышу, как бьется ее сердце.

– Бедные родители... И как они держатся?

Прямой вопрос, на который у меня нет прямого ответа. И именно это, больше чем все остальное, с чем мне пришлось пока столкнуться, заставляет меня задуматься о странностях Мэйсонов.

– Сложно сказать. – Я выбираю правду. – Мне кажется, что пока они еще в шоке. Но сейчас только самое начало. И никаких свидетельств того, что девочке причинили вред, нет. И ничто не говорит за то, что мы не найдем ее живой и здоровой.

Какое-то время моя собеседница молчит.

– Иногда я думаю, не хуже ли это? – наконец снова раздается ее голос.

– Хуже? – Я отворачиваюсь и понижаю голос: – Что ты имеешь в виду?

– Надеяться. Может быть, это хуже всего... Хуже, чем знать. По крайней мере, мы... – Ее голос затихает.

Раньше она никогда так об этом не говорила. Мы никогда так об этом не говорили. Притом что они этого хотели – говорили, что это необходимо. Но мы все откладывали. Откладывали, откладывали, откладывали до тех пор, пока подобный разговор не стал в принципе невозможен. Чтобы вернуться к нему сегодня. Как будто другого времени нет. Сейчас она плачет, но тихо – не хочет, чтобы я слышал. Не могу решить – это из

гордости или потому, что не хочет меня расстраивать?

Я поднимаю глаза и вижу, как один из констеблей машет мне рукой.

– Прости Алекс, мне надо идти, – говорю я в трубку.

– Я знаю. Прости.

– Нет, это *ты* меня прости. Я позвоню позже. Обещаю.

19 июля 2016 года, 13:30

День исчезновения

Начальная школа Епископа Христофора, Оксфорд

Раздавшийся звонок возвещает о том, что можно расходиться по домам, и дети с шумом и гамом выбегают из своих классов на яркий свет и летят в сторону перегретых на солнце машин возле ворот, в которых их ждут родители. Некоторые бегут, другие скачут вприпрыжку, один или двое дерутся, а старшие собираются в группки и беседуют, обмениваясь новостями на своих «Айфонах». Две учительницы стоят на крыльце и наблюдают за ними.

– Слава тебе господи, семестр почти закончился, – говорит та, что постарше, и, подхватив летящий в ее сторону свитер, возвращает его владельцу. – Не могу дождаться конца. Этот год оказался тяжелее, чем все остальные.

– И не говори. – Стоящая рядом женщина печально улыбается.

Мимо нее пробегают ученики ее класса, и одна из девочек останавливается, чтобы попрощаться. Глаза у нее на мокром месте, потому что завтра она с семьей уезжает на каникулы, а когда вернется в школу осенью, то учительница будет уже другая. А эта ей нравится.

– Хороших тебе каникул в Южной Африке, Милли, – говорит женщина добрым голосом и слегка касается плеча девочки. – Надеюсь, тебе удастся увидеть маленьких львят.

Одноклассники Милли подхватывают ее и выносят во двор. Пара мальчиков, высокая девочка с косичками и еще одна девочка, похожая на китаянку. И вот наконец из школы поспешно вылетает светловолосая ученица в розовом кардигане, повязанном на плечах; на сумке в ее руках одна из диснеевских принцесс.

– Не так быстро, Дейзи! – кричит младшая учительница, когда та

скатывается вниз по ступенькам. – Ты же не хочешь упасть и удариться...

– Сегодня она в приподнятом настроении, – замечает ее старшая коллега, пока они наблюдают за тем, как девочка бегом догоняет двух подружек.

– У нее дома сегодня устраивают барбекю. Сдается мне, что она немного перевозбуждена.

– Хотелось бы мне быть достаточно юной, чтобы возбуждаться от предвкушения мокрого салата и пережаренных бургеров, – с гримасой говорит старшая учительница.

– Но там будет еще и салют, – смеется младшая. – Для салюта-то возраста не существует...

– Тут ты меня подловила. Я все еще балдею от пиротехники. Даже в своем возрасте.

Две женщины обмениваются улыбками, и более молодая возвращается в школу, в то время как ее коллега задерживается на несколько минут, наблюдая за тем, что происходит на площадке.

В течение ближайших недель эта сцена будет постоянно преследовать ее – маленькая девочка со светлыми волосами, залитая солнечным светом в школьных воротах, счастливо щебечущая с одной из подружек.

– И кто же, твою мать, общался с прессой?

Без двадцати пяти одиннадцать утра. В помещении штаба жарко. Окна открыты, и кто-то притащил из какого-то чулана антикварный вентилятор. Он медленно поворачивается слева направо и справа налево, издавая при этом зверское жужжание. Кто-то примостился за столами, кто-то стоит возле них. Я медленно осматриваю всех – слева направо и справа налево. Большинство спокойно выдерживают мой взгляд. Один или двое выглядят сконфуженными. И это всё. Если десять лет допросов и научили меня чему-то, так это тому, что не стоит давить, когда упираешься в стену.

– Я строго-настрого запретил говорить кому бы то ни было о том, что мы нашли колготки и что на них обнаружили. А теперь семья услышит об этом в гребаных новостях. И как, по-вашему, они будут себя ощущать? Информацию слил один из находящихся в этой комнате, и я обязательно выясню кто. Но сейчас я не буду тратить на это наше драгоценное время. Сейчас, когда Дейзи Мэйсон все еще не найдена.

Я вновь поворачиваюсь к доске. Карта на ней истыкана цветными булавками, а рядом с ней находится несколько смазанных фотографий – скорее всего, из телефонов, – которые расположены на некоем подобии шкалы времени. На большинстве фото написаны имена, на двух или трех поставлены вопросительные знаки. Над ними расположена фотография самой Дейзи. Сейчас, когда я в первый раз смотрю на это фото, мне бросается в глаза, насколько она похожа на свою мать. Похожа и в то же время не похожа. А потом задумываюсь, почему я так в этом уверен – ведь я же никогда с ней живой не встречался.

– Что там с этим наружным наблюдением?

Кто-то у меня за спиной прочищает горло, прежде чем ответить:

– Мы получили записи со всех камер наружного наблюдения в радиусе двух миль.

Это голос Гарета Куинна. Вы сами наверняка знаете этот тип. Роскошный костюм и тупое лезвие для бритья. Сейчас он исполняет обязанности детектива-сержанта, пока Джилл Мерфи в декретном отпуске, и намерен использовать это свое положение по полной. Лично меня Куинн раздражает, но он далеко не дурак, а его внешний вид сильно помогает, когда нужен кто-то, кто не слишком похож на «фараона». Вы не сильно удивитесь, когда узнаете, что наши остряки прозвали его «GQ»^[14]. Это прозвище Куинн – немного слишком наигранно – осуждает.

Я слышу, как он встает у меня за спиной.

– Канал находится вот здесь, к востоку от поселка, – говорит Гарет, – поэтому, чтобы скрыться, надо перейти через один из этих двух мостов, и ни на одном из них нет камер. Но камера есть на Вудсток-роуд, которая вот здесь идет на север. – Он указывает на булавку с красной головкой. – И еще одна расположена на участке с круговым движением на кольцевой дороге. Если он хотел быстро покинуть место, то должен был пойти вот сюда, а не на юг, через город.

Я смотрю на карту и на простор открытого пространства, раскинувшийся на западе, – три сотни акров земли, которую не обрабатывали вот уже тысячу лет и которая даже в такую погоду наполовину покрыта водой. Эта земля находится всего в пяти минутах ходьбы от поселка «Поместье на канале», но чтобы на нее выйти, надо пересечь железнодорожные пути.

– А что по поводу Порт-Мидоу^[15] – на переезде есть какие-нибудь камеры? – интересуюсь я. – Не помню, чтобы видел их там.

– Нет. – Куинн качает головой. – Но в любом случае переезд закрыт

последние два месяца, пока там строят новый надземный пешеходный переход и перекладывают часть путей. Работают по ночам, и прошлой ночью там была целая бригада рабочих. Старый переход давно закрыли перед полным демонтажем, так что в Порт-Мидоу таким образом не попадешь.

– Но если это пустышка, то какие у нас еще варианты?

Гарет показывает на булавку с зеленой головкой:

– Если учесть, что колготки мы нашли вот здесь, подозреваемый, скорее всего, шел по Бич-драйв, а потом – по окружной дороге, как я уже говорил. Это совпадает и с тем, где старушенция, по ее мнению, видела Дейзи.

Он делает шаг назад и засовывает ручку себе за ухо. У Куинна это подобие тика, и я вижу, как пара парней на задних рядах повторяют его движение – передразнивают его, но беззлобно. Во-первых, он – один из них, а во-вторых, Гарет сейчас выступает в роли детектива-сержанта, пусть и временно, так что им сам бог велел.

– Мы просмотрели записи со всех камер на его пути, – продолжает Куинн, – но ни черта не обнаружили. В то время на дороге было не так уж много машин, и все водители, с которыми нам пока удалось переговорить, вне подозрений. Одного или двух мы все еще не разыскали, но ни один из них не был в машине в одиночестве. Да и одинокого пешехода с маленьким ребенком на руках или с чем-то, что хоть отдаленно напоминало бы маленького ребенка, на записях нет. А это значит одно из двух: или эта старая кошелка не видела того, о чем рассказывает, или...

– ...Дейзи все еще находится в «Поместье на канале».

Думаю, что я не единственный, кому в этот момент вспоминается история Шеннон Мэтьюз. Ее спрятала собственная мать, дабы слупить денежек с сочувствующих, пока полиция роет землю носом, чтобы найти девочку, которая с самого начала никуда не терялась. А разве кто-то из соседей не говорил, что у Мэйсонов проблемы с наличием? Но на этом мои подозрения заканчиваются. И не потому, что Мэйсоны не выглядят идиотами, а потому, что если они и идиоты, время не совпадает.

– Ладно, – глубоко вздыхаю я. – Давайте обыщем бечевник и другие места в поселке, где можно спрятать тело. Но только – умоляю – осторожно. Для прессы речь все еще идет о похищении, а не об убийстве. Пока всё. Если ничего не случится, собираемся в шесть.

– Мне кажется, мы выяснили, кто это был, сэр.

Три часа дня, и я нахожусь в своем кабинете, собираясь в поселок, весь просветленный – если так можно сказать – после выволочки, которую мне устроил суперинтендант^[16] по поводу того, что произошло на пресс-конференции. В дверях стоит Анна Филлипс, стажерка из какого-то стартапа в бизнес-парке, исследования которой по вовлечению населения в деятельность полиции должны катапультировать нас, туповатых копов, прямо в двадцать первый век. В отличие от всех остальных, Анна носит туфли на очень высоких каблуках. И очень короткие юбки. В участке она пользуется повышенным вниманием, что никого не удивляет. У Алекс, когда мы с ней впервые встретились, была такая же стрижка – она придавала ей озорной вид. И игривый. Но за последние несколько месяцев Алекс все это растеряла. С момента появления Анны я пару раз даже впадал в ступор от этого сходства, но, увидев ее улыбку, понял, что ошибаюсь. Не могу вспомнить, когда моя жена улыбалась в последний раз.

– Простите, я отвлекся. Так о ком речь? – уточняю я.

Если я немного резок с Филлипс, то это потому, что в ушах у меня все еще звучат слова «некомпетентность» и «последствия». И потому, что я не могу найти ключи от своей машины. Но ее это, кажется, мало волнует.

– Я об утечке информации. Гарет – детектив-сержант Куинн – попросил меня выяснить, где течет.

Я поднимаю глаза. «Значит, все-таки Гарет?» Анна слегка краснеет, и я задумываюсь, сообщил ли он ей о том, что у него есть постоянная девушка? Если нет, то это уже не первый случай такой амнезии.

– И?..

Стажерка обходит стол и встает сбоку от меня. Выходит в Сеть. Вводит адрес и делает шаг назад, чтобы мне был виден экран. Передо мной страница «Фейсбука». Самый последний пост – стоп-кадр из видео с Дейзи, которое мы выложили для публики. Это меня не волнует – чем больше людей это увидит, тем лучше. А вот все остальное заставляет меня напрячься. Фото полицейских на крыльце. Несколько сотрудников Чаллоу, входящих в дом Мэйсонов. Моя собственная фотография, где я затягиваюсь сигаретой, которая суперу наверняка не понравится. Судя по углам съемки, фото были сделаны из одного из домов, расположенных по соседству. А когда Анна прокручивает экран, я вижу пост, размещенный несколько часов назад и сообщающий о том, что полиция обнаружила испачканные кровью зеленые колготки, которые, по ее, полиции, мнению, были на Дейзи в момент исчезновения.

– Страница принадлежит Тоби Вебстеру, – говорит девушка еще до

того, как я успеваю задать вопрос.

– Кому?

– Сыну Фионы Вебстер. Соседки, которую констебль Эверетт допрашивала сегодня утром. Мне кажется, она спросила ее о колготках. Именно тогда он о них и услышал. Ему пятнадцать.

Как будто возраст что-то объясняет... Хотя в каком-то смысле да.

– Раскопать это было не так уж трудно, – продолжает Анна. – Меня вообще удивляет, что большинство журналистов об этом ничего не знали.

Закодированное сообщение: «Думаю, вы должны извиниться перед своими людьми». Что абсолютно правильно.

– Но есть еще кое-что... – продолжает Филлипс.

В этот момент звонит телефон, и я снимаю трубку. Это Чаллоу.

– Ты хотел, чтобы мы побыстрее проверили эти колготки?

– И что?

– Она не ее. Я о крови. Никакого сходства с ДНК на щетке.

– То есть ты уверен, что это не Дейзи Мэйсон?

– ДНК не лжет. И ты это прекрасно знаешь.

– Твою мать...

Но Алан уже положил трубку. Анна смотрит на меня со странным выражением на лице. Если эта девушка настолько не привыкла к ругательствам, то долго она у нас не продержится.

– Я еще раз просмотрела фото, – начинает Филлипс. – Те, с вечеринки.

– Простите, но мне пора. Я уже опаздываю.

– Подождите, это не займет больше минуты.

Стажерка наклоняется к компьютеру и открывает файл с фотографиями на общем сервере. Выбирает три из них, а потом открывает стоп-кадр Дейзи с видео и аккуратно помещает его рядом с другими.

– Мне понадобилось какое-то время, чтобы обнаружить это. Впрочем, постфактум кажется, что это очевидно.

Возможно, это и очевидно для Анны, но не для меня. Она с надеждой смотрит на меня, но я лишь пожимаю плечами.

Тогда девушка берет ручку и начинает показывать:

– Вот эти три фото справа – единственные с вечеринки, на которых есть Дейзи. По крайней мере, других у нас пока нет. Однако все они не очень четкие – она или стоит спиной к нам, или ее кто-то частично закрывает. Но одна вещь видна ясно...

– А именно?

Анна указывает на стоп-кадр из видео, снятого за три дня до вечеринки:

– Посмотрите на длину ее платья – оно сильно выше колен девочки. А теперь сравните с этими тремя фото.

Теперь я тоже это вижу. Очень хорошо вижу. Платье на девочке с вечеринки выглядит дюйма на два-три длиннее платья на Дейзи Мэйсон. Это вообще не Дейзи.

Это другой ребенок.

Оксфорд Ньюс @OxfordNewsOnline 15.18

Усадьба у канала #похищение последние новости – источники сообщают о том, что полиция обнаружила одежду, испачканную кровью. Все, кто располагает инфо пжл свяжитесь с @ThamesValleyPolice #НайтиДейзи

Элспет Морган @ElspethMorgan95915.22

Бедная семья. Не могу себе представить, что они должны сейчас чувствовать. #НайтиДейзи

ВВС Мидлендс @BBCMidlandsBreaking 15.45

#Мидлэндс Сегодня в шесть сообщит последние новости об исчезновении #ДейзиМэйсон. @ThamesValleyPolice ранее разместила ее фото

Уильям Кидд @ThatBillytheKidd 15.46

Если вы знаете где Дейзи Мэйсон пжл сообщите в полицию #НайтиДейзи #ДейзиМэйсон

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 15.56

Только мне одной все это дело с #ДейзиМэйсон кажется странным? Как ребенок может исчезнуть с собственной вечеринки + никто этого не замечает?

Кэролайн Толлис @ForWhomtheTollis 16.05

@Annie_Merrivale – Я согласна – сказала своему старику как только услышали – здесь все не так просто #ДейзиМэйсон

Дэнни Чэдвик @ChadwickDanielPJ 16.07

Что за родители позволят своему дитю не спать до послеполуночи? Они очевидно совсем за нею не следили – вот пусть себя и винят #ДейзиМэйсон

Ангус Кордери @AngusNCorderyEsq 16.09

@Annie_Merrivale – @ForWhomtheTollis @ChadwickDanielPJ Попомните мои слова – окажется, что это один из родителей. Всегда так #ДейзиМэйсон

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 16.10

@AngusNCorderyEsq Странно, что ни один из них еще не появился перед публикой @ForWhomtheTollis @ChadwickDanielPJ #ДейзиМэйсон

Элси Бартон @ElsieBarton_193316.13

@AngusNCorderyEsq @Annie_Merrivale – @ForWhom- theTollis @ChadwickDanielPJ Боже как же я ненавижу вашу подозрительность #НайтиДейзи

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 16.26

@ElsieBarton_1933 Вы не можете не признать, что все это очень странно выглядит #НайтиДейзи

Элси Бартон @ElsieBarton_193316.29

@Annie_Merrivale – Я знаю только, что пропала маленькая девочка и нам надо думать как ее найти а не обвинять ее родителей #НайтиДейзи

Анжела Беттертон @AngelaGBetterton 16.31
@AngusNCorderyEsq @ChadwickDanielPJ
@Annie_Merrivale – @ForWhomtheTollis Вы не знаете, о
чем говорите – вы даже не знаете эту семью
#НайтиДейзи

Дэнни Чэдвик @ChadwickDanielPJ 16.33
@AngelaGBetterton Я знаю только, что теперь буду
гораздо, черт побери, лучше смотреть за собственным
ребенком. А вот откуда вы такая всезнайка, позвольте
спросить? #ДейзиМэйсон

Анжела Беттертон @AngelaGBetterton 16.35
@AngusNCorderyEsq Я была на вечеринке –
родители всю ночь никуда не отлучались – ни один из
них не может быть в этом замешан #НайтиДейзи

Кэролайн Толлис @ForWhomtheTollis 16.36
@AngelaGBetterton А что слышно об испачканных
кровью колготках – полиция подтвердила информацию?
#НайтиДейзи

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 16.37
@ForWhomtheTollis В новостях ничего не было Но
это говорит за то, что в ту ночь ее кто-то ранил, не так
ли? #ДейзиМэйсон

Кэролайн Толлис @ForWhomtheTollis 16.39
@Annie_Merrivale – Бедная девочка, я думаю, она
уже мертва #ДейзиМэйсон

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 16.42

@ForWhomtheTollis Знаю. Неясно только – кто ее убил #ДейзиМэйсон

Я открываю дверь в помещение штаба. Воздух здесь кажется мне пропитанным энергией. Все поворачиваются в мою сторону и провожают меня взглядом, пока я иду к доске и указываю пальцем на одно из фото с вечеринки.

– Как вы уже, наверное, все знаете, крайне маловероятно, что эта девочка на фото – Дейзи Мэйсон.

Уровень шума увеличивается, и я повышаю голос:

– А не знаете вы еще того, что я только что получил из лаборатории подтверждение: кровь на колготках не принадлежит – повторяю – не принадлежит Дейзи Мэйсон. Сие значит, что, возможно, это кровь девочки с той фотографии. И если старая миссис Бамптон действительно видела мужчину с ребенком на руках, то ребенок может быть тоже этой девочкой, а не Дейзи Мэйсон.

И тут на меня находит, как оно иногда бывает. Подготовиться к этому невозможно – никогда не знаешь, какие слова или ассоциации могут послужить толчком, – но твой закрытый на все замки мозг неожиданно взрывается непрошеными воспоминаниями. О том, как я несу Джейка на руках, и он сонно прижимается к моей груди, а я чувствую запах шампуня в его волосах и сада, залитого солнцем, на его коже – его тепло, тяжесть его тела...

Неожиданная тишина в помещении бьет меня по голове. Все они не отрываясь смотрят на меня. Ну или некоторые. Те, которых я знаю дольше всего, стараются смотреть куда угодно, но только не в мою сторону.

– Простите – как уже было сказано, я не думаю, что речь сейчас идет о двух потерявшихся детях, – продолжаю я. – Подозреваю, что это простой случай «ошибочной идентификации». Судя по следам крови на колене, причиной ее появления может быть простая ссадина. Но нам все-таки необходимо разыскать эту другую девочку и убедиться, что с ней всё в порядке. Кроме того, надо понять, как она заполучила этот костюм цветка – возможно, дети обменялись маскарадными нарядами, и тогда девочка сможет сообщить, во что же в ту ночь действительно была одета Дейзи. А пока – Эверетт, не могли бы вы еще раз пройти по фотографиям вместе с

Анной Филлипс и поискать других светловолосых девочек, которые могут оказаться Дейзи?

Гарет Куинн встает на ноги. В руках у него планшет, и он лихорадочно прокручивает экран.

– Босс, мне кажется, я знаю, кто эта девочка. Уверен, что один из внедорожников на камере наружного наблюдения принадлежит одной из местных семей. Ну да, всё в цвет – Дэвиду и Джулии Коннор. У них есть дочь, которую зовут Милли. Она учится в одном классе с Дейзи в школе Китса. Семейство было на вечеринке, но они рано ушли – на следующее утро им нужно было вылететь ранним рейсом из Гатвика. На камере видно, как они едут в сторону окружной дороги в одиннадцать сорок девять вечера. Именно поэтому мы пока не смогли опросить их – честно говоря, до настоящего момента это не было нашей первоочередной задачей. Однако я оставил послание на мобильном Дэвида Коннора с просьбой перезвонить мне.

Куинн подходит к карте, поворачивается ко мне, указывает дом на карте и смотрит на меня глазами, полными энтузиазма.

– Вот это дом Конноров – номер пятьдесят четыре. Возвращаясь от Мэйсонов, они должны были пройти как раз мимо дома миссис Бамптон. Думаю, что старая дама видела именно *Дэвида Коннора*, который нес домой дочку.

Атмосфера в помещении странно меняется. Я и раньше сталкивался с подобным – это вроде как прорыв и в то же время никакой не прорыв, потому что он лишь исключает одну из вероятностей, а вовсе не приближает тебя к истине. Ощущение такое, что части головоломки встают на места, но до полной картинке все еще далеко. И кроме всего прочего, на этой картинке вдруг появляется очень темное пятно.

Об этом сообщает Гислингхэм – специалист по провозглашению Абсолютно Очевидных Фактов. Но послушайте, такой должен быть в каждой команде. Особенно на нашей работе.

– То есть иными словами, – говорит он, – Мэйсоны видели, как девочка всю ночь бегала в этом наряде, и так и не врубились, что это не их дочь?

– Дело в том, что эта штука на голове закрывает девочке практически все лицо, – вмешивается в разговор Эверетт. – Я хочу сказать, что мы тоже не поняли, что это не она, хотя достаточно внимательно изучали фотографии.

– Но мы – не ее родители, – негромко напоминаю я. – Поверьте мне, собственного ребенка узнаешь даже в лыжных очках и в полиэтиленовом

мешке. Это происходит непроизвольно. Ты знаешь, как он двигается, как ходит...

Как двигался Джейк, как он ходил. Время замирает. Всего на мгновение – и, избежав ловушки, продолжает свой ход.

– Ну и, конечно, *как он говорит*, – добавляет Гислингхэм. – Если б Мэйсоны с ней заговорили, то сразу поняли бы...

– Значит, одно из двух, – прерывает его Куинн. – Или они всю дорогу не говорили с собственной дочерью, во что верится с трудом, или в ту ночь произошло что-то еще более страшное.

– Но речь не только о родителях. – Я все еще не повышаю голос. – О Лео тоже. Он должен был знать, что девочка на вечеринке – не Дейзи. Родители могут возразить, что они были слишком заняты, но мальчик выглядит наблюдательным пареньком. Он *знал*. Так почему же ничего не сказал родителям? Не сказал *нам*? Или он что-то скрывает, или чего-то боится. И прямо сейчас я не могу решить, что хуже.

– Так что же нам теперь делать, босс? Рассказать Мэйсонам о Милли Коннор? Доставить их сюда для допроса?

– Нет, – медленно говорю я. – Пусть они обратятся по поводу дочери с экранов телевизоров. Я хочу посмотреть, как они с этим справятся. Все трое – проследите, чтобы мальчик тоже присутствовал. В любом случае такое обращение никак не помешает – Дейзи ведь все еще может быть где-то в окрестностях, и это, к примеру, совершенно не связано с семьей.

Люди начинают шевелиться: вставать, братья за телефоны... Но я еще не закончил:

– Знаю, что могу не напоминать вам об этом, но подчеркиваю, что *ни одна живая душа* за пределами этой комнаты не должна знать, что девочка на вечеринке – не Дейзи. И позаботьтесь предупредить Конноров о том же. Поскольку может случиться так, что сейчас мы говорим совсем о другой временной хронологии, нежели раньше. Возможно, Дейзи вообще не была на этой вечеринке.

Телефонный опрос Дэвида Коннора

20 июля 2016 г., 18:45

Разговор ведет исполняющий обязанности детектива-сержанта Г. Куинн

Присутствует (на параллельной трубке) детектив-констебль К. Гислингхэм

ГК: Спасибо за то, что перезваниваете, мистер Коннор. Приношу наши извинения за то, что нарушаем ваш отдых.

ДК: Без проблем. Простите, что не связался с вами раньше. Мы просто в шоке от того, что произошло. Жена увидела по «Би-би-си уорлд ньюс» в гостиничном номере.

ГК: Вы знали о том, что костюм цветка, который на вечеринке был на вашей дочери, должна была носить Дейзи Мэйсон?

ДК: Сам я об этом не знал, но жена знала. Некоторые из школьных друзей Милли пришли к нам после уроков накануне...

ГК: Вы имеете в виду, днем в понедельник?

ДК: Э-э-э... А это был понедельник? Простите, я немного запутался во временных поясах. Да, должно быть, это был именно понедельник. В любом случае, Джулия говорит, что все они принесли с собой свои маскарадные костюмы и стали их примерять. А потом стали обмениваться ими – вы же знаете, как ведут себя девочки в этом возрасте. И кажется, что в какой-то момент в этом хаосе Дейзи решила, что костюм Милли нравится ей больше. Милли согласилась обмениваться костюмами.

ГК: А вы не знаете, мама Дейзи знала об обмене?

ДК: Без понятия. Сейчас спрошу у Джулии... (Слышен приглушенный шум.) Джулия говорит, мол, Дейзи заверила ее, что мама возражать не будет. Но, очевидно, если Дейзи вообще заговорила об этом, то ее мать ничего не знала.

ГК: В мусорном баке в поселке мы нашли колготки, но кровь на них не совпадает с кровью Дейзи...

ДК: Ах да, мне очень жаль. Милли упала, а так как становилось уже поздно и она начала капризничать, мы решили отправиться домой. Колготки восстановлению не подлежали, и мы просто выбросили их. Прошу прощения, если это доставило вам какие-то неудобства.

ГК: А каков изначально был маскарадный костюм, который собиралась надеть ваша дочь, мистер Коннор?

ДК: Жена говорит, что это был костюм русалки. Я его никогда не видел, но, по-видимому, он состоял из топа телесного цвета и хвоста с блестящей синей и зеленой чешуей.

ГК: Что-нибудь на голове или какая-нибудь маска?

ДК: Подождите минутку... (Опять приглушенный шум.) Нет, ничего

подобного.

ГК: Значит, если Дейзи на вечере была в этом костюме, то ее легко было узнать?

ДК: По-видимому. Неужели вы думаете...

ГК: Я просто пытаюсь установить факты, мистер Коннор. А вы вчера видели Дейзи?

ДК: Сейчас, когда вы заговорили об этом... кажется, нет. То есть в новостях сообщили, что она там была и пропала после вечеринки, поэтому я решил... Боже, ведь это здорово меняет дело, правда?

ГК: А Милли ничего нам не может рассказать? Что она там видела или слышала?

ДК: Честно говоря, мы сейчас мало что можем от нее добиться – она все время плачет и отказывается об этом говорить. Мне не хотелось бы на нее давить. Когда она успокоится, я попрошу Джулию поговорить с ней и перезвоню вам, если что-то выяснится.

ГК: Благодарю вас, мистер Коннор. Позвольте напомнить вам, что нашу беседу не стоит ни с кем обсуждать. Это очень важно. Особенно не стоит посвящать в это прессу.

ДК: Ну конечно. И прошу вас, сообщите, если мы можем еще чем-то помочь. Мы все должны сплотиться, чтобы найти мерзавца, который это сделал. Правильно?

18 июля 2016 года, 16:29

За день до исчезновения

Дом Конноров, Барж-клоуз, 54

Джулия Коннор наполняет соком полдюжины стаканов и несет поднос в комнату дочери. Шум, который устроили дети, слышен ей с первого этажа. Наверное, он доносится и до соседей по улице. Ковер в комнате похоронен под кучей одежды и маскарадных костюмов.

– Надеюсь, что вы не перепутаете ваши костюмы, – говорит Джулия, ставя поднос. – Мне не хотелось бы потом объясняться с вашими мамами.

Три девочки стоят перед высоким зеркалом и наслаждаются своим собственным видом. Принцесса в розовом, цветок и бабочка.

– И который же из них лучше всего? – вопрошает принцесса у своего

отражения, и ее картонная корона сползает ей на глаза. – Вам не кажется, что из нас я – самая красивая?

Джулия улыбается про себя – ей бы хоть немного самоуверенности этого ребенка, когда она была в ее возрасте! Потом прикрывает за собой дверь и возвращается на кухню, где включает радио и начинает нарезать овощи к обеду. Передают старую песню Энни Леннокс. Она делает звук громче и начинает подпевать. *Sisters are doing it for themselves*^[17]. Музыка так гремит, что Коннор пропускает момент, когда на втором этаже внезапно начинаются беспорядки. Так что она не слышит криков: «Я тебя ненавижу! Чтоб ты сдохла!» – не видит девочку в костюме цветка, прижатую к стене, и другую девочку, которая яростно нападает на нее и наносит удары по маленькому личику, скрытому под ничего не выражающей маской из лепестков.

Уже почти шесть, а поисковая команда все еще работает вхолостую. Отрезок бечевника в милю длиной к северу от поселка был закрыт для публики, и они перепахали его дюйм за дюймом, используя палки для того, чтобы раздвигать подлесок, и собирая все, что хоть отдаленно напоминало улики, в пластиковые мешки. Конфетные фантики, банки из-под пива, детский ботиночек... «Почему, – думает Эрика Сомер, распрямляя ноющую спину и проверяя время, – он здесь только один? Неужели тот, кто его потерял, хромал до дома наполовину обутый? И как вообще его можно потерять – трудно не заметить, что его нет на ноге». Она качает головой, понимая всю бесполезность этих мыслей и обвиняя в них низкий уровень сахара в крови.

Чуть дальше от нее шесть или семь добровольцев в болотных сапогах бредут через канавы, наполовину заполненные гниющими листьями и мусором, оставленным любителями лодочных прогулок. После стольких дней засухи уровень воды понизился, а вонь усилилась. Они уже закончили с заповедником, который остался в ста ярдах у них за плечами. Эрика даже не знала, что он вообще существует, хотя и выросла милях в пяти отсюда. Но в ее школе никогда не было дневных походов или уроков на свежем воздухе – учителям хватало других дел, удерживая хаос под контролем. Ей и в голову не могло прийти, что такой невозделанный участок можно найти так близко от центра города. Такой дикий, заросший, наполовину залитый

водой и непроходимый... Эрика видела трех водяных крыс и семейство камышниц, а в какой-то момент, словно из воздуха, материализовался шипящий, машущий крыльями вихрь белизны, оказавшийся лебедем, поднявшимся на защиту своих птенцов.

Но что они могут предьявить после всех этих часов поисков? Кроме разламывающей спину боли и отборного мусора – ничего. Никто ничего не видел: ни те, кто жил на воде, ни те, кто пристроился рядом. Некоторые готовили барбекю на своих участках в то время, когда Мэйсоны устроили свою вечеринку. Двое или трое даже вспомнили салют, но ни один из них не видел маленькой девочки. Как будто она растворилась в воздухе.

В двадцать пять минут восьмого Эрике звонит Бакстер.

– Можете сворачиваться. Завтра утром вызовем аквалангистов.

– Неужели? – Сомер хмурится. – Если б это были мои деньги, то я бы не стала. Здесь достаточно мелко, не как в реке, и все эти лодки постоянно баламутят воду. Если б она здесь была, мы ее уже нашли бы.

– Послушай, я же не спорю. Строго между нами – это все скорее для отчета, чем для дела. Помощник главного констебля^[18] хочет продемонстрировать, что мы используем все наши возможности. Отсюда и этот гребаный вертолет.

– Пресса наверняка в восторге.

– Это точно, – соглашается Бакстер. – Для этого, по-моему, все и делается.

Я занимаю свое место на второй пресс-конференции ровно через двадцать четыре часа после того, как состоялась первая. За сутки многое может измениться. Весь Интернет заполнен изображениями Дейзи, и мне сообщают, что #НайтиДейзи сейчас главный тренд «Твиттера». Теперь это уже официально «Главная Новость», и это означает, что пресс-конференцию будет вести суперинтендант, так что мы перебираемся в зал для пресс-конференций в Кидлингтоне, но и там многим писакам приходится стоять. «Скай ньюс»^[19] ведет прямую трансляцию, а в помещении находится еще с десяток камер, среди которых незаметно затесались Гарет Куинн и Анна Филлипс с ручным цифровым камкордером. Я хочу, чтобы у нас была запись каждой секунды происходящего.

Ровно в 10:01 под вспышки блицев мы выводим на помост семейство Мэйсон. Лео весь зеленого цвета, и в какой-то момент мне кажется, что его стошнит прямо перед камерами. Что касается его отца, то он сразу же отодвигает свой стул как можно дальше, что говорит о его намерениях больше, чем что-либо, что я видел в своей жизни. Я просто считаю, что в его же интересах не притворяться, что он здесь ни при чем. Когда вчера вечером я был у них и сообщил о телевизионном обращении, он все время интересовался, так ли уж это необходимо, что им это даст и помогло ли подобное когда-нибудь реально вернуть ребенка. Достаточно сказать, что ни один родитель еще не пытался *отговорить* меня от публичного освещения того, что произошло с его похищенным ребенком, как это делает Барри. А ведь речь идет о его маленькой принцессе, о его обожаемой доченьке... Мне кажется, что он не притворяется. По крайней мере, не в этом. И это лишь еще больше все запутывает. Что касается Шэрон, то она едва произнесла одно слово за все то время, пока я у них был. Я говорил и понимал, что ничего из сказанного до нее не доходит. И вот теперь, глядя на нее, я понимаю, что так занимало ее мысли – она реально думала, как ей одеться. Одежда, косметика, драгоценности – все подобрано, все безукоризненно. Она выглядит так, будто пришла на собеседование по поводу работы, а не для того чтобы умолять вернуть ей ее ребенка.

В 10:02 супер прочищает горло и начинает читать по бумажке, которая лежит перед ним. Зная то, что мы знаем теперь, нам приходится с удвоенным вниманием относиться к тому, что мы говорим. Мы не вправе позволить себе откровенную ложь, но и всю правду сообщить не в состоянии.

– Благодарю вас, дамы и господа, за то, что пришли на нашу пресс-конференцию, – читает суперинтендант. – Мистер и миссис Мэйсон собираются сделать короткое заявление, касающееся исчезновения их дочери Дейзи. На этом наша конференция сегодня и закончится. Наша главная цель – вернуть здоровую и невредимую Дейзи в семью. У нас нет никакой дополнительной информации, которой мы могли бы с вами поделиться, и ни семья, ни детектив-инспектор Фаули не будут отвечать на вопросы. Я заранее благодарю вас за понимание и прошу с уважением отнестись к праву семьи на неприкосновенность частной жизни в такое непростое для нее время.

Вспышки камер, люди начинают ерзать на стульях. Их не интересует, что скажет семья – все говорят одно и то же, когда исчезает ребенок, – но для них очень важно услышать, как она это скажет. Они хотят понять, что за люди эти Мэйсоны. Способны ли они выдержать пристальное внимание?

Могут ли нравиться? Все это связывают с их личностной сферой и способностью внушать доверие. И, естественно, с принадлежностью к определенному классу общества – этой вечной навязчивой идеей англичан...

Супер поворачивается налево, к Барри Мэйсону, который открывает было рот, чтобы что-то сказать, но потом прячет голову в руках и начинает всхлипывать. Мы с трудом можем разобрать что-то о «маленькой принцессе» в его несвязном бормотании. Эти слова уже начинают действовать мне на нервы. Я с трудом пытаюсь сохранить на лице непроницаемое выражение, но не знаю, насколько мне это удастся. Что же касается Лео, то его глаза широко раскрываются, и он бросает мученический взгляд на мать, но та в этот момент смотрит в объективы камер, а не на сына. Под столом, там, где этого никто, кроме меня, не видит, мальчик слегка касается рукой ее ноги, но она не двигается и никак ему не отвечает.

– Может быть, вы зачитаете ваше заявление, миссис Мэйсон? – откашливается супер.

Шэрон начинает читать, и в какой-то момент касается рукой своей прически. Точно так же, как она касалась ее, когда увидела телевизионщиков возле своего дома. После этого поворачивается и смотрит прямо в камеру.

– Если кто-то что-то знает о местонахождении нашей малышки, – говорит миссис Мэйсон, – прошу вас заявить об этом. И еще, Дейзи, если ты нас видишь – милая, тебе ничто не угрожает; мы просто хотим, чтобы ты вернулась домой. Мы по тебе скучаем – твой папа и я. И, конечно, Лео.

После этого миссис Мэйсон крепко обнимает своего сына и притягивает его к себе. В свои объятия.

Запись я смотрю вместе с Брайаном Гоу, консультантом, которого мы привлекаем в таких случаях. Вы, возможно, назвали бы его профайлером^[20], но в наши дни все названия, которые хоть как-то намекают на динамичность и изменчивость бытия, не приветствуются. Хотя, по иронии судьбы, сам Брайан – живой пример этой динамичности и изменчивости: трейнспоттер^[21], оплот и основа всех викторин в местном пабе и начинающий математик (и не спрашивайте, как все это может

сочетаться в одном человеке – на мой взгляд, первое исключает второе, а второе – третье).

Мы просматриваем весь материал, а потом он просит показать его еще раз.

– И что ты думаешь? – спрашиваю я наконец.

Брайан снимает очки и протирает их о брюки.

– Честно говоря, не знаю, с чего начать. Папаша явно чувствует себя не в своей тарелке, и я не верю всем этим наигранным рыданиям.

– Я тоже. Я вообще подозреваю, что это просто повод спрятать лицо в руках.

– Согласен, он что-то скрывает. Но это необязательно может быть связано с ребенком. Я бы изучил его прошлое. Возможно, у него роман или он влип во что-то и поэтому не хочет появляться на экране.

– У него строительная компания, – сухо замечаю я. – Полагаю, что существует множество людей, перед которыми ему не хотелось бы светиться. А что насчет мальчика?

– Его понять сложнее. Что-то его беспокоит, но это может быть травма, связанная с исчезновением сестры. Опять же, я посоветовал бы изучить его предыдущее поведение. Посмотрите, не было ли чего-то подозрительного в дни, предшествовавшие исчезновению. Как он вел себя в школе...

– А Шэрон?

– «Все чудесатее и чудесатее!» – воскликнула Алиса^[22], – говорит Гоу с гримасой. – Эта женщина специально ходила в парикмахерскую или она всегда так выглядит?

– Я попросил Эверетт невзначай выяснить это, осторожно, чтобы не спугнуть. Как я понял, она ответила: «Не хочется, чтобы у них сложилось предвзятое мнение».

– У них?

– Я замечал это и раньше. Она явно сдвинулась на том, что о ней могут подумать другие люди, но ни разу не объяснила, кого имеет в виду под словом «они».

– Понятно. – Брайан хмурится. – Перемотай до того момента, где она говорит о дочери.

На экране появляется лицо Шэрон Мэйсон – его крупный план, – и запись замирает. Рот женщины слегка приоткрыт.

– Ты когда-нибудь слышал о Поле Экмане?^[23] – спрашивает Гоу, и я отрицательно качаю головой. – Но телесериал «Обмани меня»^[24] ты видел?

– Нет, но я знаю, о чем ты. Это там главный герой определяет, кто

говорит правду, по языку тела?

– Именно. Прототип главного героя – Пол Экман. По его теории, некоторые человеческие эмоции невозможно подделать, потому что ты не можешь сознательно контролировать те мускулы на лице, которые их выражают. Например, если говорить о горе, то все дело в расстоянии между бровями. Если ты действительно испытываешь горе, а не просто притворяешься, твои брови сдвигаются вместе. Притворяться больше чем пару минут удивительно трудно – я знаю, потому что сам пробовал. Если ты посмотришь на лица людей во время телевизионных обращений, которые, как позже оказалось, сами совершили преступление, ты поймешь, что я имею в виду. Их выдают брови – верхняя часть лица не соответствует нижней. Погугли Трейси Эндрюс^[25] в следующий раз, когда будешь в Сети. Классический пример. А теперь посмотри на Шэрон Мэйсон.

Теперь и я вижу. В глазах у нее могут стоять слезы, губы могут дрожать, но брови остаются спокойными. Непотревоженными.

Я поднимаюсь, чтобы уйти, но мой собеседник останавливает меня.

– Думаю, что Сеть взорвется в ближайшее время, – говорит он, вновь надевая очки. – В таких случаях люди часто основывают свои суждения на визуальных уликах, о которых мы только что говорили, хотя большинство из них делает это бессознательно. Так что, подозреваю, в ближайшее время в «Твиттере» Мэйсонам устроят настоящее судилище. Заслуживают они этого или нет.

По дороге я захожу в штаб поисков в церкви Святого Алдэйта^[26]. Эверетт рассказывает, что ни на одной из фотографий, сделанных во время вечеринки, нет ребенка в костюме русалки, а это значит, что нам придется перестраивать все расследование. Теперь надо устанавливать, кто, когда и где видел Дейзи в последний раз. И выяснять, какой точно костюм на ней был. И допросить Мэйсонов. И как только об этом станет известно, всем нам придется туго.

ITV Ньюс @ITVLiveandBreaking 10.02

Смотрите в прямом эфире: семья пропавшей Дейзи
Мэйсон делает заявление #НайтиДейзи
6,935 РЕТВИТОВ

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 10.09

#Дейзи Мэйсон Смотрю заявление полиции – папаша выглядит виновным на все 100% – а мамаша прямо как айсберг

Индажит Сингх @MrSingh70070070010.10

Родители Дейзи Мэйсон совсем не убеждают & почему полиция не позволила прессе задавать вопросы? Подозрительно

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 10.11

#ДейзиМэйсон Предков арестуют до конца дня – погодите. Все это уже видел

Лиза Дженкс @ManUnitedForEver 10.12

@SnapHappyWarrior Зачем брать на себя роль и судьи и присяжных & они ее еще даже не нашли – вы о чем? #НайтиДейзи

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 10.12

@ManUnitedForEver А вы о чем?! Любому ясно: что-то не так. Посмотрите на мальчишку – окаменел от страха

Дэнни Чедвик @ChadwickDanielPJ

Никогда не видал, чтобы папаша плакал больше, чем мамаша. Уверен, что здесь кроется что-то еще #ДейзиМэйсон

Роб Чилтерн @RockingRobin197510.15

#ДейзиМэйсон Надеюсь что полиция обыскала чертов дом – носом чую, что она опять облажалась. И уже не в первый раз

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 10.16
@RockingRobin1975 Родители не знают где она.
Неудивительно что они в ступоре. Люди по-разному
реагируют на стресс...

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 10.16
@RockingRobin1975... Они не подозреваемые.
Просто родители. Всем сердцем я с ними #НайтиДейзи

Кэролайн Толлис @ForWhomtheTollis 10.17
А полиция не додумалась допросить братца?
#мысливслух #ДейзиМэйсон

Гарри Джи @SwordsandSandals 10.19
Знаете чё я думаю? – папаша ее пришил. Точняк!
Слежу за #ДейзиМэйсон

Мы попросили Мэйсонов задержаться в Кидлингтоне после их телевизионного обращения. Запудрили им мозги насчет всяких процедур и бумаг и разместили их вместе с Морин Джонс, которой на этот раз выпал жребий поработать семейным психологом. В действительности же мы не хотели доставлять их потом на допрос на виду у всего света. Особенно на виду у этого любопытного юнца со слишком активной страницей в «Фейсбуке».

Я беру с собой Куинна и по дороге заглядываю к суперу по его просьбе. И хотя я стараюсь всячески показать, что очень спешу, он интересуется, нельзя ли поговорить со мной с глазу на глаз, и просит закрыть за собой дверь, так что я уже знаю, что будет дальше. Но для начала супер сообщает мне плохие новости:

– Я не буду запрашивать ордер на обыск дома Мэйсонов криминалистами. По крайней мере, сейчас. КСУПу^[27] потребуется нечто

большее, чем косвенные улики и вопросы без ответов, чтобы обращаться к мировому судье.

– Ради всего святого...

– Я все знаю, но этот случай уже превращается в настоящий медийный цирк, и я не собираюсь подливать масла в огонь изображениями сотрудников в белых комбинезонах, выносящих на улицу плюшевых мишек. Насколько я понимаю, мы даже не знаем точно, когда девочку Мэйсонов видели в последний раз. Вполне возможно, что ее похитили по дороге из школы домой.

– Но Шэрон Мэйсон сказала, что всегда забирает детей на машине. А это уменьшает шансы на то, что кто-то мог увезти Дейзи к черту на рога.

– Соглашусь – но только после того, как вы установите это как непреложный факт. А до этого – никаких ордеров. Кто знает, может быть, он нам вообще не понадобится... Вы спрашивали разрешения у родителей?

– Я просто не могу представить себе, как они на это согласятся, сэр. Они психолога-то в дом не пустили. Что само по себе...

– ...даже отдаленно не позволяет их в чем-то заподозрить. Спросите их – только вежливо, – можем ли мы провести обыск. А потом поговорим. Договорились?

– Договорились, – вздыхаю я.

Начинаю поворачиваться, но босс указывает мне на стул, а сам откидывается в кресле и складывает пальцы перед собой. На лице у него появляется выражение, которое любой специалист по персоналу назвал бы «подходящей к случаю эмпатией»^[28].

– Вы уверены, что можете вести это расследование, Адам? Я хочу сказать, что вы гораздо активнее большинства наших инспекторов, но оно не будет простым, особенно после...

– Со мной всё в порядке, сэр. Правда.

– Но так потерять ребенка... Я имею в виду обстоятельства. Это кого хочешь выбьет из колеи. И вас не могло не выбить.

Я открываю было рот, но вновь закрываю его. Неожиданно я ощущаю глубокую и неконтролируемую злобу. Глядя на свои руки, стараюсь сдержаться и не произнести слов, о которых потом пожалею. Например, о том, как смеет этот человек, сидя передо мной, вот так, походя, беречь раны, которые я залечивал много месяцев. На моих ладонях, в тех местах, где ногти впились в кожу, видны сине-багровые отметины. Темно-красные волдыри. Я не могу на них смотреть – меня тошнит.

Когда я поднимаю глаза, то понимаю, что все это время суперинтендант следил за мной.

– А как Алекс? – продолжает он свое зондирование. – Как она справляется?

– Хорошо. С Алекс всё в порядке. Прошу вас, мне надо работать.

Супер хмурится – выражение его лица теперь соответствует субтитру «уместная озабоченность». Интересно, он как, только что был на каком-то тренинге?

– Знаю, – говорит шеф, – и никто ни на минуту не усомнится, что работа выполняется вами на «отлично». Но ведь прошло всего – сколько? – шесть месяцев после случившегося? Совсем недолго, особенно для подобного. И это первый раз, когда вы сталкиваетесь с похищением...

– Благодарю за беспокойство, сэр, – я поднимаюсь, – но, честное слово, не стоит волноваться. Я бы лучше занялся розысками Дейзи Мэйсон. Время играет против нас. Статистику вы знаете не хуже меня, а с момента похищения прошло уже почти тридцать шесть часов.

Поколебавшись, супер кивает.

– Что ж, если вы в этом уверены... Но от прессы можно ждать чего угодно. Они наверняка раскопают всё по новой. Вы к этому готовы?

Я надеюсь, что выражение моего лица можно охарактеризовать как «абсолютное презрение».

– Они скоро найдут себе занятие поинтереснее. В любом случае раскапывать им нечего.

– Нет, – быстро соглашается супер. – Абсолютно нечего.

Как только я появляюсь из кабинета, Куинн бросает на меня любопытный взгляд.

– Дела, – неопределенно говорю я, а он достаточно умен, чтобы не задавать лишних вопросов. Я направляюсь по коридору – и начинаю расспросы:

– Что там со школой?

– Там сейчас Эверетт и Гислингхэм. Крису может понадобиться женская поддержка.

– От поисковиков все так же ничего?

– Абсолютно. Мы расширяем периметр, но без разведданных о том, где искать, – это поиски иголки в стоге сена.

Кстати, «разведданные» – это еще одно слово, которое меня реально достало.

Дойдя до комнаты ожидания, я останавливаюсь.

– Вместе или по отдельности? – спрашивает Куинн.

– По отдельности. Но я хочу присутствовать и там, и там.

– Тогда начнем с него?

– Правильно, – соглашаюсь я. – Он первый. – И стучу в дверь, которую открывает Морин Джонс. Она отступает в сторону, пропуская нас.

Я понимаю, что в наши дни полиция должна этим как-то заниматься, но в моем представлении обстановка в комнате далека от вселяющей надежду. Конечно, здесь лучше, чем в комнате для допросов № 1 у Святого Алдэйта, и я это признаю, но с нашей дешевой мебелью, стоящей вдоль стен, помещение выглядит как приемная врача, что лишь усиливает общее впечатление, будто вы явились сюда для того, чтобы услышать печальные новости. Барри Мэйсон сидит на небольшом диване, закрыв глаза и расставив ноги. Он истекает потом. Его лицо кажется масляным, как будто оно покрыто тонким слоем жира. Но сегодня на улице достаточно холодно для июля. Шэрон сидит на одном из стульев с прямой и жесткой спинкой, плотно сдвинув ноги и поставив сумочку на колени. Ее сумочка – это одна из копий дизайнерского творения. Того, что коричневого цвета с кремовым узором. Стул очень неудобный, и я жду, что мать Дейзи будет на нем ерзать, но она сидит абсолютно неподвижно. Когда мы входим, Шэрон даже не поднимает глаз. В отличие от Лео. Взглянув на нас, тот встает с пола, на котором играет с поездом, и медленно отступает к матери, не отрывая взгляда от моих глаз.

– Мистер и миссис Мэйсон, спасибо, что подождали. – Я откашливаюсь. – У меня есть информация, которой я теперь могу поделиться с вами. Прежде чем рассказывать, мы хотели убедиться на все сто процентов...

Я останавливаюсь. Это намеренная и жестокая пауза. Я знаю, что они думают, но мне необходимо увидеть их реакцию.

Шэрон медленно подносит руку к лицу, а Барри хватается ртом воздух – слезы уже текут по его щекам.

– Только не моя маленькая принцесса! – раздается его вопль. – Не моя Де...

Лео хватается мать за рукав; его глаза раскрываются от настоящего ужаса.

– О чем они, мам? О Дейзи?

– Нет, Лео, не о ней, – отвечает женщина, не глядя на него.

Я больше не могу держать эту паузу. По крайней мере, с подходящей случаю благопристойностью. Они ждут, что я сяду, но я остаюсь стоять.

– Мы доподлинно выяснили, – медленно начинаю я, – что Дейзи во вторник на вечеринке не было.

– Что значит *не было*? – Барри с трудом сглатывает. – Ее видел я – да мы все ее...

Шэрон поворачивается к мужу и хватает его за руку.

– О чем они? Что это значит – ее там не было?

Искоса бросаю взгляд на Лео, который не отрываясь смотрит на свои стоптанные ботинки. Я был прав – все это время он знал.

– Мы поговорили с родителями Милли Коннор, и те подтвердили, что на вечере в костюме цветка была именно их дочь. А не Дейзи. Насколько мы можем судить, вашей дочери вообще там не было.

– Нет, она была! – кричит Шэрон. – Я же говорю вам – я ее *видела!* И не пытайтесь убедить меня в том, что я не могу узнать собственную дочь. В жизни не слышала подобной... подобной *хрени*.

– Боюсь, что сказанное мной не подлежит сомнению, миссис Мэйсон. И, я уверен, вы согласитесь, что это меняет все расследование. Теперь нам придется вернуться к событиям того дня и выяснить наверняка все о последнем появлении вашей дочери: когда именно Дейзи видели в последний раз, где и кто это был. Нам также придется расширить круг опрашиваемых и включить в него не только присутствовавших на вечеринке, но и одноклассников Дейзи, ее учителей и всех тех, с кем она могла столкнуться в дни, предшествовавшие ее исчезновению. И в качестве части этого процесса нам придется допросить вас, чтобы наверняка выяснить, где именно вы находились во вторник в течение дня. Вы меня понимаете?

Барри щурит глаза. Как будто кто-то поворачивает выключатель. Или лучше – неожиданно закрывает кран. Потому что его слезы исчезают.

– Мы что, арестованы?

Я не отрываясь смотрю на него.

– Нет, мистер Мэйсон, вы не арестованы. Мы собираемся допросить вас в качестве – как мы это называем – «основных свидетелей». Для подобных допросов у нас здесь есть специальное помещение, и вы должны знать, что вся наша беседа будет записана. Для нас важно точно зафиксировать все, что вы нам скажете. Так что я приглашаю вас, мистер Мэйсон, пройти со мной, а позже мы поговорим с миссис Мэйсон.

Шэрон демонстративно не смотрит на меня. Она меняет свою позу на стуле и резко, вызывающе вздергивает подбородок.

– Кроме этого, мы хотели бы получить ваше согласие на то, чтобы криминалисты провели обыск в вашем доме, – добавляю я.

– Я тоже смотрю телевизор. – Теперь Барри Мэйсон смотрит на меня, не скрывая своей ненависти. – И знаю, что это означает. Вы думаете, что это мы, но у вас недостаточно улик, чтобы получить ордер. *Так?*

Однако я отказываюсь глотать наживку:

– Такого рода обыск может дать неоценимые...

– Ни за что. – Еще не дослушав, отец Дейзи уже трясет головой. – Ни за какие чертовы коврижки. Я не позволю вам, ребята, подвести меня под монастырь за то, чего я никогда не совершал.

– Мы не *подводим людей под монастырь*, мистер Мэйсон.

– Ага, как же! – Он фыркает.

Мы сверлим друг друга взглядами. Переговоры зашли в тупик.

– Я пригласил специального человека, чтобы он поприсутствовал... – говорю я наконец. – Он должен появиться минут через десять.

– Да отвалите вы! – рявкает Барри. – Если мне понадобится, чтобы кто-то держал меня за руку, то я позову своего гребаного адвоката.

– А речь не о вас, – говорю я ровным голосом, – а о вашем сыне. Нам ведь и Лео надо допросить, а ему необходимо, чтобы был кто-то, кто будет защищать его интересы. И я боюсь, что ни вы, ни ваша жена на эту роль не подходите.

Когда я вывожу Барри из комнаты и начинаю закрывать дверь, то слышу звуки рыгания и, повернувшись, вижу, как Лео отчаянно выворачивает возле стены. Морин немедленно вскакивает на ноги и, схватив коробку с салфетками, обнимает его за плечи, приговаривая, что всё в порядке. Последнее, что я вижу перед тем, как дверь закрывается, – это Шэрон Мэйсон, которая достает влажную салфетку из сумки и наклоняется, чтобы стереть микроскопический кусочек рвоты со своей обуви.

Би-би-си Мидлендс. Сегодняшние новости

Четверг 24 июля 2016 г. | Последняя редакция в
10:09 утра

Дейзи Мэйсон: Полиция расширяет поиски на Порт-Мидоу

Полиция Оксфорда использует вертолет в поисках 8-летней Дейзи Мэйсон, которую в последний раз видели во вторник вечером. Древняя территория Порт-Мидоу к востоку от города простирается на 120 гектаров

и никогда не обрабатывалась. Детектив-инспектор Фаули рассказал Би-би-си, что «это громадная открытая территория, поросшая вдоль границ лесом. Использование вертолета помогает поисковым партиям полиции, работающим на земле, вести поиск быстрее и эффективнее». Инспектор Фаули отказался подтвердить, что вертолет оборудован инфракрасным сканером, но подчеркнул, что полиция все еще рассматривает происходящее как розыски пропавшего ребенка.

К владельцам жилья, расположенного возле Порт-Мидоу, обратились с просьбой проверить сараи и постройки служебного характера.

Если вы располагаете какой-то информацией о Дейзи – звоните в штаб Криминального отдела Управления полиции долины Темзы по телефону 018650966552.

Эми Кэри @JustAGirlWhoCant 10.41

Я живу к северу от Порт-Мидоу и вижу вертолет, который ищет Дейзи Мэйсон. Держу пальцы скрещенными, чтобы они нашли ее как можно скорее #НайтиДейзи

Дэнни Чедвик @ChadwickDanielPJ 10.43

Чем дальше в лес, тем больше дров – полиция что, считает, что 8-летний ребенок может в темноте перебраться через железную дорогу? #ДейзиМэйсон

Эми Кэри @JustAGirlWhoCant 10.44

@ChadwickDanielPJ Мне тоже показалось это странным. Сейчас от нас в Порт-Мидоу вообще не доберешься надо обходить до самого Уолтон-Уэлл

Саманта Вестон @MissusScatterbox 10.46

Не вижу, как это может счастливо закончиться.
Пусть бедный ангелочек покоится с миром
#ДейзиМэйсон

Эми Кэри @JustAGirlWhoCant 10.47

Буквально человек 100 помогают с поисками
#НайтиДейзи

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 10.52

#ДейзиМэйсон Вот увидите – это предки. Спорю,
что папаша развратитель малолетних – как раз похож

Дженни Ти @56565656Jennifer 10.53

@SnapHappyWarrior Это просто отвратительно.
Меня тошнит от таких троллей #НайтиДейзи

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 10.54

@56565656Jennifer Сколько раз такое должно
произойти, чтобы такие идиотки как вы научились
видеть то, что у них перед глазами? #ДейзиМэйсон

Дженни Ти @56565656Jennifer 10.54

@SnapHappyWarrior Посмотри на фото Дейзи за три
дня до того как она исчезла. Не похоже на ребенка над
которым надругались #Счастливая

Кэти Бэйнс @FulloftheWarmSouth 10.55

#ДейзиМэйсон Я вообще этого не понимаю. Знаю
только, что сердце разрывается. Так печально-печально

Джимми Чуз @RedsUnderTheShed 10.56

Слышал что шансы найти ребенка мертвым больше

80% если его ищут дольше 24 часов. Вся эта заморочка #ДейзиМэйсон должна была закончиться трагедией

Малыш Джей @Johnnysomelately 10.56

Это печальное отражение нашего современного медийного мира, где все в первую очередь подозревают родителей. Как будто просто потерять ребенка недостаточно

Кэти Бэйнс @FulloftheWarmSouth 10.59

@Johnnysomelately Согласна – хорошо бы люди не устраивали сенсаций буквально из всего. И так все достаточно ужасно #ДейзиМэйсон

ДжейДжей @JamrotJamboree 8810.59

Ничему не верю все выглядит оч подозрительно #Дейзи – Мэйсон

Кевин Браун @OxfordBornandBred 11.00

#НайтиДейзи #ДейзиМэйсон #Оксфорд
#ДейзиГдеТы #Пропавшая

Эдди Торнклифф @EagleflyoverDover 11.01

Только что посмотрел телеобращение по поводу #ДейзиМэйсон ПРОСТО НИКАКИХ шансов, что родители ни при чем Жуткий язык тела

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 11.02

Иногда Твиттер может быть гадким. Оставьте бедных родителей в покое. Им и так не сладко. Заткнитесь и дайте полиции делать свое дело #НайтиДейзи

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 11.03
@LilianChamberlain Не могу поверить, чтобы кто-то
был так чертовски наивен. Вот подождите и увидите, что
я прав #Дейзи- Мэйсон

Помещение для допросов немного комфортабельнее, чем комната ожидания, но только совсем немного. Основное различие в том, что здесь на стенах висит пара фотографий золотистых ретриверов в рамках. Я уже не первый раз задумываюсь, не является ли это каким-то действующим на подсознание посланием. Барри Мэйсон входит в комнату своей походкой архетипического альфа-самца – плечи назад, бедра развернуты. Алекс называет такую походку «поступью петуха». Он демонстративно смотрит на видеокамеру на стене, а затем отодвигает покрытый дерматином стул как можно дальше от стола, усаживается и закидывает ногу на ногу.

– Хотелось бы знать, – начинает Мэйсон, не дожидаясь, пока мы с Куинном усядемся, – с какой стати вы тратите свое время на меня, когда должны там, в полях, разыскивать мою дочь.

Я сажусь, и Куинн устраивается рядом:

– А мы ищем и «там, в полях», как вы изволили выразиться, мистер Мэйсон. Поисками Дейзи занимается более ста сотрудников. Поверьте, прилагаются все усилия...

– Если вы говорите правду, то почему все еще не нашли ее? Не поверю, что никто *ничего* не видел – не в таком же крохотном местечке, как наш поселок! Там все постоянно лезут в дела соседей. Значит, вы говорите не с теми людьми и ищите не в тех местах...

Какая-то часть меня не может с ним не согласиться, хотя он мне и не нравится. Я еще никогда не сталкивался с подобным случаем похищения. Ни свидетелей, ни улик... вообще ничего. Как будто кто-то взмахнул волшебной палочкой, и Дейзи растворилась в воздухе. Что, естественно, полная ерунда. Но в подобных случаях ерунда и слухи будут разрастаться, чтобы заполнить вакуум, и как раз сейчас у нас нет ни одного надежного факта, на который мы могли бы их заменить.

– Как я уже сказал, мистер Мэйсон, над этим случаем работает большая команда – наверное, самая большая из тех, что я видел за десять лет работы здесь, – отвечаю я. – Но до тех пор, пока мы совершенно точно

не выясним, когда исчезла Дейзи, боюсь, мы, как вы и сказали, будем искать не в тех местах. И помочь в этом нам можете только вы. Вы и ваша жена.

Барри у меня в руках и знает об этом. Какое-то время он безотрывно смотрит на меня, а потом пожимает плечами.

– Итак, вы сообщили нам, что не знали, что на вечере в карнавальном костюме вашей дочери была другая девочка, – начинаю я, доставая свой блокнот. – Должен сказать, что в это очень трудно поверить.

– Говорите, что вам угодно. Это правда.

– И вы с ней в тот вечер не говорили? Не поднимали ее на руки? Один из соседей сказал, что вы часто носили дочь на плечах.

Моя глупость вызывает у Мэйсона гримасу:

– Я уже много месяцев не делаю этого. Она говорит, что в таких случаях в глазах друзей выглядит как ребенок. Да и в последнее время Дейзи стала тяжеловата для меня. Особенно после того, как я потянул спину в прошлом феврале. Так и не смог полностью восстановиться.

Три сложных ответа на один простой вопрос. Лгуны всегда перебарщивают – по крайней мере, мой опыт говорит именно об этом.

– И вы не говорили с ней на вечере? Не называли ее по имени? Ни разу за все время?

– Я был занят барбекю. Вы-то сами его когда-нибудь готовили? На одну секунду отвлечешься, и вот, пожалуйста, – или все сторело, или огонь погас. Помню, она бегала вокруг, но сейчас, когда вы об этом упомянули, не думаю, что я с ней разговаривал. В какой-то момент я позвал ее и спросил, будет ли она колбаски, но Дейзи только захихикала и убежала.

«И ты не понял, что это смех не твоей дочери?» Он и сейчас звенит у меня в ушах, хотя до этого я слышал его только раз, в дешевом мобильнике.

– А сколько вы в тот вечер выпили? – продолжаю я расспросы.

Мужчина вскидывается. Он знает, что это нелогичный вывод.

– Ну выпил... А что в этом такого, ради всего святого? Это же гребаное барбекю, и я был не за рулем!

Я делаю несколько пометок. Просто для того, чтобы оправдать паузу.

– А когда вы видели Дейзи перед этим?

– Наверное, где-то в пять тридцать. В это время я вернулся домой. Считалось, что я не буду работать во второй половине дня, но на одной из моих стройплощадок в Уотлингтоне произошло ЧП. Прорвало трубу, и полтонны черепицы оказалось под водой. Клиент просто очумел. Да и пробки на обратном пути были кошмарные.

Опять те же три ответа.

– И когда вы приехали, Дейзи точно была дома?

– Ну да. Наверху играла музыка. Эта вещь Тейлор Свифт^[29] Она все время ее заводит.

Хоть тут похоже на правду. Под эту музыку девочка танцевала на видео. Я смотрю на Куинна, который продвигается вперед на стуле.

– А вы поднимались наверх, сэр?

– В ее комнату? Нет, Шэрон донимала меня, чтобы я занялся барбекю. Имела меня по полной за то, что опоздал. Я просто крикнул Дейзи «привет!» и прошел в сад. Даже не переоделся.

Кажется, он не понимает последствий того, что сейчас говорит.

– Значит, – говорю я, – в реальности вы не видели свою дочь и не слышали ее голоса?

– Ну... кажется, нет. – Мэйсон краснеет. – По крайней мере, я так не думаю. Мне кажется, что она что-то крикнула в ответ, но я не уверен.

– А это значит, что последний раз вы видели ее утром за завтраком? И никаких контактов после этого?

Очевидно, что нет. Наконец-то до него доходит.

– Но в этом нет никакого смысла, – наконец произносит Барри. – Где она?

– Именно это, мистер Мэйсон, мы и пытаемся выяснить.

Вновь оказавшись в коридоре, я велю Куинну проверить эту историю с Уотлингтоном.

– Думаю, что не составит труда проверить, был ли он там, где говорит. Знаю, что у меня бзик, когда дело касается этих козлов-строителей, но я не верю ни единому его чертову слову.

Гарет корчит гримасу, и мне не в чем его упрекнуть – Куинна, вероятно, уже достали все эти мои истории про строителей. Раковина в этой гребаной пристройке все еще течет.

– Сделаю, босс. – Мой коллега кивает. – Ну что, вести миссис Мэйсон?

– Она может минутку подождать. Мне надо курнуть.

5 июля 2016 года, 16:36

За две недели до исчезновения

Дом Конноров, Барж-клоуз, № 54

Лестничная площадка на втором этаже

Милли Коннор и Дейзи Мэйсон играют в мягкие игрушки Милли. У Дейзи вид ребенка, которому рассказали секрет Санта-Клауса, но велели не разбалтывать его малышам. Милли, напротив, глубоко погружена в чрезвычайно сложную выдуманную историю с участием Ангелины-балерины, свинки Пеппы и одноглазого медвежонка. Время от времени Дейзи делает какое-то предложение, а потом ждет, что предпримет Милли. При этом она каждый раз улыбается про себя, независимо от того, принимается ее предложение или нет. Кажется, что это ее ничуть не волнует.

Мгновение спустя слышится звук ключа, поворачиваемого в скважине, и после пары неудачных попыток Джулия Коннор все-таки распахивает входную дверь и сваливает три больших пакета на пол. У нее раскрасневшееся лицо и влажные волосы. Одета она в тренировочный костюм.

– Милли! – зовет Джулия. – Ты дома? Хочешь сока?

Ее дочь просовывает голову сквозь перила.

– Нет, спасибо. Я играю здесь одна.

– Так твой брат еще не вернулся?

– Он сказал, что после школы пойдет играть в футбол. – Милли пожимает плечами.

– Вспомнила, – улыбается Джулия. – Кажется, против команды из Уикомб-Хай. Будем надеяться, что он победит. Иначе настроение у него будет еще хуже, чем всегда, – играют-то они в дождь.

Она вновь поднимает пакеты и несет на кухню, где включает радио и начинает раскладывать покупки.

Должно быть, проходит не меньше получаса, прежде чем раздается звонок в дверь. Маленькие девочки вздрагивают и обмениваются взглядами, после чего Дейзи отодвигается поглубже внутрь, чтобы скрыться из виду, а Милли, наоборот, подползает вперед, туда, откуда можно видеть лестницу. За матовым стеклом входной двери виднеется какая-то фигура. Джулия Коннор выходит из кухни, вытирая руки чайным полотенцем.

– Ах, это вы, – говорит она, открыв дверь. – Целая вечность прошла с того момента, как...

– Мне очень неудобно беспокоить вас, миссис Коннор...

– Прощу вас – Джулия. Иначе я начинаю чувствовать себя своей собственной свекровью.

– Мне так неудобно спрашивать, но вы, случайно, не видели Дейзи?

Она должна была вернуться домой ровно в четыре, а ее все еще нет. А ведь скоро стемнеет... Ее отец будет очень волноваться.

– Боже мой! – Джулия – живое воплощение озабоченности. – Какой кошмар! Но я уверена, что для беспокойства нет причин. Наверное, по дороге домой заскочила к кому-то из подруг и заигралась... Вы никому не звонили?

Шэрон Мэйсон всплескивает руками. Кажется, она в отчаянии.

– Я теперь не знаю даже имен ее подруг, не говоря уже об их телефонах. Не помню, когда она в последний раз приводила кого-нибудь домой. Вы – единственная, о ком я подумала.

– Сейчас спрошу у Милли – может быть, она знает... – Джулия слегка дотрагивается до руки Шэрон.

Услышав свое имя, Милли поднимает было голову, но Дейзи немедленно хватает ее за руку и подносит палец к своим губам. Потом медленно качает головой, не отрывая пристального взгляда от лица подружки.

– Ты все еще наверху, Милли? – кричит хозяйка дома. – Видела Дейзи сегодня после школы?

Ее дочь встает и подходит к краю лестницы, где ее могут видеть обе женщины.

– Нет, мамочка. Я не знаю, где она.

С извиняющимся видом Джулия поворачивается к миссис Мэйсон:

– Мне очень жаль, но я даже не знаю, что вам посоветовать. Может быть, вы оставите мне ваш номер телефона, и я перезвоню, если что-то узнаю? Как жаль, что у вас испорчен вечер!

– О каком вечере вы говорите? – Шэрон хмурится.

– Ну эта сумка... и туфли... – Коннор краснеет. – Я подумала, что вы куда-то идете. Прошу прощения – я не хотела вас обидеть.

– Естественно, что я никуда не иду. *Пропала* моя маленькая девочка.

Джулия открывает рот и не находит, что сказать. Но она старательно записывает номер телефона Шэрон и наблюдает, как та осторожно идет по неровной гравийной подъездной дорожке, пока не выходит на улицу. После этого женщина закрывает входную дверь и возвращается на кухню. Наверху, на лестничной площадке, Милли поворачивается к Дейзи:

– Кажется, тебе здорово влетит.

– Да всё в порядке. Через минуту, когда твоя мама не будет смотреть, я спущусь и выйду. – Дейзи широко улыбается. – Не волнуйся. Она даже не заметит.

Эми Кэчкарт сидит в кофейне «Хилл оф Бинз» в центре Ньюбери и смотрит на телевизионный экран на стене за стойкой бара. Она ждет свою подругу. Ей двадцать семь лет, она миниатюрна, обладает хорошим чувством юмора, любит детей и животных и обожает долгие пешие прогулки. По крайней мере, так написано в ее профиле в «Инстаграме». В действительности рост у нее ближе к среднему, прогулки нагоняют на нее тоску, а от чувства юмора почти ничего не осталось. В настоящий момент во всем, конечно, виновата Марсия, которая опаздывает уже на пятнадцать минут, но ее работа, окружающий ее мир и она сама злят Эми не меньше. И так же разочаровывают. Именно этим утром она получила приглашение на очередную свадьбу в очередном модном отеле. Ее шкаф уже трещит от платьев, которые она не может повторно надеть среди тех же самых людей, а сама Эми устала от того, что вечно оказывается той самой персоной в дальнем левом углу на групповой фотографии, имени которой никто не вспомнит через десять лет после события.

Марсия врывается в дверь, не отрывая глаз от телефона. Она убирает прядь ярко-желтых волос за ухо, нажимает на экран пару раз и наконец поднимает глаза.

– Эми! Прости, что заставила тебя ждать. Все утро говорю по телефону. Эти чертовы копирайтеры^[30] – никогда не делают того, что их просят. Все видят себя новыми Дэнами Браунами, так что это не их уровень – думать о гребаном брифе.

Они целуются, и Марсия устраивается на стуле.

– Что пьем?

– Американо. Сегодня плачу́ я.

Марсия делает отрицательный жест:

– Нет, я. Это меньшее, что я могу сделать... Ну, рассказывай, что с тобой происходит? Встретила кого-то интересного?

Прошло уже шесть месяцев, как Эми зарегистрировалась на сайте знакомств, но, мягко говоря, ассортимент там был тот еще. Ей даже стали приходить в голову мысли о том, что у нее трудный возраст, – казалось, что в ее возрастной категории совсем не оставалось места между всеми этими «немного слишком безнадёжными разведенками» и «никогда не ходившими замуж по очевидным причинам». На прошлое Рождество ее мать подарила ей магнитик для холодильника, на котором было написано: «Мужчина – это шоколад с орехами. Оставь его надолго, и останутся только орехи». Это

была именно та язвительная, но точная мысль, которую Эми и ожидала от своей матери. Хотя на этот раз та могла бы и воздержаться.

– Знаешь, – начинает Эми, – есть один тип, с которым я переписываюсь. Мы пока не встречались, но он кажется лучше, чем все остальные. Хотя это еще ни о чем не говорит.

– Имя, возраст, заработок? – звучат стандартные вопросы Марсии.

– Зовут Эйдан. Тридцать девять лет. Работает в Сити. Разведен, но, слава богу, без детей.

Приносят кофе, и Марсия помещивает пенку на своем капучино, а потом облизывает ложечку.

– И когда же ты его увидишь?

– Вероятно, в следующий уик-энд. Сейчас он занят каким-то крупным поглощением, так что у него не так много времени. Хотя он и шлет мне массу текстов. Иногда пишет прямо с совещаний. О том, какие они скучные и как все эти банкиры любят играть в игры типа «А мой папа круче, чем твой». Хотя я ничего не загадываю – по крайней мере, не до того момента, как мы с ним встретимся. Помнишь мистера Алкаша?

– Боже! – Марсия широко открывает глаза. – И живые позавидуют мертвым... Но продолжай – дай посмотреть тексты.

Кэчкарт начинает мямлить: нет, слишком рано, это личное, но приятельница не хочет ее слышать.

– Да давай же – ведь это тексты, а не *сексты*, правда?

– Нет. Конечно, нет...

– Тогда в чем дело? Давай сюда. Ну же, открывай...

Эми протягивает телефон и откидывается на спинку стула, пока ее подруга пролистывает послания. Она только притворяется, что против, а в действительности рада возможности хоть раз продемонстрировать свои достижения. У Марсии никогда не возникало проблем с поисками партнеров, и она обладает внушительным списком донжуана в юбке, а не брошенки. Но когда-то должна наступить и очередь Эми. И хотя о мистере Совершенство говорить пока рано, это все-таки отношения, которые немного приподнимут ее над землей, прежде чем закончиться крахом и превратиться в пепел.

Но оказывается, что крах и пепел совсем рядом. И наступают они ровно в 22:06, когда Кэчкарт подносит чашку к губам и бросает взгляд на экран.

Запись допроса Шэрон Мэйсон

21 июля 2016 г., 11:49

Присутствуют: детектив-инспектор А. Фаули и исполняющий обязанности детектива-сержанта Г. Куинн

АФ: Просим прощения за то, что заставили вас ждать, миссис Мэйсон. Могу я предложить вам чашку чая?

ШМ: Нет, благодарю. Я уже пила. Чай отвратительный. Такое впечатление, что вы готовите его с сухим молоком.

АФ: Как мы уже объясняли вам раньше, мы пытаемся точно установить, кто, где и когда видел Дейзи последним. Вы говорили, что не знали, что костюм маргаритки в тот день надела Милли Коннор?

ШМ: Я была слишком занята. Занималась едой, напитками... Люди всегда требуют что-то, чего у тебя нет. Да и темно было – дети бегали всюду... Я просто подумала, что это она. Вы подумали бы то же самое.

АФ: Знаете, миссис Мэйсон, а я вот совсем так не думаю. Вы не знаете, что случилось с костюмом русалки, на который Дейзи поменялась с Милли? Вы видели его в доме?

ШМ: Нет, он никогда не попадался мне на глаза. В ее комнате его точно нет.

АФ: А в школу в тот день Дейзи пошла в своей обычной форме? Вы не проверяли, эта одежда сейчас дома?

ШМ: Нет, не проверяла.

АФ: Может быть, вы сделаете это, миссис Мэйсон? Принимая во внимание тот факт, что нам провести обыск вы не разрешили...

(Пауза.)

ГК: Во сколько вы забрали детей из школы?

(Пауза.)

ШМ: Понимаете, я их не забирала...

АФ: Простите? Вы хотите сказать, что в тот день не забрали их? Но ведь вы специально подчеркнули, что забираете их...

ШМ: Нет, я так не говорила. Я сказала, что отвожу их в школу. И это правда. Туда и обратно. Но во вторник я этого не сделала.

АФ: Вы понимаете, насколько серьезно это ваше заявление? И сколько времени мы потеряли впустую? Если б вы сказали нам, что Дейзи возвращалась домой одна...

ШМ: Не одна. С ней был Лео. Утром я предупредила их, что им придется вернуться пешком.

АФ: А почему вы не сказали об этом раньше?

(Пауза.)

ШМ: Я знала, что это вызовет у вас неправильные мысли. Что вы начнете меня обвинять. Но я ни в чем не виновата. Я же не могу оказаться в двух местах одновременно, правда? Вы хоть представляете себе, что значит организовать такую вечеринку? Предполагалось, что Барри будет помогать мне – он сказал, что не пойдет на работу во второй половине дня; но потом перезвонил и сказал, что задержится. Как всегда...

ГК: И когда это было? Я имею в виду звонок.

(Пауза.)

ШМ: Точно не помню. Может быть, часа в четыре?

(Пауза.)

ГК: Мы легко можем проверить это через телефонную компанию.

АФ: Значит, утром вы сказали Лео, что он должен проводить сестру домой?

ШМ: Да, я сказала им об этом за завтраком. Велела Дейзи обязательно найти Лео, а не убежать в одиночку.

ГК: А она что, часто так делала?

ШМ: Это не то, о чем вы подумали. Дейзи всегда была девочкой благоразумной. Но ей все интересно. Например, животные. Насекомые. И иногда это ее отвлекает, вот и всё.

АФ: Как я понимаю, она хочет стать ветеринаром? Для этого надо много учиться.

ШМ: Дейзи понимает, как важно хорошо учиться в школе, чтобы потом найти хорошую работу. Она очень способная. На тесте по математике в прошлом семестре ее оценка была девяносто семь из ста. Ближайший ее соперник получил семьдесят два.

АФ: Давайте все-таки вернемся ко вторнику. Во сколько дети вернулись из школы в тот день?

ШМ: Дейзи пришла около четырех пятнадцати. Я была на кухне. Хлопнула дверь, и она поднялась к себе в комнату.

АФ: Вы ее видели?

ШМ: Нет. Я же сказала, что была занята. Дочь здорово шумела наверху, так что я решила, что по дороге домой она с кем-то поссорилась.

АФ: А ваши дети часто ссорятся между собой?

ШМ: Иногда. Но, наверное, не чаще, чем другие.

(Пауза.)

ШМ: Может быть, в последнее время это случается чаще, чем обычно.

АФ: А почему так?

ШМ: Кто разберет этих детей... С ума можно сойти, размышляя, почему они сделали то или это.

АФ: Кто-то из них выступал в роли зачинщика чаще, чем другой?

ШМ: Лео. Конечно, Лео. Подростки так часто бывают в дурном настроении...

ГК: Ему всего десять.

ШМ: Барри считает, что все это из-за его академических оценочных тестов.

АФ: Но ему до них еще больше года. Он ведь сейчас в пятом классе.

ШМ: Он не так умен, как Дейзи.

(Пауза.)

АФ: Понятно. И все-таки давайте снова о вторнике. Дейзи вернулась в четыре пятнадцать. Когда вы видели ее в следующий раз?

ШМ: Я окликнула ее и спросила, не нужно ли ей чего-нибудь, но Дейзи не ответила. Я решила, что она дуется.

АФ: Так вы что, ее не видели? Ни вечером, ни раньше, когда она вернулась домой?

(Пауза.)

ШМ: Нет.

ГК: А сколько было времени, когда вы ее позвали?

ШМ: Не помню.

АФ: А на вечеринку она во сколько спустилась?

ШМ: Уже начали подходить гости. Все было немного хаотично... Я помню, что видела, как она бежит с подружками. Я уже рассказывала.

(Пауза.)

АФ: Понятно. А Лео? Он вернулся домой вместе с Дейзи?

ШМ: Нет, я видела его позже.

АФ: Насколько позже?

МШ: Не помню. Минут на пятнадцать. Или около того.

АФ: Значит, в четыре тридцать... А что случилось, миссис Мэйсон? Почему они вернулись не вместе?

(Пауза.)

АФ: Миссис Мэйсон?

ШМ: Он сказал, что они поссорились и Дейзи убежала.

ГК: И о чем был спор на этот раз?

ШМ: Наверняка обо всем – и ни о чем. Я не смогла вытянуть из него ни слова.

АФ: То есть вы не поднялись вверх и не поговорили с Дейзи по этому

поводу?

ШМ: Нет, конечно, нет. Я уже вам говорила. Ведь с Дейзи все было в порядке, нет? Так что она не нуждалась в том, чтобы я суежилась вокруг нее. Она всегда говорила, что ненавидит это. В любом случае я не вижу, что это изменило бы.

(Пауза.)

ШМ: Ну что? Что вы так на меня смотрите? Я ни в чем не виновата. Что бы в тот вечер ни... ни произошло, все случилось уже после этого, правильно? Кто-то увел ее прямо с вечеринки.

АФ: Мы уже точно выяснили, миссис Мэйсон, что на вечеринке ее не было.

(Пауза.)

АФ: Насколько я понимаю, первые гости подошли около семи?

ШМ: Да. Около того. Хотя приглашали их на более раннее время. Иногда люди бывают такими невоспитанными...

АФ: То есть вы считаете, что где-то между четырьмя пятнадцатью, когда девочка вернулась домой, и семью часами, когда пришли первые гости, ваша дочь исчезла у вас из-под носа, из своей собственной спальни?

ШМ: Не смейте говорить со мной в таком тоне. И то, что «я считаю», я вовсе не считаю. Это то, что произошло. Она была в своей комнате. Играла музыка – она все еще играла, когда я вернулась. Спросите Барри – он тоже ее слышал, когда наконец соизволил показать свою физиономию...

АФ: Минуточку. Что значит «когда я вернулась»?

(Пауза.)

ШМ: Понимаете, если это так важно, я высказывала минут на двадцать. Мне нужен был майонез. Я купила его накануне, но, когда начала готовить сэндвичи, выяснилось, что кто-то разбил банку. А так как никто не подумал сообщить об этом, мне пришлось выходить.

АФ: Так почему же, ради всего святого, вы не сказали нам об этом раньше?

ШМ: Барри не нравится, когда дети остаются дома одни.

АФ: То есть вы хотели скрыть это от него.

(Тишина.)

АФ: А что еще вы от нас скрыли, миссис Мэйсон?

(Тишина.)

АФ: И когда же вы отправились за покупками?

ШМ: Я не обратила внимания на время.

АФ: Но до того, как вернулся ваш муж?

ШМ: Он приехал минут через пятнадцать после моего возвращения.

АФ: Входная дверь была закрыта?

ШМ: Конечно, дверь была заперта.

АФ: А как насчет боковой калитки?

(Пауза.)

ШМ: Не уверена.

ГК: Вы говорили, что во время вечеринки она была открыта. И скорее всего накануне вечером, когда мистер Вебстер принес тент, – тоже. Вы закрыли ее после него в понедельник?

ШМ: Не помню.

ГК: А ваш муж? Он помогал мистеру Вебстеру с тентом?

ШМ: Его не было. Он вернулся поздно. Как всегда...

ГК: Дверь в патио – она была открыта, когда вы отправились за майонезом?

(Пауза.)

ШМ: Мне кажется, да. Я ведь выскочила всего на минутку.

АФ: Значит, вы оставили открытый дом с вероятно незакрытой боковой калиткой. И с двумя детьми в нем.

ШМ: Меня не в чем упрекнуть. Я не виновата.

АФ: А кто виноват, миссис Мэйсон?

(Пауза.)

АФ: И где же вы купили этот майонез?

ШМ: Я нигде не смогла его найти. Сначала заскочила в эту смешную забегаловку на Глассхаус-стрит, но у них он закончился. Потом поехала в «Маркс» на кольцевой дороге, но там его тоже не было.

ГК: Это должно было занять у вас больше двадцати минут. Пока припаркуешься, пока войдешь, пока доедешь, опять припаркуешься, вернешься домой... Думаю, минимум полчаса или даже минут сорок. Особенно в это время суток.

АФ: Более чем достаточно, чтобы кто-то зашел к вам в дом и увел дочь.

ШМ: Я же уже сказала вам – когда я вернулась, музыка продолжала играть.

АФ: Но вы не знаете, была ли в комнате Дейзи, чтобы ее слушать. Так, миссис Мэйсон?

Когда Эверетт и Гислингхэм появляются в школе Епископа Христофора, как раз звенит звонок на большую перемену и на улицу высыпают сотни две детей.

– Откуда у них берется столько энергии? – громко спрашивает Крис, стараясь перекрыть шум.

– Это все углеводы, – улыбается Верити. – Знаешь, это то, что Джанет теперь запрещает тебе есть.

– И не говори, – ворчит полицейский, уныло глядя на свой живот. – Мужчина не может существовать только на обезжиренном твороге, Эв. По крайней мере, я не могу.

На мгновение он останавливается и оглядывает кричащих и визжащих детей.

– Кажется, они не очень грустят по поводу того, что произошло с их соученицей, а? Думаю, что в средней школе все было бы по-другому. Везде сновали бы консультанты, психологи и так далее. А здесь, мне кажется, они еще слишком маленькие, чтобы что-то понимать.

– Большинство – да. – Эверетт следит за направлением взгляда коллеги. – Но вот девочки вон там – они знают, что что-то произошло. Готова поспорить, что они из ее класса.

Три девочки сидят на одной лавке, близко сдвинув головы. У двоих длинные косы, а третья похожа на китаянку. Пока полицейские смотрят на них, одна из девочек начинает плакать, и Верити видит, как дежурная учительница подходит к ним и усаживается рядом с ней.

В школе по пустым коридорам бродит эхо. Гислингхэм на минуту останавливается и глубоко вдыхает воздух.

– И почему все школы пахнут одинаково? Слегка сладковатый запах потных носков, пуканья и дешевого жира, сдобренный сильной приглушенной нотой рвоты и дезинфектантов. Его ни с чем нельзя спутать.

Эверетт оглядывается и замечает на противоположной стене карту.

– Интересно, и в какой же стороне кабинет директора?

– Поверь, я сейчас как будто в детство окунулся, – говорит ее напарник, скорчив гримасу. – В его кабинете я проводил времени больше, чем в классе. Мог найти туда дорогу с закрытыми глазами.

– Я не устаю удивляться, Гислингхэм, почему ты в конце концов стал полицейским?

– Думаю, – констебль пожимает плечами, – они решили, что лучше держать меня по свою сторону баррикады.

Кабинет директора находится в задней части здания, и его окна выходят на небольшой пятачок, заросший высохшей травой, изгородь из

мелкой сетки, всю в жимолости, и ряд пирамидальных тополей.

Элисон Стивенс встает, чтобы поприветствовать посетителей. Это элегантная темнокожая женщина, одетая так, чтобы можно было продемонстрировать оптимальный баланс между властью и доступностью – на ней темно-синяя юбка чуть ниже колен, мягкий кардиган цвета голубой пудры и крохотные сережки.

– Детектив-констебль Эверетт, детектив-констебль Гислингхэм, прошу вас, присаживайтесь, – говорит она. – А это классный руководитель Дейзи.

Молодая женщина наклоняется вперед, чтобы пожать полицейским руки. Ей скорее всего не больше двадцати пяти, рыжие волосы вьются непокорными кольцами, а тонкое платье с цветочным принтом едва прикрывает загорелые ноги без чулок. Верити видит, как Крис немного распрямляет плечи. «Мужчины, – думает она, – все вы одинаковы».

– Кейт Мадиган, – произносит учительница с легким ирландским акцентом, и в глазах у нее светится интерес. – Не могу даже представить себе, что сейчас должны переживать Мэйсоны. Самый жуткий кошмар для любого родителя.

Элисон Стивенс откашливается:

– Я попросила коменданта загрузить мне записи с камеры наружного наблюдения у ворот. Вот тот материал, который вам нужен.

Она стучит по клавишам, а потом поворачивает к полицейским экран компьютера. Время на экране – 3:38 пополудни. Дейзи в воротах разговаривает с китайкой, которую они только что видели на игровой площадке, а еще одна девочка стоит в нескольких футах от них. В руке у Дейзи портфель.

– Черт. – Гислингхэм бросает взгляд на Эверетт. – А кто-нибудь догадался проверить, дома ли портфель?

– Не думаю. И они не собираются впускать нас внутрь. По крайней мере, я так слышала.

– А кто эти девочки? – спрашивает Верити у Кейт Мадиган.

– Блондинка – это Порция Доусон; ее родители работают консультантами в клинике. Вторая девочка – Нанкси Чен. Она американка. Ее папа профессор – кажется, политологии. Они переехали сюда только на Рождество.

– Судя по всему, Дейзи возвращается в достаточно крутой компании, – замечает Крис.

Элисон с опаской смотрит на него – она не может понять, то ли он иронизирует, то ли просто делает вывод.

– Это особенность нашего района, детектив. У многих наших детей

родители принадлежат к академическим кругам. Есть даже один лауреат Нобелевской премии.

– Мне кажется, что мы только что видели Нанкси на улице, – замечает Эверетт. – Мы сможем с ней потом поговорить?

– Я позвоню ее маме и спрошу, не возражает ли она.

– А с Порцией Доусон?

– Ее со вторника родители не приводят в школу. По-видимому, она слишком расстроена. А так как семестр практически заканчивается и пропустит она совсем немного, то я не возражаю. Я им тоже позвоню.

На экране Дейзи разговаривает с Нанкси Чен до тех пор, пока не появляется мама ее подруги и не забирает ее. Это происходит в 15:49. В 15:52 появляется Лео. Голова у него опущена, руки засунуты в карманы. Насколько зрители могут судить, он ни слова не говорит сестре. Дейзи наблюдает, как брат проходит мимо, и ждет, пока он не дойдет до половины улицы, после чего забрасывает ранец за плечи и идет за братом, пока не скрывается из вида камеры. Это последний раз, когда они ее видят. И это единственная камера на всем пути от школы до «Усадьбы у канала».

– Миссис Стивенс, – спрашивает Эверетт, – а что вы можете рассказать нам про Дейзи? Как она вела себя в последние дни? Как по вашему мнению: ее ничего не беспокоило?

– Думаю, что Кейт лучше меня ответит на ваш вопрос, – говорит директор.

Гислингхэм поворачивается к учительнице:

– Все, что вы сможете рассказать, очень поможет нам, мисс Мадиган.

«Боже, – беззвучно стонет Эверетт, – он уже умудрился заметить, что у нее нет кольца на пальце!»

– Я не могу передать вам, как мы все здесь подавлены... – Кажется, что Кейт не знает, что сказать. – Дети все утро плакали. Дейзи была таким милым ребенком – умненьким, послушным... Всеобщая любимица. Я учила ее с радостью...

– Но?.. – уточняет полицейский.

– Что «но»?

– Простите, но мне показалось, что должно последовать «но», вот и всё.

Кейт Мадиган бросает взгляд на директора; та кивает.

– Понимаете, – продолжает учительница, – в последнее время я заметила, что ее оценки слегка понизились. Ничего драматичного, она все равно в первой тройке по успеваемости. Но вела она себя тише, чем обычно. Можно сказать, была поглощена своими мыслями.

– Вы с ней об этом говорили?

– Попробовала. Но вскользь, так, чтобы не очень волновать ее. Однако Дейзи сказала, что с ней всё в порядке.

– И вы ей поверили?

– Думаю, что подозрения никуда не делись. – Кажется, что Мадиган обеспокоена. – По нескольким фразам, которые я услышала, можно было предположить, что у нее не все ладно дома. Но ничего *серьезного*, – быстро добавляет учительница. – Ничего, что говорило бы о том, что она в зоне риска. – Кейт краснеет. – Я много говорила с ней о книгах – такое впечатление, что Мэйсонов они не очень интересуют. Но я точно знаю, что она с нетерпением ждала вечеринку.

– Последний раз, когда я с ней говорила, – вмешивается в разговор директор, – Дейзи была в очень хорошем настроении. Рассказала, что с нетерпением ждет того, чем сможет заняться на каникулах.

– Мне хотелось бы рассказать вам еще что-то, – добавляет Мадиган, – но, честно говоря, я в этом классе всего несколько месяцев и не слишком хорошо знаю детей.

– Кейт прислали нам на замену, когда Киран Дженнингс сломал ногу, катаясь на лыжах на Пасху, – замечает Стивенс. – Мы были ей рады и очень сожалеем, что она уезжает.

– Уезжает? – переспрашивает Гислингхэм.

– Возвращаюсь в Ирландию. – Мадиган улыбается. – Получила работу в Голуэе. Поближе к семье.

– Итак, – немного торопливо говорит Эверетт, – вас что-то беспокоило в Дейзи...

Учительница вновь бросает взгляд на директора.

– Я не стала бы употреблять такое сильное слово. Я заметила небольшие изменения, вот и всё. *Очень* маленькие. Я рассказала о них Элисон, и она собирается сообщить о них Кирану, когда тот вернется, чтобы он мог за этим проследить. Но в них не было абсолютно ничего особенного. Иначе мы это так не оставили бы.

И опять женщины обмениваются взглядами – третий раз за такой короткий промежуток времени.

Верити – человек опытный, и дополнительной подсказки ей не требуется.

– Есть ведь что-то еще, верно? О чем вы недоговариваете.

Элисон Стивенс глубоко вздыхает:

– Честно говоря, детектив, нас волновала совсем не Дейзи.

Социальный работник оказывается мужчиной. Не знаю почему, но меня это удивляет – я как-то уверил себя в том, что это будет женщина. Однако когда я наблюдаю на экране за тем, как он ведет себя с Лео, то понимаю – мужчина для этого подходит лучше. Через пять минут они уже болтают о футболе, а через десять приходят к выводу, что «Челси» опять выиграл Премьер-лигу в следующем сезоне, Уэйн Руни – игрок переоцененный, а у Луи ван Гала смешная прическа. Когда я открываю дверь и вхожу, чтобы присоединиться к ним, брат Дейзи похож на нормального ребенка больше, чем во все предыдущие наши встречи.

– Итак, Лео, мне надо задать тебе несколько коротких вопросов по поводу вторника, – обращаюсь я к нему. – Можно?

Мальчик напрягается, и я мысленно проклиная себя.

– Тебе не о чем беспокоиться. Ты же хочешь, чтобы твоя сестра вернулась домой живой и невредимой, правда?

На это Лео кивает, но делает это не сразу и при этом не смотрит на меня. Затем протягивает руку, берет банку кока-колы, принесенную Гаретом Куинном, и начинает с ней играть. Не надо быть детским психологом, чтобы понять, что в ребенке происходит какой-то сдвиг. Или что правда – какой бы она ни была – его беспокоит. И тем не менее я вынужден лезть в сапогах к нему в душу.

– В тот день ты вернулся из школы вместе с Дейзи, правильно?

– Мама была слишком занята. – Мальчик кивает. Головы он так и не поднял. Я с трудом вижу его глаза за густой темной челкой.

– Вы всю дорогу до дома шли вместе?

Еще один кивок.

– Ты в этом уверен? Нам кажется, что по дороге вы могли поругаться.

– Кто вам сказал? – Теперь Лео поднимает глаза на меня.

– Твоя мама. Она рассказала, что вы с Дейзи появились дома по отдельности. И решила, что между вами произошла ссора.

Мальчик опять возвращается к банке коки.

– Она увидела какую-то дурацкую бабочку и захотела, чтобы я ее сфоткал, а я не сфоткал.

– А почему нет? Кажется, это не так уж трудно... Ведь у самой у нее телефона нет?

– Ей мама не разрешает.

– Так почему ты не сделал фото?

– Не знаю. – Лео пожимает плечами.

– А что произошло потом?

– Она осталась ее разглядывать. Я говорил, что нам надо домой из-за вечеринки и что мама рассердится, но она не пошла. Вот там я ее и оставил.

– Понятно... Так, значит, ты болеешь за «Челси»? – спрашиваю я после паузы.

Ребенок бросает на меня быстрый взгляд, затем кивает. У него красивые глаза – лазурного цвета с невероятно длинными ресницами. В его лице есть что-то от эльфа, но я не могу понять, что именно.

– Один из моих констеблей тоже болеет за «Челси». Просто с ума сходит. А кто твой любимый игрок?

– Эден Азар.

– Это бельгиец, правильно? И на какой позиции он играет?

– Полузащитника.

– Ты тоже полузащитник?

– Папа говорит, что мне лучше держаться в обороне. Считает, что я недостаточно быстр для полузащиты.

– Он водит тебя на матчи?

– Нет. Говорит, что это слишком дорого и что туда слишком долго добираться.

– Мне кажется, что Лондон – не так уж далеко.

Пожатие плечами.

– Однажды я ходил с Беном и его папой. Мы разгромили «Сток»^[31] три-ноль. Было классно. Он купил мне шарф.

– Бен – твой лучший друг?

– Был, но сейчас он переехал. – Лео опять пожимает плечами.

– А кто сейчас твой лучший друг?

Молчание.

Я начинаю догадываться, насколько одинок этот мальчик. Часть меня хочет протянуть к нему руки, обнять и все исправить. Но я не могу. Потому что вторая моя часть собирается сделать все еще хуже. Иногда я ненавижу эту гребаную работу.

– Лео, у меня есть одна проблема, и мне нужна твоя помощь.

Брат Дейзи не отрываясь смотрит на пустую банку, и его левая нога дергается вверх-вниз. Я обмениваюсь взглядами с социальным работником.

– Понимаешь, проблема вот в чем: твоя мама говорит, что во вторник Дейзи вернулась домой гораздо раньше тебя. Тут что-то не так, если ты говоришь, что она осталась рассматривать бабочку. Тебе понятно, о чем я?

Пауза, а потом кивок – правда, едва заметный. Щеки младшего Мэйсона краснеют.

– Ты просто должен рассказать мне, как все было, вот и всё. Тебе ничего не угрожает, – уговариваю я его.

Социальный работник наклоняется вперед и легко касается руки мальчика.

– Лео, всё в порядке. Ты можешь все рассказать офицеру полиции. Ведь всегда лучше говорить правду, правильно?

Вот так все и раскрывается.

Гислингхэм распахивает дверь в помещение четвертого класса. Лучи послеобеденного солнца заливают светом комнату и косо падают на плакат с алфавитом с картинками зверей и на баннер, сообщающий о том, что «мы собираемся делать на каникулах». Под заголовком сами дети написали несколько фраз и прикрепили соответствующие фотографии, вырезанные из журналов. Двое или трое собираются в Диснейленд, а один вообще едет в Новую Зеландию. Выясняется, что Дейзи с большим нетерпением ждет своей первой поездки на пароме^[32], а Нанкси Чен собирается посетить своих кузенов в Нью-Йорке. Но в настоящий момент она сидит вместе с Кейт Мадиган и Верити Эверетт в дальнем углу класса.

Констебль кивает Эверетт, которая встает и подходит к нему.

– Я оставил послание на телефоне босса, – говорит он, понизив голос. – Они как раз сейчас допрашивают мальчика. – Смотрит на свои часы. – Черт, через двадцать минут я должен забрать Джанет! Восемнадцатая неделя – надо делать УЗИ.

Он этого не говорит, но Верити знает, что это их первый ребенок, и в сорок два года, после трех выкидышей, жена наверняка захочет, чтобы он был рядом.

– Не волнуйся, – говорит она. – Поезжай, я все закончу сама. Элисон Стивенс говорит, что Доусоны готовы встретиться с нами в два – так что после всего этого я зайду к ним, а с тобой мы встретимся позже.

– А как ты доберешься до Доусонов?

– Туда всего десять минут ходьбы. Думаю, что я справлюсь, – улыбается Эверетт.

Если она и волновалась о том, как разговорить Нанкси Чен, то вскоре

понимает, что столкнулась с прямо противоположной проблемой. Самоуверенности Нанкси хватило бы на девочку вдвое старше ее, и при этом она обладает типично американской непосредственностью. По ее мнению, Дейзи Мэйсон «суперумная» и «здорово нахальная». Она лучше всех в классе стоит на руках (при этих словах Кейт Мадиган грустно улыбается) и рассказывает самые классные истории, хотя Порция рисует лучше ее, а танцевать Дейзи вообще не умеет, хотя и думает наоборот. Лучше всех танцует Милли Коннор, хотя вообще-то она туповата (после этих слов следует мягкий упрек, и учительница краснеет).

– А что тебе удастся лучше всего, Нанкси? – задает вопрос Эверетт.

– Математика. Па хочет, чтобы я поступила в МТИ^[33], как и он.

Верити не имеет ни малейшего понятия, что такое МТИ, но идея ей понятна.

– Ну и как Дейзи вела себя в школе в последнее время? Ее что-нибудь беспокоило?

Чен на мгновение задумывается:

– Кажется, была одна штука... Но это секрет. Она сказала нам только потому, что мы ее СЛП^[34].

Эверетт делает все, чтобы не выдать своего волнения.

– И что же это за секрет, Нанкси?

Неожиданно на лице у девочки появляется сомнение, как будто она понимает, что сказала лишнее, но Кейт Мадиган ее подбадривает:

– Всё в порядке, Нанкси, – я уверена, что детектив Эверетт никому не скажет.

– Дейзи не говорила, что это за секрет. Однажды рассказала, что встречается с кем-то и что это секрет. Сначала она была здорово возбужденная, а потом сказала, что это все ерунда и что она больше ни с кем встречаться не будет.

– И она не сказала, с кем встречается? Это был кто-то взрослый? Или ребенок?

Девочка яростно трясет головой.

– А она что, была расстроена после встречи с этим человеком?

– Нет, не расстроена, – отвечает Чен после раздумий. – Она просто совсем обезумела.

Эверетт напоминает себе, что в Америке это слово имеет совсем другое значение^[35].

– А как ты думаешь, Нанкси, дома Дейзи была счастлива?

– Вы это *серьезно*? – Девочка делает гримасу. – Вы ее дом видели?

– Послушай, Нанкси, так говорить нехорошо, – быстро вмешивается в разговор Кейт. – Мы же не судим о людях по тому, сколько у них денег, согласна?

По внешнему виду ученицы понятно, что та считает деньги единственным мериллом успеха, но она не спорит.

– Я просто хотела узнать, все ли в порядке в семье Дейзи, – возвращается к прежней теме констебль.

– Ну Лео – он немного с приветом. Такой слабак... А ее мама все время достает ее по поводу оценок.

– А что насчет папы? Все говорят, что они очень близки.

– Наверное, только...

– Что – только?

– Он был вроде как ее герой – принц Очарование или что-то в этом роде. Но больше она о нем так не говорит. Она даже не называет его папой.

– А как же она тогда его называет, Нанкси?

Неожиданно девочка смотрит на Эверетт все понимающим взглядом:

– Она называет его Хряк.

Спустя несколько минут, когда Эверетт встает, чтобы уйти, она обращает внимание на доску с надписью: «Наши сказки», под которой приклеены несколько рисунков. Что-то – возможно, слова Нанкси о принце Очарование – заставляют ее взглянуть на них.

Большинство рисунков – это вполне ожидаемая смесь «жили-были», мальчика-волшебника Гарри Поттера, зеленых драконов и длинноволосых принцесс в башнях, которые едва ли не меньше их самих. Мысленно констебль отмечает, что Нанкси была права и Порция, без сомнения, самый талантливый художник в классе, но самое большое впечатление на нее производит рисунок Дейзи. Она подзывает Кейт Мадиган.

– А эти рисунки сопровождалась какими-нибудь историями?

– Вы попали прямо в точку, – улыбается Кейт. – Сначала мы написали сочинения, а потом я попросила детей нарисовать соответствующие рисунки.

– И они у вас сохранились?

– Да, думаю, что они где-то лежат.

Учительница подходит к столу. На нем возвышается куча небольших

подарков, которые еще не успели развернуть.

– Видно, что детишки вас любят, – замечает Эверетт, прочитав пару надписей: «Самой лучшей учительнице в мире», «Мы будем по вам скучать».

– Что? Ах, это... Да, очень приятно, когда они делают подарки. Я их еще не открывала. Понимаете, мне показалось, что сейчас не время.

Мадиган уже нашла пачку сочинений и теперь просматривает их – локон рыжих волос падает ей на плечо. Она доходит до конца пачки, хмурится, а потом немного растерянно смотрит на констебля.

– Как странно... Сочинения Дейзи здесь нет.

– Правда? – Теперь наступает очередь Эверетт хмуриться. – Где же оно может быть?

Кейт выглядит смущенной:

– Может быть, у меня дома? Я брала их домой, чтобы поставить оценки... Но я не понимаю, как ее сочинение могло отделиться от всех остальных.

– А кто-то мог его забрать – я имею в виду, отсюда? Кто-то мог войти в класс?

– Ну... я думаю, что такое возможно. В течение дня класс не запирают. Но с какой стати оно могло кому-то понадобиться? – Теперь учительница выглядит очень расстроенной. – Ничего не понимаю. Ведь это просто сочинение!

Верити тоже ничего не понимает. И тем не менее пропажа не дает ей покоя.

Страничка в «Фейсбуке» «Найти Дейзи Мэйсон»

Мы решили создать эту страницу, чтобы иметь возможность обмениваться на ней информацией о Дейзи и, может быть, помочь найти ее. Продемонстрируйте вашу поддержку, добавив на свой аватар маргаритку, и здесь, в «Фейсбуке», и в «Твиттере», и мы создадим «цепь маргариток», достаточно крепкую, чтобы вернуть домой нашего маленького ангела.

Лориана Николас, Том Броуди, Элис Шелли и еще 33 им подобных.

ТОП КОММЕНТАРИЕВ

Джон Стокер Давайте начнем соединять звенья цепи Дейзи. Кто знает – может быть, кто-то что-то видел или вспомнит... Разве это будет не здорово, если социальные сети хотя бы один раз сделают что-то позитивное, вместо этого ужасного троллинга в «Твиттере»?

21 июля в 14.32

Йен Поттс Отличная идея – согласен, эти тролли в «Твиттере» доводят меня до тошноты.

21 июля в 14.39

Найти Дейзи Мэйсон. И все должны помнить – если появляется хоть какая-то информация, надо звонить в Криминальный отдел Управления полиции долины Темзы. Даже если вы узнаете что-то не имеющее на первый взгляд никакого отношения к произошедшему. 018650966552

21 июля в 14.56

Семья Доусон живет всего в миле от Барж-клоуз, но впечатление такое, что это совершенно другая вселенная. Верити Эверетт останавливается на тротуаре, чтобы оценить величину дома, прежде чем постучать в дверь. Четыре этажа, включая подземный, и даже с того места, где она стоит, ей видны две комнаты наверху, полностью заполненные книгами. Фасад – выветренный от времени кирпич и недавно отреставрированный камень, а над низкой стеной и аккуратной подъездной дорогой из гравия возвышается черная ограда. Вдоль улицы растут деревья, посаженные, по-видимому, в то же время, когда строились дома, – то есть больше века назад.

Дверь открывает хорошенькая женщина в переднике, которая объясняет, что она просто здесь убирается, а миссис Доусон сейчас в саду. Эверетт спускается по лестнице и проходит через гигантскую кухню, занимающую почти весь этаж и выходящую на сад, в котором то тут, то там растут яблони. Мать Порции замечает ее и идет ей навстречу с корзинкой из ивовых прутьев на руке. Высокая, стройная, со стильной асимметричной стрижкой густых каштановых волос, в длинной кремовой тунике, падающей на узкие брюки цвета хаки, она относится к типу женщин, рядом с которыми будешь чувствовать себя замарашкой, даже если сама она в этот

момент подрезает герань. Самый лучший наряд Верити не дотягивает по стоимости до этой ее одежды.

– У вас очень красивый дом, доктор Доусон, – говорит сотрудница полиции.

– Прощу вас, зовите меня Элеонора. «Доктора» я приберегаю для клиники.

Видно, что эту фразу хозяйка дома повторяет не впервые, но в ее устах она звучит естественно.

– Сад очень мил, правда? – продолжает мать Порции. – Видели бы вы его, когда мы только переехали!.. Это было похоже на сплошную стройплощадку. И в действительности все так и было. Весь дом пришлось перестраивать. Построены эти «викторианцы», может быть, и надежно, но зимой они напоминают холодильники, так что нам пришлось разобрать дом по кирпичику и заново построить его с правильной теплоизоляцией. Потом я долгие месяцы боролась с цементной пылью.

«Скорее это делала твоя уборщица», – думает Эверетт, но предпочитает оставить эту мысль при себе.

– Сейчас все выглядит очаровательно, – говорит она вместо этого.

– Как это мило с вашей стороны!.. Пойдемте в беседку. Порция там читает. Мы все в таком смятении от того, что произошло с Дейзи... Такая красивая малышка, и такая умненькая – помню, как один раз она спросила меня о Леонардо... И будьте уверены – она не имела в виду черепашку-ниндзя^[36].

Внезапно хозяйка улыбается:

– Послушайте, я говорю не останавливаясь, вместо того чтобы предложить вам чай. Будете чай?

На языке Верити вертится стандартное «нет», но неожиданно она решает: «Да какого черта?»

– Было бы здорово.

– Подождите, я сейчас попрошу Амели поставить чайник и вернусь.

Французское имя служанки Элеонора произносит безукоризненно, с ударением на последнем слоге. А когда появляется чай, то ломтики лимона лежат на блюде, а молоко налито в молочник – ясно, что картонным пакетам и разовой посуде в доме Доусонов не место.

Порция сидит в кресле-качалке, рядом на стуле лежит «Черный красавчик»^[37], а на коленях у нее расположился громадный пятнистый кот. Незаметно, чтобы она занималась чтением. На записи со школьной камеры наружного наблюдения Элеонора выглядела вполне здоровой девочкой, а

сейчас под глазами у нее темные круги, и Эверетт приходит в голову, что в последнее время она страдает от отсутствия аппетита.

– Милая, это детектив-констебль Эверетт, – говорит миссис Доусон, ставя поднос на стол. – Ты помнишь? Она хотела поговорить с тобой о Дейзи.

– Ты не возражаешь, Порция? Это не займет много времени, – обещает гостья.

– Хорошо, – отвечает девочка, поглаживая кота, который, мигнув своими янтарными глазами, со вздохом устраивается у нее на коленях поудобнее.

– Мы просмотрели записи с камеры наружного наблюдения возле школьных ворот, и по ним видно, что вы с Нанкси, возможно, последние, кто видел Дейзи в тот день, прежде чем та ушла домой. Это так?

– Думаю, да.

– А тебе хотелось пойти на вечеринку?

– Я туда не собиралась.

– Правда? А почему? Мне кажется, что пригласили весь класс... А ты ее лучшая подруга.

– Дейзи забыла сказать нам, в какой день все это будет, – Порция краснеет, – а к тому времени, когда она вспомнила, мама уже назначила на это время какие-то дела. Нанкси тоже не смогла пойти.

«И то, что на вечеринке не было ее двух лучших подруг, – думает Эверетт, – в какой-то степени объясняет, почему дети в тот вечер не заметили отсутствия Дейзи».

– А ты была у Конноров накануне, Порция? – задает она новый вопрос. – Когда девочки примеряли костюмы?

– Да, но недолго.

– А что по поводу дома Дейзи? Ты часто там бывала? Ты знаешь семью Дейзи?

Младшая Доусон отворачивается:

– Обычно мы приходили сюда. Дейзи говорила, что сюда ближе от школы, но я думаю, что мой дом нравился ей больше собственного.

– Понимаю. Когда я говорила с Нанкси, она рассказала, что Дейзи недавно стала с кем-то встречаться, но это считается большим секретом. Ты не знаешь, с кем?

– Она рассказывала об этом. – Порция качает головой. – И в самом начале была очень счастливая. А потом сказала, что не хочет об этом больше говорить. И что если мы – ее лучшие подруги, то не будем ее об этом спрашивать... Простите, но я просто ничего не знаю.

Видно, что девочка начинает нервничать, и, заметив озабоченный взгляд ее матери, Эверетт решает сменить тактику.

– А что тебе больше всего нравилось в Дейзи как в подруге?

– Она очень умная. – Порция немного оживляется. – Помогает мне с уроками. А еще она делает это... как это называется, когда человек старается говорить, как кто-то другой?

– Подражание.

– У нее это здорово получается. Она подражает своей маме. И всяким известным людям в телике...

– В телевизоре, – негромко поправляет дочь Элеонора Доусон. – Надо говорить: телевизор.

– А ты от этих подражаний смеешься? – уточняет Верити.

Порция отворачивается:

– Иногда.

– А что нравится тебе меньше всего?

Девочка открывает было рот и останавливается.

– Дейзи слушает, – отвечает она наконец и краснеет.

– Ты хочешь сказать, что она подслушивает?

– Иногда она прячется, и ты не знаешь, что она рядом, а она слушает, что ты про нее говоришь.

– Ясно, – говорит Эверетт, и в этот момент звонит ее телефон. Она встает и с извиняющимся жестом быстро отходит в тень яблони, которая скорее всего старше, чем ее собственное жилье. Звонит Гислингхэм.

– Босс хочет, чтобы все мы были на месте через час.

– Хорошо. Я уже почти закончила. А как все прошло – я имею в виду УЗИ?

Девушка почти физически ощущает радость своего коллеги.

– Все отлично. Мальчик! – сообщает он.

– Прекрасно, Крис. Я очень за тебя рада.

– Мы здесь сейчас уже закругляемся, так что я заеду за тобой после того, как отвезу Джанет домой.

– Передай ей привет от меня. И скажи, чтобы она не позволяла тебе называть ребенка каким-нибудь странным именем вроде Стэмфорд-Бридж^[38], чего он никогда не простит тебе в будущем.

– Только подумать! И это я слышу от женщины по имени Верити Мейбел^[39]...

Но Эверетт чувствует, как ее собеседник улыбается.

В 3:30 пополудни я открываю дверь в штабное помещение, расположенное в церкви Святого Алдэйта. Когда я появляюсь на пороге, шум в помещении стихает и устанавливается тишина. Тишина, бурлящая от нетерпения. Все уже успели проникнуться важностью происходящего.

Я прохожу вперед и поворачиваюсь лицом к аудитории:

– Итак, я уверен, все вы уже слышали кое-что о том, что случилось за сегодняшний день, но всем нам надо обладать одинаковой информацией, так что послушайте еще раз. Первое – телевизионное обращение. После него мы до сего момента получили больше тысячи телефонных звонков – обычная хрень насчет того, что девочку видели в разных концах страны, и пока ничего действительно интересного. Но это пока. Само собой разумеется, что у нас нет никаких подтвержденных свидетельств того, что кто-то видел Дейзи после пятнадцати пятидесяти двух, то есть после того, как она вышла из школьных ворот. Вопреки тому, что Мэйсоны рассказали нам в самом начале, Шэрон Мэйсон в тот день не забрала детей из школы, так что Дейзи и Лео должны были возвращаться домой пешком. Кроме того, миссис Мэйсон только что позвонила мне и подтвердила, что в доме нет школьной формы ее дочери. Все это значит, что мы не можем *полностью* исключить вариант, что Дейзи похитили по дороге домой. С другой стороны, мы до сих пор не обнаружили костюма русалки, а принимая во внимание то, что она не могла одновременно надеть и форму, и маскарадный костюм, что-то здесь не стыкуется. Также оба родителя настаивают на том, что, когда в тот день Дейзи вернулась из школы, она поднялась наверх и включила музыку. Оба говорят, что слышали голос дочери, но ни один не может подтвердить, что *видел* ее. То есть здесь опять какая-то нестыковка. Кроме того, боюсь, что нам придется принять во внимание еще один факт. – Я глубоко вздыхаю. – Теперь Шэрон Мэйсон говорит, что в тот день она выходила из дома минут на сорок, оставив детей одних в доме...

– Черт возьми, нашла время! – возмущаются мои коллеги.

– Послушайте, я так же разочарован, как и все вы, но это данность. Очевидно, она не хотела, чтобы об этом узнал ее муж, поэтому рассказала это, только когда мы разговаривали с ней вдвоем. Женщина считает, что уехала она чуть позже четырех тридцати, потому что как раз в это время домой вернулся Лео. Если верить ей, сначала она заехала в забегаловку на Глассхаус-стрит, а потом в «Маркс и Спенсер» на кольцевой дороге, но

камера наружного наблюдения там не работает, а в самом магазине никто ее не помнит. Что может что-то значить, а может не значить ничего. Для всех нас важно то, что, пока дети были одни в доме, боковая калитка и дверь в патио были скорее всего открыты. Так что теоретически Дейзи могла самовольно выйти на улицу, хотя если б это было так, мы наверняка уже нашли бы ее, принимая во внимание то количество людей, которые занимаются поисками. Возможно также, что кто-то похитил ее или с территории перед домом, или – чисто теоретически – из самого дома.

– Да ладно! – раздается голос из задних рядов; мне кажется, я узнаю Эндрю Бакстера. – Шанс, что случайный педофил *неожиданно* появился у дома именно в эти сорок минут...

– Знаю – и полностью с вами согласен. Такие шансы исчезающе малы. Более того, в этом был бы смысл, только если б кто-то долго следил за семьей и увидел свой шанс, когда Шэрон уехала. Это мог быть кто-то, кого Дейзи знала и могла впустить в дом. И вот это может быть не так нереально, как выглядит на первый взгляд. Эверетт, поделитесь с нами тем, что вы узнали от подруг Дейзи.

– Я только что вернулась после встреч с Нанкси Чен и Порцией Доусон. – Верити встает. – Обе подтвердили, что не так давно Дейзи с кем-то встречалась, но это был большой секрет. Ни одна из девочек не смогла сказать, кто это был, но обе утверждают, что в какой-то момент Дейзи здорово разозлилась и больше не разговаривала с ними об этом.

– И ты уверена, – задает вопрос Бакстер, – что речь идет именно о злобе, а не об огорчении?

Эверетт стоит на своем.

– Именно о злобе. Есть еще кое-что. Дети в классе Дейзи в этом семестре писали сказки. Так вот, сказка, написанная Дейзи, исчезла. Учительница поищет ее еще раз. Конечно, это может быть простым совпадением, но мы должны убедиться, что никто чужой в класс не заходил. Потому что есть слабая вероятность того, что кое-что в этой сказке могло указывать на человека, с которым она встречалась. Нечто такое, что этот человек хотел скрыть от всех.

– Значит, – говорю я, оглядывая комнату, – нам срочно надо выяснить, что же это за человек. А так как Дейзи Мэйсон основную часть времени находилась под неусыпным контролем, единственным местом, где она могла с кем-то встретиться так, чтобы об этом не узнали родители, была школа. Поэтому мне нужен кто-то, кто просмотрит все записи камеры наружного наблюдения в школе Епископа Христофора за последние шесть недель. Каждую перемену, каждый перерыв на ланч. Доброволец получит

дополнительные очки в борьбе за печенье, или я сам выберу жертву... – Я внимательно осматриваю всех своих сотрудников. – Ладно, если добровольцев нет, то будем считать, что короткая соломинка достается Бакстеру.

– Он не будет возражать, – острит Гислингхэм. – Он болельщик «Астон Виллы», так что привык часами пялиться на экран, на котором ничего не происходит.

– А что насчет мальчика? – спрашивает кто-то из заднего ряда, пытаюсь перекрыть последовавший за остротой смех. – Этот Лео – он что рассказывает? Он ведь наверняка услышал бы, если б кто-то зашел в дом.

Я жду, пока шум успокоится.

– Хороший вопрос. Просто отличный вопрос, черт побери. Когда мы начали нашу беседу с Лео, он показал, что, когда они шли из школы, Дейзи отвлеклась на бабочку, и он вернулся домой один. Это не соответствует тому, что говорит Шэрон – насчет того, что Дейзи появилась дома первая. Так что нам пришлось слегка надавить на мальчика, и он рассказал нам совершенно другую историю. *Теперь* он говорит, что в школе над ним издеваются старшие ученики. Они поймали его, когда он во вторник возвращался домой вместе с Дейзи, и стали приставать. Толкали его и всячески издевались над его именем. Как мы поняли, пацаны называют его «Нука-тошнотик». Для тех, кто не знает, Нука – один из героев фильма «Король Лев»^[40]. Тот, который шелудивый.

– Боже, – опять подает голос Бакстер. – Откуда такой снобизм? В мое время, когда я ходил в школу, обзывались только «жирдяями» и «прыщавыми».

Все опять смеются. Для вашего сведения, Эндрю Бакстер – мужчина полноватый, а вот прыщи у него давно прошли.

– Меня это совсем не удивляет, – сухо замечает Эверетт. – Если подумать о том, какие дети ходят в эту школу, то эти «умники» не могли придумать ничего другого.

– Важно то, – я повышаю голос, – что Лео рассказывает: когда задиры его поймали, Дейзи убежала и именно поэтому вернулась домой раньше его. Кстати, Шэрон Мэйсон утверждает, что ей ни о чем подобном не известно. Так что в соответствии с самой последней версией произошедшего Лео, вернувшись домой, поднялся прямо к себе и захлопнул за собой дверь; значит, теоретически он мог не услышать, как кто-то зашел в дом. Он говорит, что был обижен на Дейзи, – ведь она убежала и бросила его в одиночестве, и на вечеринке Лео старался держаться от нее подальше, поэтому не понял, что девочка в костюме

маргаритки – не его сестра. Не знаю, насколько этому можно верить, хотя он стоял на своем, что бы я с ним ни делал. Что точно похоже на правду, так это то, что по дороге домой Дейзи и Лео поссорились.

– А сам он не мог этого сделать? – задает вопрос Бакстер. – Если по дороге дети поссорились, он же мог напасть на нее? В его возрасте мальчики подвержены неожиданным переменам настроения – Дейзи могла упасть, удариться головой...

– Теоретически возможно, но если это так, то куда он дел тело? Десятилетний ребенок не сможет спрятать тело так, чтобы мы его не нашли. Даже если у него будет на это много времени, чего у Лео не было.

– Хорошо. – Эндрю кивает, однако мне кажется, что все это его не убедило. – Но даже если мы исключим его из списка подозреваемых, то насколько мы можем верить этой его новой истории? Ведь некоторые его ровесники вообще не видят границы между правдой и ложью.

«Ровесники, – думаю я, – мальчики этого возраста...»

– Я не думаю, что он лжет, – громко раздается в тишине голос Гислингхэма. – По крайней мере, не по поводу издевательств. Его классная руководительница, Мелани Харрис, говорит, что, по ее мнению, это продолжается уже целый семестр. Несколько раз на мальчике рвали одежду, на руках у него появлялись ссадины, но поймать никого не удавалось, а Лео продолжал настаивать на том, что он сам случайно упал или что-то в этом роде. Без официальной жалобы мало что можно сделать. Но с ним явно что-то происходит.

Куинн демонстрирует работу мысли:

– А Шэрон не говорила, что он легко поддается переменам настроения?

Но Гислингхэм отрицательно качает головой. Так они потихоньку изводят друг друга с того самого момента, как Гарет стал «исполняющим обязанности детектива-сержанта».

– Мне кажется, что это не просто перемены настроения, – сообщает Крис. – У него бывают приступы ярости, и в такие моменты он срывается на одноклассниках. Пару недель назад Лео попытался выколоть карандашом глаз своему соученику. Учительница подозревает, что одному из своих мучителей. Никакого вреда он ему не нанес, и это единственное, почему ему все сошло с рук. Тогда Шэрон Мэйсон вызвали в школу, но она отнеслась к произошедшему несерьезно. Все повторяла: «Мальчики всегда будут мальчиками», «дети в наши дни такие изнеженные» и прочую подобную ерунду.

Чем больше я узнаю о Шэрон Мэйсон, тем меньше ее понимаю. Для

такой поверхностной личности она удивительно закрыта. Что-то здесь не так, но я, черт побери, не могу понять, что именно.

– Вы проверили запись с камеры, сделанную уже после того, как Лео и Дейзи ушли, чтобы уточнить, не идет ли кто-то за ними?

– Кадр за кадром в течение следующих тридцати минут, но не заметил ничего бросающегося в глаза, – отвечает Гислингхэм. – Несколько мальчиков ушли в том же направлении. Но дети в наши дни – далеко не дураки. Они прекрасно знают, где расположены камеры. Особенно если планируют что-то нехорошее.

– И тем не менее, Крис, не бросай эту историю с издевательствами. Попробуй узнать хоть какие-то имена. Может быть, тебе что-то подскажут учителя.

– Сделаю, босс.

– Кто следующий – Куинн?

«Исполняющий обязанности» встает и выходит вперед:

– Барри Мэйсон утверждает, что в тот день поздно приехал с работы из-за ЧП на одной из его стройплощадок. Той, что в Уотлингтоне. Я проверил – там у него всего один объект, и работа на нем приостановлена три недели назад. Хозяйка сказала, что заплатила Мэйсону десять штук и с тех пор больше его не видела. Кормит ее обещаниями, но не появляется. И она знает еще по крайней мере троих человек в такой же ситуации. Строители, твою мать, а? Сплошные козлы.

– Только не заводи меня, – мрачно прошу я. – Значит, если Мэйсона не было там, где он должен был быть, – я имею в виду Уотлингтон, – то где же он, твою мать, был? Куинн, можешь попробовать выяснить?

– Это будет непросто без доступа к его кредитным картам и телефону. Но я проверю – вдруг его где-то зарегистрировала система распознавания автомобильных номеров...

– Договорились. И теперь последнее: в настоящий момент у нас нет никаких оснований для ареста Мэйсонов, поэтому они сейчас отправятся домой. На глазах у всех средств массовой информации. Несколько следующих дней для них будут очень непростыми, но, в чем бы их ни обвиняла пресса и эти тролли из «Твиттера», мы не можем себе позволить, чтобы это как-то повлияло на нас. Исчезновение Дейзи можно объяснить разными причинами, не имеющими никакого отношения к семье. И именно на это в первую очередь укажет мне адвокат, которого Мэйсоны, без всякого сомнения, наймут в ближайшее время.

– Я бы дьяволу душу продал, чтобы оказаться сегодня мухой на стене в их доме. – Гислингхэм строит гримасу. – Или жучком на водопроводном

кране.

Я вижу, как Анна Филлипс улыбается, услышав эти слова.

– Жучком как насекомым или «жучком» как прибором?

Крис расплывается в улыбке. Она у него очень хорошая.

– Подойдет и то и другое.

– Итак, – говорю я, заканчивая совещание, – кто-нибудь хочет еще что-нибудь сказать? Нет? Тогда встречаемся завтра утром. Всем спасибо.

Когда я иду к двери, Эверетт пристраивается ко мне. Я чувствую, ей есть что сказать, – очевидно, она не хотела обсуждать это при всех. С ней такое часто случается – мне бы хотелось, чтобы она была посмелее в том, что касается ее собственных предчувствий, потому что ошибается Эверетт редко. Да и Куинну пойдет на пользу, если кто-то время от времени будет оспаривать его теории, не только Гислингхэм.

– В чем дело, Эв? – спрашиваю я.

– В классе Дейзи на стене висит доска с рисунками детей, которые они сделали в качестве иллюстраций к своим сказкам.

Я жду. Эв не любит болтать зря. Сейчас она все объяснит.

– Прежде чем мы узнали, что сказка Дейзи исчезла, я посмотрела на ее картинку. – Верити достает телефон и открывает фотографию. – Взгляните.

Рассмотреть подробности не так просто, но мне кажется, что на рисунке, в нижней его части, нарисована маленькая девочка в короне и балетной пачке розового цвета, а над ней возвышается гораздо более высокая женская фигура с метлой и неестественно большой сумкой. Здесь же находится довольно странное существо, голова которого, как плющом, увита листьями, с каким-то свертком под мышкой, а справа от него – фигура молодого человека с золотистыми волосами, отгоняющего прочь монстра с громадным хоботом и закрученным хвостом.

– Так ты думаешь...

– Что эта девочка – Дейзи? Без сомнения. Все маленькие девочки хотят быть принцессами или балеринами.

– Или и тем и другим сразу, если судить по этому рисунку. – Я улыбаюсь.

– И отец Дейзи все время называл ее «своей принцессой»...

Теперь уже моя очередь делать гримасу:

– Поддай-ка мне гигиенический пакет.

– Я все знаю, босс, но когда тебе всего восемь...

– Я же не спорю, просто захотелось блевануть.

Но Эв еще не закончила:

– Больше всего меня поразила эта женщина за маленькой девочкой.

Посмотрите на ее обувь. Эти перепонки впереди... И каблуки, которыми вполне можно убить...

Теперь я вижу, что она имеет в виду:

– Здорово похоже на туфли, в которых Шэрон была с утра. Насколько я понимаю, она все еще в них.

Верити кивает, а потом указывает на монстра.

– Нанкси Чен рассказала, что Дейзи придумала новое имя своему отцу. Теперь она называет его Хряк.

Я бросаю на нее быстрый взгляд, и Эверетт кивает:

– Знаю и очень стараюсь не делать поспешных выводов. Проблема в том, что в наши дни растление малолетних встречается на каждом шагу. Хотя, может быть, проблема совсем не в этом – возможно, девочка накануне поругалась с отцом и просто выпускала пар. То есть все абсолютно невинно. Ей просто не купили последнюю куклу Капустку.

Я улыбаюсь. Легко догадаться, что у Эверетт нет детей.

– Мне кажется, офицер, что она уже не столь популярна...

– Это только говорит о том, насколько я стара. – Констебль усмехается. – Но вы меня поняли. Мы все знаем, как дети иногда принимают все слишком близко к сердцу. Все происходящее кажется чрезвычайным в этом возрасте.

Она слегка краснеет, но я не заостряю на этом внимание.

– А когда оно появилось, это свиное прозвище?

– Точно не уверена, но, может быть, несколько недель назад? То есть приблизительно в то же время, когда они писали сказки.

– Значит, ты думаешь, что мы должны проверить записи с камеры на предмет того, заходил ли Барри в класс где-то на прошлой неделе?

– Я спрашивала директрису, – Эверетт кивает, – и, насколько она помнит, он не появлялся в школе вот уже много месяцев. На прошлой неделе там устраивали вечер родителей – так вот, Шэрон пришла на него одна. Я собираюсь заскочить к Мэйсонам по дороге домой, чтобы выяснить, не знают ли они, куда делась сказка. Может быть, заодно мы получим ответ и на главный вопрос...

– А именно? – Я хмурюсь.

– Дома ли школьный портфель Дейзи?

Я не отрываясь смотрю на Верити. «Как же, твою мать, я мог это пропустить?!» И начинаю мысленно крыть себя на чем свет стоит.

– Когда она уходила из школы, он был с ней. Мы видели его на записи, – продолжает Эверетт, очевидно, не заметив этого приступа самоуничижения. – Так что если он дома – это значит, что девочка, так или

иначе, добралась туда. А вот если его *нет*...

– ...то скорее всего она исчезла где-то по дороге между школой и поселком. Что снимает подозрение с Мэйсонов.

– А вы ведь видели ее комнату в ту ночь, босс? Вы не припомните там портфеля? Такого, с портретом диснеевской принцессы. Розового.

Я начинаю вспоминать. Я бы не сказал, что у меня фотографическая память, но обычно я не так много пропускаю. И уверен, что портфель бросился бы мне в глаза – ведь это была бы единственная вещь в том цветнике, на которой не было бы рисунка маргаритки.

– Нет, – говорю я наконец, – не думаю, что он там был. Но это пока ничего не доказывает. Она могла убрать его в шкаф или еще куда-нибудь. Или рюкзак могла убрать Шэрон. Эта гребаная комната выглядела как настоящая выставка.

– Но спросить мне ничто не помешает.

Моя коллега собирается идти, но я останавливаю ее:

– Барри Мэйсон может что-нибудь выкинуть – сомневаюсь, чтобы сейчас мы своими появлениями доставляли ему радость.

– Я знаю, но, мне кажется, попробовать все-таки стоит. Если дойдет до открытой стычки, я просто уйду. Может быть, не так уж и плохо, если журналюги увидят на пороге дома офицера полиции.

– Ладно, вперед, – вздыхаю я. – Только надень форму, ладно? Чтобы эти писаки знали, кто ты такая.

На лице у Эв появляется гримаса, но она понимает, к чему я веду.

– Но сначала тебе надо будет пошущукаться с соседкой...

– С Фионой Вебстер? – Эверетт хмурится.

– Именно с ней. Мне она показалась далеко не дурой. Никогда не знаешь, что может получиться, если задашь парочку наводящих вопросов. И еще поговори с семейным врачом – может быть, у него есть какие-то подозрения насчет растления...

– Я уже проверяла – он в отпуске. Но я ему напишу.

– А учительница рассказала, как Дейзи вела себя в последнее время?

– Тише, чем обычно, но она несколько раз повторила, что изменения в поведении были минимальными. И что это могло ничего не означать. Честно говоря, их больше беспокоил Лео.

– Значит, они были единственными, кого это волновало.

– Я знаю. Бедный мальчуган...

Эверетт еще раз смотрит на фото в телефоне.

– Даже если убрать эти светлые волосы, в одном я уверена наверняка – на рисунке не Лео Мэйсон, – говорит она. – Он ведь и мухи не обидит, не

говоря уже о битве с монстром.

– Значит, нас уже двое... Но если это не Лео, то кто, черт возьми?

22 июня 2016 года, 15:29

27 дней до исчезновения

Барж-клоуз, № 5

Спальня на втором этаже

– Тебе здесь нечего делать.

Это говорит Лео, который стоит на пороге родительской спальни. Обе двери платяного шкафа открыты, а Дейзи сидит перед туалетным столиком матери и красит ресницы. Делает она это на удивление умело. Девочка улыбается в зеркало. Она уже намазала губы ярко-розовой помадой и подвела веки синим.

– Тебе здесь нечего делать, – повторяет ее брат, хмурясь. – Она внизу. И все узнает.

– Ничего она не узнает, – беззаботно отвечает Дейзи, не глядя на него. – Она никогда ничего не знает.

Девочка слезает со стула и подходит к высокому трюмо. На ней надеты голубое бикини и блестящие босоножки, с открытыми носами и без задников, на высоких каблуках. Дейзи замирает, а потом подходит к зеркалу, останавливается, отставляет бедро и принимает кошачью позу. После чего поворачивается и через плечо посылает воздушный поцелуй своему изображению в зеркале.

Лео приближается к одному из шкафов, усаживается перед ним на пол и начинает бесцельно вытаскивать из него вещи, глядя на них без всякого интереса. Пара кроссовок, махровое полотенце, толстовка с капюшоном... Из кармана вываливается что-то твердое, прямоугольное, и этот предмет со стуком падает на пол. Дейзи оглядывается на брата:

– Тебе нельзя об этом знать.

Лео поднимает упавшую вещь и рассматривает ее.

– Чей это телефон?

– Я же сказала – это секрет.

Телефонистка принимает звонок в 17:30. Потом его несколько раз проверяют и перепроверяют, записывают все детали, и только после этого около 18:15 он доходит до меня. Я сижу в своем кабинете у Святого Алдэйта, а Куинн рассказывает мне о том, как мы не смогли разыскать никаких следов того, где был Барри Мэйсон во вторник во второй половине дня, и определить точное время, когда он в тот день вернулся в «Усадьбу у канала».

– Вся проблема в том, что Мэйсон обычно часто заезжает домой в течение дня, – говорит Гарет. – Заскакивает между посещениями разных объектов. Поэтому люди привыкли видеть его пикап в разное время дня. Он никому не бросается в глаза. Да и на подъездной дорожке, как правило, стоит машина Шэрон, а не его.

Я подхожу к окну и выглядываю на улицу. На противоположной стороне, перед гипермаркетом «Теско», мальчик играет с маленькой серой собачонкой, крутя вокруг себя теннисный мяч на длинной леске. Я вздыхаю. Собака – не единственное живое существо, которое сейчас бегаёт кругами.

– Послушайте, – говорит наконец Куинн. – Надеюсь, вы не будете возражать, но я хочу сказать: вам не кажется, что мы с самого начала где-то ошиблись?

Я жду.

– В чем именно? – уточняю после паузы.

– Вы же сами говорили, что Дейзи вполне могла самостоятельно уйти из дома, пока Шэрон не было. Скорее всего Лео этого вообще не заметил бы. Разве не могло быть так, что бедная глупышка просто убежала? С такой семейкой ее никто за это не осудил бы.

– Я думал об этом, – вздыхаю я. – Но прошло уже два дня. С тем количеством людей, которые ищут ее в поле, и принимая во внимание то, что ее портрет показывают во всех средствах массовой информации, мы уже давно ее нашли бы. Так или иначе.

– Тук-тук... – В дверях появляется Гислингхэм с кучей бумаг под мышкой. – Нам только что позвонила женщина, которая узнала Барри Мэйсона во время телевизионного обращения...

– Да неужели? – Голос Гарета полон иронии. – Думаю, что его узнали человек сто. Из тех, кого он кинул. Честно говоря, меня удивляет, что исчез не он сам – наверняка многие мечтают о том, чтобы прибить его.

Форму высказывания можно обсуждать, но по сути все верно.

За спиной у Куинна Крис строит гримасу.

– Если позволите, я договорю, – продолжает он. – Так вот, эта женщина – Эми Кэчкарт – говорит, что его зовут вовсе не Барри Мэйсон. Его имя – Эйдан Майлс.

Мы с Куинном обмениваемся взглядами.

– И кто же, черт побери, этот Эйдан Майлс? – вырывается у меня.

Гислингхэм открывает свой блокнот:

– Лет тридцать с небольшим, разведен, квартира в Кэнэри-Уорф, работает в сфере банковских инвестиций. Детей нет, но готов рассматривать предложения. Любит фитнес, путешествия, французскую кухню и остальные прелести жизни.

– Какого черта...

– Это его профиль. На FindMeAHotDate.com^[41].

По-видимому, у нас отваливаются челюсти, потому что констебль усмехается:

– Правда. Я ничего не придумываю.

С этими словами Крис кладет бумаги на мой стол.

– Эта женщина – Эми Кэчкарт – переписывается с ним вот уже несколько недель. Вот то, что она пере-слала мне, – полюбуйтесь.

Он искоса смотрит на Куинна. Один-ноль в пользу детектива-констебля.

Гарет тем временем поспешно просматривает распечатки.

– Неудивительно, что Мэйсон не хотел, чтобы его лицо показывали по телевизору. Эта женщина с ним встречалась?

– Пока нет. Но вы посмотрите на фото из профиля – совершенно очевидно, что это он. Хотя если сейчас вы зайдете на сайт, то ничего там не найдете. Все удалено на следующее утро после исчезновения Дейзи.

Я откидываюсь на спинку кресла.

– Значит, тот, кто догадается, чем он занимался, когда, по его словам, должен был откачивать воду в Уотлингтоне, приза не получит.

– А этого достаточно для получения ордера?

– На обыск в доме – думаю, нет. А вот разрешение на доступ к его банковским картам и телефонным звонкам получить можно. Я займусь этим.

Запись беседы с Фионой Вебстер

Место: Барж-клоуз, № 11, Оксфорд,

21 июля 2016 г., 17:45

Присутствует: детектив-констебль В. Эверетт

ВЭ: Спасибо, что согласились вновь встретиться со мной, миссис Вебстер. Я знаю, что сейчас всем нелегко.

ФВ: А вы не знаете, сколько еще здесь пробудут средства массовой информации? Они превращают округу в свинарник. Везде мусор, пивные банки, а что касается парковки...

ВЭ: Кажется, вы говорили, что ваша дочь, Меган, учится с Дейзи в одном классе?

ФВ: Все правильно. Хотя я так никогда и не пойму, как все мы, бывшие на вечеринке, не заметили, что там была не она. По-видимому, все дети знали, что девочки обменялись костюмами, но забыли поделиться этим фактом со своими отсталыми предками.

ВЭ: Насколько я знаю, дети в этом семестре должны были написать сказку?

ФВ: Ну конечно. И это всем очень понравилось. Даже мальчикам.

ВЭ: А о чем написала Меган?

ФВ: Обычная смесь из принцесс, гномов и злых мачех. Рапунцель встречается с Золушкой, с добавлением «Храбрый сердцем» в придачу.

ВЭ: Удивительно, почему мачехи в сказках всегда злые? Я бы дважды подумала, прежде чем выходить замуж за мужчину с маленькими детьми, – такое впечатление, что, что бы ни делала, ты все время как на ладони.

ФВ: Пусть вас это не смущает, милочка. По своему опыту могу сказать вам, что родные матери для детей такого возраста тоже все как на ладони. Все, что вы делаете, – все не так. Знаете, я совсем не удивлюсь, если узнаю, что злая мачеха в сказке Меган полностью списана с меня.

ВЭ: Смешно это слышать... На рисунке Дейзи у женщины в точности такие же туфли, как и у ее мамы.

ФВ: Вы о шпильках Шаз? Забавно, а подошвы у них тоже красного цвета? Шэрон утверждает, что это настоящие «лабутены», но мне кажется, она просто намазала подошвы лаком для ногтей. Боюсь, что здесь, у нас, эти туфли превратились в ее торговую марку – она носит их постоянно, независимо от погоды или от того, на какое мероприятие направляется. Однажды я видела, как Шаз завязла в них на бровке поля, когда Лео играл в футбол. После этого весь день стонала. Кажется,

больше она не посетила ни одной игры.

ВЭ: А Барри посещает? Я имею в виду, футбольные матчи?

ФВ: Иногда. Но не часто. Они с Лео не очень близки.

ВЭ: Но я помню, как вы говорили, что Барри был очень близок с Дейзи – «вечные отношения между отцами и дочерьми»... И еще что-то насчет того, что он все время носил ее на плечах.

ФВ: Ну да. Правда, в последнее время я этого не видела.

ВЭ: Но они по-прежнему близки?

(Пауза.)

ФВ: Вы к чему клоните? Хотите спросить у меня, не растлевал ли Барри собственную дочь?

ВЭ: А мог?

(Пауза.)

ФВ: Честно говоря, это уже не в первый раз, как я задаю себе этот вопрос после исчезновения девочки, но никак не могу ответить ни «да», ни «нет». Около года назад, когда они только переехали, он не отлипал от нее, но в последнее время, когда я видела их вместе, она явно старалась держаться на расстоянии. Но то же самое можно сказать про моего мужа и Элис. Много меняется в промежутке между шестью и восемью годами. Девочки становятся стеснительными – стесняются даже своих отцов.

ВЭ: А было еще что-то, что, может быть, не привлекло вашего внимания раньше, но теперь...

(Пауза.)

ФВ: Вы знаете – есть кое-что. Я совершенно об этом забыла, но недели три назад Барри приехал забрать Дейзи из школы. Такое нечасто случается, но, кажется, Лео в тот день ходил к врачу, так что Дейзи забирал Барри. Я находилась недостаточно близко, чтобы понять, что между ними произошло, но девочка неожиданно начала визжать и плакать. А обычно Дейзи очень спокойная и сдержанная. Короче, Барри решил разыграть карту слегка умом тронувшегося папаши – весь из себя такой «что-же-мне-теперь-делать?», вы меня понимаете... В тот раз я не обратила на это внимания, подумав, что это еще один способ обратить на себя внимание аппетитных мамочек. Но сейчас, когда я об этом думаю, мне это кажется немного странным.

ВЭ: А каков он – я имею в виду вообще? Например, с вами?

ФВ: Хотите знать, не подкатывал ли он ко мне? Знаете, он такой... любит распускать руки, все время трогает вас или за предплечье, или пониже спины. Как говаривал мой бывший босс: с ним опасно ездить в

такси. Правда, он был очень осторожен и всегда держался в рамках, но я представляю, что произошло бы, получи он ответный сигнал. Он принадлежит к категории парней, которые всегда в поиске и руководствуются принципом: если долго мучиться, что-нибудь получится.

ВЭ: А как к этому относится Шэрон?

ФВ: Боже, он не позволяет себе такого в ее присутствии! Она очень ревнивая. Настоящее чудовище с зелеными глазами. Я помню, как она волком смотрела на Джулию Коннор лишь потому, что Барри сказал что-то о том, что та похудела. Для Шэрон это очень болезненная тема.

ВЭ: В сказке Дейзи тоже было чудовище. С хоботом и с хвостом крючком, как у свиньи.

ФВ: Ну что ж, по мне, так хоть какое-то разнообразие... Не все же драконов изображать.

ВЭ: А кстати, вы случайно ничего не слышали о свиньях?

ФВ: О свиньях?

ВЭ: Это тема возникла в разговоре с Нанкси Чен.

ФВ: Нет, простите. Я совсем без понятия.

ВЭ: Понятно. Что ж, спасибо. И последнее, миссис Вебстер. Эти флирты Барри – Дейзи о них знала, как вы думаете?

ФВ: Хороший вопрос. Она очень умна. И очень наблюдательна. Так что я не удивлюсь, если она знала. Совсем не удивлюсь.

Отправлено: 21/07/2016, 17:58

Отправитель: Richard.Donnelly@poplaravenue-medicalcentre.nhs.net

Адресат: DCVerityEverett@ThamesValley.police.uk

Копия: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk

Тема: Дейзи Мэйсон

Благодарю вас за ваше письмо. Вы должны понимать, что существуют определенные правила, касающиеся конфиденциальности данных о здоровье пациентов, но я осознаю важность и срочность вашего запроса. Моей первоочередной задачей является защита

интересов моих пациентов, и, имея это в виду, я не вижу проблемы в том, чтобы подтвердить вам, что не заметил у Дейзи Мэйсон никаких следов, говорящих о том, что она была растлена. В случае если б у меня возникли подобные подозрения, я незамедлительно принял бы соответствующие меры. Последний раз, когда я видел ее (это было три недели назад), она была довольно взволнована, но это ни в коем случае не говорит о том, что она подвергалась насилию. Тогда я объяснил это себе повышенной возбудимостью ребенка.

Вы ничего не спрашиваете меня о Лео Мэйсоне. Около двух недель назад он был у меня на регулярном осмотре – это случилось как раз накануне моего отъезда в отпуск. Во время осмотра я обнаружил у него серьезные царапины и ушибы, которые миссис Мэйсон объяснила отсутствием порядка на игровой площадке. Перед своим отъездом я коротко обсудил этот вопрос со школьной медсестрой и собираюсь вновь встретиться с ней на следующей неделе. Так что после этого я планирую сообщить вам полученную информацию.

Если я еще чем-то могу вам помочь, то прошу сообщить; но имейте в виду, что в будущем я не смогу дать вам никакой дополнительной информации ни о детях, ни о мистере или миссис Мэйсон без соответствующего официального запроса.

В 18:35 Верити Эверетт нажимает кнопку звонка в доме № 5 по Барж-клоуз. Ожидая, пока ей откроют, она разглаживает свою форму. После всех этих месяцев, что та лежала, нераспакованная, вместе с другими вещами, у нее немного несвежий запах. Верити передвигает ремень чуть ниже, а потом возвращает его на прежнее место – но что бы она ни делала, ей все время кажется, что форма сидит как-то не так. Верити не может понять, как Эрике Сомер удастся так здорово носить форму. Не сказать чтобы та сидела на ней так уж сексуально, но, по крайней мере, Эрика не похожа в ней на мешок с картошкой.

У себя за спиной Эверетт слышит, как шумит лагерь представителей прессы, который разбили в конце подъездной дороги, и еще больше натягивает фуражку на глаза. Но все равно ее физиономия появится во всех вечерних выпусках новостей. Отцу это должно понравиться – надо будет позвонить и предупредить его. Хотя он и так не пропустит – со дня смерти ее матери телик в доме работает постоянно. «Джерри Кейл», «Свободные женщины», телемагазин – да что угодно, только не тишина.

И вот дверь открывается. Это Лео. Что на мгновение сбивает девушку с толку.

– Привет, Лео. Я – детектив-констебль Эверетт. Верити Эверетт. А мама или папа дома? – Хотя она прекрасно знает, что никуда они не денутся. Дом же в осаде. Но с чего-то надо начинать...

– Мам! – Мальчик поворачивается. – Опять полиция!

И он исчезает, оставляя констебля стоящей на крыльце и чувствующей затылком батарею камер со вспышками за спиной, пока фотографы пытаются хоть одним глазом заглянуть внутрь. Просто какие-то контрольные выстрелы во всех смыслах. Наконец появляется Шэрон, кутаясь в кардиган.

– Что вам надо? – спрашивает она с раздражением. – Я не собираюсь приглашать вас в дом.

– Это не займет много времени, миссис Мэйсон. Насколько я понимаю, не так давно в школе Дейзи писала сказку...

Хозяйка дома моргает, а потом смотрит за спину Эверетт, на камеры. Кажется, она пытается просчитать, что лучше для ее авторитета в обществе: чтобы ее засняли беседующей с сотрудницей полиции или захлопывающей дверь перед ее носом. Наконец, очевидно, решает, что первое.

– И что?

– Просто интересно, нет ли ее у вас? Учительница не может ее найти.

Шэрон делает гримасу – видно, что она не большая поклонница Кейт Мадиган.

– Не понимаю, для чего вам эта глупость?

– К сочинению Дейзи нарисовала милый рисунок. На нем изображены принцесса и принц, а еще монстр, похожий на свинью...

– Только не говорите мне про свинью. Она в последние недели не рисовала ничего, кроме свиней. Свиньи на шопинге, свиньи за рулем машин, свиньи, выходящие замуж...

– Как странно... А она не говорила, почему?

– А кто ее знает? – Мать пожимает плечами. – Ведь дети никогда не

руководствуются в своих поступках логикой. Это напоминает то, как и с кем они дружат. Сейчас это Милли Коннор, а потом вдруг она получает отставку, и теперь это уже Порция и девочка Чен... Я стараюсь этим не заморачиваться.

– Значит, вы читали сказку?

– Недели две назад. Дейзи как раз ее закончила. Я проверила, чтобы она не наделала в ней ошибок.

– А вы не помните, о чем она?

– Да обычная ерунда. Все эти глупости.

– Понимаю. А вы не поищите ее для меня? Может быть, она у Дейзи в портфеле?

– Не думаю, чтобы Барри...

– А его нет.

Это голос Лео. Он стоит у лестницы и раскачивается на нижней балясине.

– Я про портфель, – поясняет мальчик. – Его нигде нет.

– Ты уверен? – Шэрон хмурится. – Я знаю, что видела его у нее в комнате.

Она поворачивается, протискивается мимо сына и поднимается по лестнице. Лео продолжает раскачиваться. Они слышат, как Шэрон наверху передвигает вещи.

– Порция не была... – начинает младший Мэйсон, но вдруг замолкает.

Верити в растерянности смотрит на ребенка.

– Прости. Порция не была кем?..

– Порция не была лучшей подружкой Дейзи. Порции она не нравилась.

Сотрудница полиции открывает рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент по лестнице грохочут каблуки, и Шэрон появляется вновь.

– На этот раз он прав. Портфеля нет, но куда...

У себя за спиной Эверетт слышит шум подъехавшей машины, треск камер и град вопросов. Она поворачивается и видит, как по дорожке к ней приближаются Адам Фаули и Гарет Куинн.

– Где ваш муж, миссис Мэйсон? – спрашивает Адам.

– А в чем дело? – Глаза Шэрон превращаются в щелки. – Что вам от него надо?

– Мы можем поговорить или здесь, – предлагает Фаули, – на глазах у всех этих журналистов, или пройти в дом – решать вам.

Хозяйка слегка поворачивает голову, не отрывая от него глаз.

– Барри!

Когда отец Дейзи появляется, в одной руке у него банка пива, а в

другой – таблоид.

– Надеюсь, что у вас веские причины...

– Сегодня вечером в наш штаб поступил звонок, мистер Мэйсон, – начинает Адам. – От некоей мисс Эми Кэчкарт. Создается впечатление, что в последние три недели вы с ней активно переписывались.

Шэрон хватает мужа за руку.

– О чем они говорят? Кто эта женщина, черт побери?!

– Никто, – отвечает Барри, стряхивая ее руку, но лицо его становится белым. – Я никогда не встречал никого по имени Эми Кэчкарт.

– Это правда, миссис Мэйсон. Если быть до конца точным, то ваш муж действительно никогда *не встречался* с мисс Кэчкарт. Но он, очевидно, планировал встречу, – сообщает Фаули. – То есть я хочу сказать, для чего еще регистрироваться на сайте знакомств?

– *На сайте знакомств?* – Шэрон вне себя. – Ты что, реально был на этом гребаном сайте?!

– Боюсь, что это так, миссис Мэйсон. Используя фальшивое имя и мобильный с предоплаченным тарифом. Я ни в чем не ошибся?

Куинн вмешивается как раз вовремя – в тот самый момент, когда Шэрон нацеливается на физиономию своего благоверного. «О боже, – думает Эверетт, ощущая за спиной вспышки камер, – у прессы сейчас, должно быть, именины сердца!»

– Мне кажется, мистер Мэйсон, – говорит Фаули, в то время как Гарет заталкивает Шэрон в дом, – что вы хотите продолжить беседу в участке.

Барри с ничем не прикрытой яростью смотрит на Адама. Под левым глазом у него царапина. Наконец он расправляет плечи и сует газету и банку в руки Эверетт, прежде чем повернуться к инспектору:

– Давайте покончим с этим раз и навсегда.

7 июня 2016 года, 10:53

42 дня до исчезновения

Этнографический музей Питта Риверса^[42], Оксфорд

Яркий солнечный день – три учительницы из школы Епископа Христофора стараются превратить неуправляемую толпу школьников в нечто хотя бы отдаленно напоминающее очередь. Одна из них – Кейт

Мадиган, вторая – Мелани Харрис, а третья – Грания Таунсенд, одетая в убийственное сочетание ботинок «Доктор Мартенс» и кардигана с цветочным принтом и кружевным воротничком. У старших детей уже скучающий вид, потому что они не знают, что такое «этнографический» и заранее скептически относятся ко всему, что называется «музеем».

– Вы меня только послушайте, – говорит Грания, – это не похоже ни на один музей, в котором вы были до сих пор, я вам обещаю. Здесь вы увидите жабу, утыканную иголками, кукол вуду^[43], ведьму в бутылке и тотемный столб. Настоящий большой тотемный столб. Если помните, мы видели такой в книге про коренных жителей Америки.

Ее слова вызывают некий интерес. Один из мальчиков помладше поднимает на нее глаза:

– Там что, реально есть ведьма в бутылке? А как они ее туда засунули?

– Не думаю, чтобы это было кому-нибудь известно, – ухмыляется Таунсенд. – Бутылку передала музею одна очень старая леди лет сто назад. И предупредила, чтобы во избежание беды ее ни за что не открывали.

– И ее так и не открыли?

– Нет, Джек, никогда. Лучше поберечься, как ты думаешь?

Голова очереди двигается, и Кейт Мадиган ведет младших детей в главную галерею, где те останавливаются и рассматривают тускло освещенное помещение. С потолка свисают африканские щиты и эскимосские шкуры, а на полу перед ними разместились целая куча витрин, забитых всеми мыслимыми человеческими артефактами: музыкальными инструментами, масками, изделиями из перьев и бисера, погребальными лодками, оружием и латами, глиняной посудой и плетеными корзинами. Все витрины содержатся в идеальном порядке, но внутри каждой из них настоящий хаос из дат и мест происхождения – в котором самураи соседствуют с суринамцами, а Меланезия^[44] – с Месопотамией^[45]. На некоторых экспонатах еще остались оригинальные таблички – написанные изящным викторианским почерком и прикрепленные шнурками. Как будто время остановилось в 1895 году. Что в какой-то степени и произошло. По крайней мере, в этом месте.

– Мел повела Йонаха Эшби в дамскую комнату. У него, у бедняги, кровь пошла носом. – Кейт Мадиган подходит к Грании. – Мне кажется, он немного перевозбудился. Но я его понимаю. Потрясающее место.

Таунсенд улыбается. Теперь дети разбежались по всему помещению – они задыхаются от восторга, перебегают от витрины к витрине и указывают на различные экспонаты.

– Знаю. Я люблю приводить сюда классы. Чем чуднее экспонаты, тем больше они, по-моему, привлекают детей.

– Тогда неудивительно, что им здесь так нравится.

Грания кивает в сторону витрины, вокруг которой столпился по крайней мере десяток учеников:

– Это тсантсы. Всегда притягивают к себе целую толпу.

– Тсантсы?^[46]

– Высушенные головы.

– Тогда это не для меня. – Кейт морщится.

– К этому привыкаешь, – ухмыляется ее коллега. – Можешь мне поверить.

Она подходит к витрине и видит, как Нанкси Чен, очевидно смакуя, читает надпись на ней, а толпа мальчиков таращится на ее содержимое. В витрине расположено с десяток голов, большинство из которых по величине не больше кулака, а некоторые даже меньше. У каких-то сохранились кольца, вставленные в нос, и оригинальные волосы, длина которых совсем не соответствует слегка вытянутым, крохотным и потемневшим лицам.

«Сначала сдирается кожа с головы, – читает Нанкси, – и сам череп и мозг выбрасываются. Рот и глаза зашивают, чтобы злой дух не вышел и не преследовал потом убийцу его хозяина. Потом кожу кипятят в воде, от чего она сжимается».

– Вау, грандиозно омерзительно!

Грания Таунсенд улыбается:

– Они очень старые, и их привезли из Южной Америки. В старые времена люди там полагали, что из головы врага к тебе может перейти его душа и его сила. Во время ритуальных церемоний они носили эти головы на шее.

– Правда? – Один из мальчиков сверлит ее взглядом. – Потрясно!

По другую сторону витрины под табличкой «Отношение к врагам» Лео Мэйсон рассматривает коллекцию декорированных черепов. Некоторые из них украшены ракушками, в лоб других вделаны рога. Тот, что привлек внимание Лео, такой маленький, что, должно быть, принадлежал ребенку. Глазницы проткнуты металлическими шпильками, а сами кости скреплены кожаными ремешками. К Мэйсону подходит один из кураторов выставки.

– Жутковато немного, правда? – спрашивает он приятным голосом.

– Почему у него в глазницы воткнуты эти острые штуки? – спрашивает мальчик, не оборачиваясь.

– Хороший вопрос. Может быть, это месть? Или шаман племени сделал это, чтобы убить злого духа?

Один из детей выглядывает из-за угла витрины и поднимает свои руки, изображая призрака.

– У-у-у-у!

Лео вздрагивает и отпрыгивает назад, хватаясь за пиджак куратора. Мужчина кладет руку ему на плечо.

– С тобой всё в порядке? Может быть, позвать учительницу?

Мэйсон трясет головой, но пиджак не выпускает.

– Тогда, может быть, займешься поисками сокровищ? Где-то в этих витринах спрятаны четырнадцать деревянных мышек. Кое-кто из твоих одноклассников уже ищет их, а учительница сказала, что того, кто найдет их всех, ждет приз.

И вновь Лео качает головой.

– Мне больше нравятся черепа, – произносит он в конце концов.

В дальнем конце зала вместе с группой девочек Кейт Мадиган рассматривает амулеты, фетиши и кукол вуду^[47]. Порция Доусон старательно записывает названия разных талисманов в маленькую записную книжку, пока Дейзи Мэйсон как замороженная смотрит на украшения из серебряной филигрании, разложенные на черном бархате.

– Как для браслета с подвесками, – говорит она, глядя на учительницу.

Кейт улыбается:

– Похожи, правда? Я уже их видела. В Италии. Раньше люди вешали такие на люльку младенца, чтобы защитить его и охранить от злых духов, пока он спит.

– Как злая фея в «Спящей красавице»? – уточняет Порция.

– Да, наподобие. – Мадиган подходит поближе и указывает на предметы за стеклом: – Они должны походить на перевернутые вверх ногами ветви. Как омела на Рождество.

Доусон поднимает глаза и читает через стекло табличку, а затем тщательно выводит заглавными буквами «ЧИМАРУТА»^[48] и начинает зарисовывать один из подвесков.

– На всех них изображены различные символы удачи, – продолжает объяснять Кейт. – Видишь, Дейзи? Вот луна и ключ, а вот цветок и дельфин.

Какое-то время девочка молчит.

– А они что, *реально* волшебные, мисс Мадиган? – спрашивает она наконец. – И реально могут отгонять ночью зло?

Лицо учительницы абсолютно серьезное:

– Некоторые люди так думают. Там, откуда я родом, многие старые люди в это верят.

Дейзи все еще не отрываясь смотрит на подвески.

– Хотела бы я, чтобы это было правдой, – с тоской говорит она. – Мне хотелось бы заполучить такую подвеску.

Она смотрит на Кейт Мадиган, а потом переводит взгляд на своего брата. Группа старших мальчиков показывает пальцами на грубо вырезанную из камня статуэтку льва в одной из витрин – они жестикулируют, засовывают пальцы в рот и смеются:

– Нука-тошнотик! Нука-тошнотик!

Голос Дейзи опускается до шепота:

– И еще одну, для Лео.

Когда Верити перевели в Оксфорд, она могла выбрать между викторианским коттеджем на Ботлироуд с двумя комнатами на первом этаже и двумя спальнями на втором, который надо было серьезно отремонтировать, и квартирой с отделкой над химчисткой в Саммертауне. Победила квартира, но только после того, как Эверетт убедилась, что по пожарной лестнице можно попасть прямо на улицу. И важно это было не для нее самой, а для ее кота. Хотя нельзя сказать, что ее большой пятнистый кот-лентяй часто пользовался этим путем. Когда в этот вечер в 21:15 она закрывает за собой дверь, Гектор возлежит на своем любимом кресле и смотрит на нее, мигая из-за резкого света. Констебль бросает свою фуражку на канapé и садится, машинально почесывая Гектора за ухом. Он здорово похож на кота Порции Доусон. Эта мысль, в свою очередь, заставляет Верити вернуться к тому вопросу, который мучает ее с того момента, как она покинула дом Мэйсонов.

Порция.

Эверетт уже мельком подумала об этом в школе – почему Порция, единственная из подруг Дейзи, так расстроилась, когда родители оставили ее дома? – но теперь эта тема вышла на первый план. Все говорили, что они лучшие подруги, – учителя, Шэрон, сама Порция. Но только не Лео. Не Лео. А как его назвал Фаули? «Наблюдательный мальчуган»? Не мог ли он увидеть что-то, чего не заметили все остальные? А вдруг они что-то

упустили с самого начала следствия? Верити задумывается о записи Дейзи на камере наружного наблюдения и мысленно прокручивает пленку у себя перед глазами. Дейзи и Нанкси разговаривают, а Порция стоит рядом. А потом она наблюдает, как Дейзи идет вслед за Лео в сторону «Усадьбы у канала». Если они лучшие подруги, то в этом нет ничего странного. А если нет? А что, если Порция в действительности ненавидит Дейзи – как тогда можно объяснить эту сцену? Эверетт берет мобильный и звонит Гислингхэму.

– Прости за поздний звонок. Короткий вопрос по поводу записи в школе.

Ей слышны звук работающего телевизора и голос Джанет, интересующейся, кто звонит.

– Прости, Эв, не слышу – у нас тут «Коронация»^[49], – отзывается Крис. – Ну вот, теперь я вышел на кухню. Так что ты хочешь?

– Когда ты смотрел запись с камеры, чтобы проверить, не пошел ли кто из мальчиков за Лео, ты не видел Порцию Доусон? Ты помнишь, что она сделала после того, как Дейзи и Лео скрылись из виду?

– Пфу-у-у... Ну и вопросик! Я почти уверен, что через несколько минут она пошла в том же направлении, но гарантировать не могу. А почему это так важно?

Эверетт глубоко вздыхает.

– Думаю, что это может *стать* важным. Надо позвонить Бакстеру и попросить его проверить. Потому что если ты прав и Порция пошла вслед за Дейзи, то она пошла не домой. Доусоны живут в *противоположном направлении*.

– Послушайте, мистер Мэйсон, подобная обстановка совсем не подходит для встреч.

Я знаю, что это мелко, но не могу отказать себе в удовольствии.

Он находится в комнате для допросов № 1. Об удобных креслах речи не идет, и оставьте ваши шуточки про инквизицию, потому что я давно выучил их наизусть. Стены выкрашены в такие мертвенные цвета, которые вы не согласитесь использовать даже для уличного сортира, а окна расположены так высоко, что выглянуть из них невозможно. В центре помещения стоят четыре стула из пластика и один из тех черных столов с

деревянными краями, которые, я вас уверяю, делаются специально для полицейских участков. Анна Филлипс называет это «обстановкой устрашения». Лично мне никогда не приходило в голову думать о системе уголовного правосудия как о чем-то интеллигентном, но даже если такая обстановка – результат чистой случайности, я не могу отрицать, что она приносит свои плоды. Еще один элемент все той же призванной наводить ужас структуры. Обстановка давит, выводит из себя, сбивает с толку. Хотя, судя по всему, Барри Мэйсон не собирается пасовать перед этим зловещим окружением. Правда, вы, наверное, уже сами поняли, что мой опыт общения со строителями нельзя назвать вдохновляющим.

Куинн закрывает за нами дверь. Воздух внутри провонял ложью. А от Барри несет пивом и дешевым лосьоном после бритья. И я не знаю, что из этого хуже.

– Итак, мистер Мэйсон, – начинаю я, – теперь, когда все мы знаем, на чем стоим, – может быть, вы соблаговолите рассказать нам, где же вы были во вторник после обеда? Поскольку совершенно очевидно, что в Уотлингтоне вас не было.

– Хорошо, не было. Но и в Оксфорде я свою дочь тоже не убивал.

Я поднимаю брови в притворном шоке:

– А кто здесь говорит об убийстве вашей дочери? Может быть, вы, сержант Куинн?

– Никак нет, босс, – отзывается Гарет.

– Я знаю, о чем вы думаете. Не дурак. – Мэйсон отворачивается.

– Тогда расскажите нам, где вы были. Начиная, скажем, с трех тридцати пополудни.

Барри бросает на меня взгляд и начинает грызть ноготь на большом пальце.

– В Уитни. В баре. Ждал одну профурсетку, которая так и не появилась.

Надеюсь, что сейчас у меня на лице моя самая гадкая улыбочка.

– Наверное, получила предложение получше, нет? И меня это не удивляет. С вас-то что взять? Кроме ипотеки и двух детей... Ах да, я же совсем забыл, что о детях вы им не рассказываете, правда?

Барри отказывается реагировать на это.

– Вы расплачивались кредитной картой, мистер Мэйсон? – спрашивает Куинн.

– Я что, похож на идиота? – огрызается наш «гость». – Моя гребаная супружница обыскивает все карманы.

– То есть у вас нет доказательств, что вы действительно там были? –

снова вступаю в разговор я.

– Простите, но мне как-то в голову не приходило, что мне может понадобиться чертово алиби.

– А потом?

– Что потом?

– Понимаете, мне не очень верится, что вы провели там весь остаток дня, как какой-нибудь продинамленный тинейджер. Сколько вы ждали, прежде чем уйти?

Барри ерзает на стуле:

– Не знаю. Может, минут тридцать...

– И через полчаса вы ушли?

Поколебавшись, Мэйсон кивает.

– И сколько было времени?

– Около четырех. Может, четверть пятого.

– Так почему же вы после этого не поехали домой?

Барри сердито смотрит на меня:

– Да потому, что я уже позвонил Шэрон и сказал, что задержусь. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня запрягли в приготовления к этому гребаному вечеру. Понятно? Теперь удовлетворены? Я могу быть ленивым козлом, но не убийцей. А против козлов закона нет.

Я не тороплюсь:

– И что же вы делали? Куда направились?

– Немного покатался. – Он пожимает плечами.

Еще одна пауза. Мы с Гаретом поднимаемся, и Мэйсон смотрит на нас:

– Что, и это всё? Я могу идти домой?

– Да, вы можете идти домой. Хотя меня удивляет ваше желание туда попасть, принимая во внимание прием, который вас там ждет.

Барри делает гримасу:

– Это просто фигура речи. В этом чертовом городишке масса гостиниц, если вы еще не заметили.

– Кстати, не советую вам уезжать, не поставив нас в известность. Нам все еще надо выяснить, где вы были в тот вечер.

– Я же уже сказал, что не могу этого доказать.

– Камеры наружного наблюдения не лгут, мистер Мэйсон. И тест на ДНК – тоже.

Мне показалось или что-то при этих словах промелькнуло на лице Барри?

– Мне нужен адвокат. – Голос его звучит зловеще. – Мне положен адвокат.

– Вы можете встречаться с кем хотите. Но только не забудьте сказать, что вас никто не арестовывал.

У двери я задерживаюсь и поворачиваюсь к Мэйсону:

– Как вас называла Дейзи?

– Простите? – От неожиданности он моргает.

– Вопрос совсем простой – как вас называла Дейзи?

Я намеренно использую прошедшее время, чтобы посмотреть на его реакцию. Но он, кажется, не замечает этого.

– «Папочка». – Его ответ полон язвительности. – Может быть, иногда «папа». Простите, но там, откуда я родом, слово «отец» не используется. А какая, твою мать, разница?

– Может быть, и никакой, – улыбаюсь я. – Просто интересно.

На следующий день, в 10:35 утра, Эверетт вновь звонит в дверь дома Доусонов. Через окно ей виден кот, лежащий на спинке кресла в передней комнате и с подозрением изучающий ее сквозь листья герани. Дверь открывает усталый, но безупречно выглядящий мужчина с седеющими волосами.

– Слушаю вас, – говорит он, хмурясь; у него сильный ольстерский акцент. – Мы не покупаем у проходящих коммивояжеров.

Верити поднимает брови и свое удостоверение:

– Я тоже. Детектив-констебль Эверетт, Криминальный отдел Управления полиции долины Темзы. Я могу войти?

Мужчине хватает приличия покраснеть, и он делает шаг в сторону, чтобы пропустить ее. Констебль проходит по коридору в большую белопепельную кухню на нижнем этаже, где Элеонора Доусон разливает кофе.

– А, детектив! – радостно восклицает она. – Я и не знала, что вы вернетесь...

– Я и не собиралась, доктор Доусон. Я пришла, чтобы увидеть Порцию. Она дома?

Патрик Доусон смотрит на жену.

– Она наверху. А в чем дело? Я думала, она уже рассказала вам все, что знает.

– У меня появилось еще нескольких вопросов. Вы не могли бы ее позвать?

Несколько неловких моментов они в молчании ждут, пока появится Порция. В конце концов девочка спускается. Она насторожена.

– Мам, что ей надо? – спрашивает Порция, широко открыв глаза.

У нее тонкий, как у ребенка, голосок. Да она и *есть* ребенок.

Элеонора Доусон подходит к дочери и кладет руку ей на плечо.

– Тебе не о чем волноваться, милая. Я уверена, что это просто такой порядок.

Эверетт делает шаг к девочке.

– Я просто хотела еще раз расспросить тебя о том дне, когда исчезла Дейзи. Понимаешь, мой коллега просмотрел записи с камер у школьных ворот, и создается впечатление, что ты пошла вслед за Дейзи. Хотя это было тебе не по дороге. Это так?

Порция смотрит на мать.

– Я ничего не сделала, мамочка, – говорит она тоненьким голоском.

– Я знаю, милая. Просто ответь констеблю Эверетт, и все будет хорошо.

– Так ты шла вслед за Дейзи, Порция? – повторяет вопрос Верити.

Пауза, а потом кивок:

– Но недолго. А потом мне надо было возвращаться, чтобы мама отвела меня на математику.

– Здесь все абсолютно верно, констебль, – вмешивается Элеонора. – Урок начинался в четыре тридцать, и Порция должна была вернуться в четыре пятнадцать, чтобы мы не опоздали. Вы можете это проверить. Занятия были в Учебном центре Камон на Банбери-роуд.

Эверетт не отрывает глаз от Порции:

– И все-таки я не понимаю, зачем в тот день ты пошла за Дейзи?

– Просто хотела с ней поговорить.

– Потому что вы лучшие подруги? Ты так, кажется, говорила нам?

Видимо, девочка начинает понимать, к чему идет дело, потому что она просто смотрит. Глаза ее наполняются слезами.

– Понимаешь, Порция, – мягко продолжает сотрудница полиции, подходя ближе, – нам сказали, что ты рассорилась с Дейзи. И когда констебль Бакстер просматривал запись, сделанную за неделю до вечеринки, мы все увидели, насколько сильно вы поссорились, – ты ударила Дейзи, таскала ее за волосы и кричала на нее. Запись без звука, но понять тебя не так уж сложно. Ты говоришь, что ненавидишь ее и хочешь, чтобы она умерла.

Порция опускает голову, по ее щекам текут слезы.

– Она меня обидела. Сказала, что мой папа не верит, что я достаточно

умная, чтобы стать, как и он, доктором, а то, что я хорошо рисую, – это вообще ничто...

– *Милая*, – говорит Элеонора Доусон, протягивая руку и вытирая щеки дочери, – ты не должна верить всему, что говорит тебе Дейзи. Она вечно что-то выдумывает.

– Но я знаю, что это правда. – Ее дочь качает головой. – Она говорила совсем как папа – его голосом и вообще...

Миссис Доусон бросает гневный взгляд на мужа, а потом наклоняется к дочери и шепчет ей на ухо:

– Всё в порядке, милая. Никто не думает, что ты причинила вред Дейзи.

Но Порция продолжает качать головой:

– Ты ничего не *понимаешь*. Я сделала куклу вуду, как мы видели в музее, а потом тыкала ее булавками и мечтала о том, как она умрет, – так что я во всем виновата...

Патрик Доусон решительно встает между Эверетт и своей семьей:

– Мне кажется, офицер, этого достаточно. Вы видите, что расстраиваете мою дочь. Но вы ведь не можете думать, что она как-то связана со смертью ребенка. Ради бога! Это просто смешно – ей всего восемь лет.

Верити смотрит сначала на всхлипывающую девочку, а потом на ее отца.

– Мы еще не знаем наверняка, что Дейзи мертва, сэр. Вы, конечно, можете считать, что это всего лишь тривиальная ссора на игровой площадке, но дети относятся к подобным вещам очень серьезно. Как, например, ваша дочь. И вы сильно удивитесь, когда узнаете, на что способны дети, если их загнать в угол. Даже если им всего лишь восемь.

По дороге в участок мне приходится объезжать дорожные работы, и я вдруг понимаю, что нахожусь всего в пяти минутах от Порт-Мидоу. Я не уверен, как сюда попал, но сворачиваю на боковую дорогу, останавливаюсь возле Уолтон-Уэлл и выхожу из машины, чтобы немного пройтись. Прямо передо мной, за деревьями, виднеется старая деревня Бисни, за спиной у меня возвышаются башни города, а на севере, совсем далеко, виднеется коричневое пятно Вулверкута. Ближе всего, справа, видны крыши

«Усадьбы у канала», от двух окон в поселке отражаются солнечные лучи. На самой пустоши туман все еще держится в лощинах, а скот медленно движется по островкам травы, прядая ушами, чтобы отогнать невидимую мошкарку. А над всем этим раскинулось необъятное небо с розоватыми облаками. В детстве я очень любил облака. Знал все их названия: перистые, кучевые, «барашки»... Мы жили в таком дерьмовом пригороде, что я создавал целые картины из того, что было у меня над головой, – горы, замки с неприступными стенами, враждующие армии... Кажется, сейчас дети этим не занимаются. Вместо этого у них есть «Икс-бокс»^[50] и «Война кланов»^[51]. И не нужно никакого воображения. Я всегда надеялся, что смогу поделиться своими облаками с Джейком, но ему тоже нужен был «Икс-бокс». Как у его друзей. А может быть, он просто был еще мал?.. А потом, когда мы его потеряли, я приезжал сюда на прогулки, пытаюсь втоптать свое горе в здешнюю грязь. Час туда, час обратно. С одной и той же монотонной скоростью, день за днем, месяц за месяцем. В дождь, снег, лед, туман. Неожиданно я вспоминаю, что Шэрон Мэйсон бегала здесь. И может быть, я ее видел. И она могла мне улыбнуться. А дело, даже тогда, уже заваривалось...

Приехав в участок, я понимаю, чего мне стоил этот крюк. Нормального кофе мне уже не достается, и приходится прибегать к помощи кофеварки в коридоре. Я как раз стою возле нее и размышляю о том, который из предлагаемых напитков наименее вреден, когда в вертящуюся дверь врывается и летит ко мне Гислингхэм. Сразу понятно: что-то случилось.

– Шэрон, – произносит он, задыхаясь. – Она хочет вас видеть. Я посадил ее в комнату для допросов номер два.

– А в чем дело?

– Без понятия. – Он пожимает плечами. – Заявила, что будет говорить только с вами.

– А где Лео? Надеюсь, она не оставила его дома одного, среди всех этих стервятников?

– Не волнуйтесь, Лео с Мо Джонс в комнате ожидания.

– Что ж, отлично, это уже кое-что... Ты не можешь посидеть с ним, пока я разберусь с Шэрон?

– Я? А Мо на что?

– Поверь мне, это будет лучшее, что случится с тобой за сегодняшний день. Более того, вероятно, это будет первый раз, когда аудитория придет в восторг от всей твоей чуши собачьей по поводу футбола. Будь любезен, найди Куинна и пришли его ко мне.

Би-би-си Мидлендс. Сегодняшние новости
Пятница 22 июля 2016 г. | Последняя редакция 11:56

Дейзи Мэйсон: Полиция допрашивает родителей

Би-би-си стало известно, что в Управлении полиции долины Темзы в настоящий момент проходит допрос Барри и Шэрон Мэйсон, после того как они сделали свое эмоциональное обращение по телевизору относительно исчезновения своей дочери. Дейзи Мэйсон, восьми лет, последний раз видели на вечеринке в саду дома ее родителей во вторник вечером.

Би-би-си также стало известно, что полиция допросила друзей Дейзи и ее учителей в начальной школе Епископа Христофора, которую посещают пропавшая девочка и ее брат. Также были изъяты записи с камер наружного наблюдения за пределами школы. Любой, кто располагает информацией о Дейзи или видел ее в любое время во вторник, должен немедленно связаться со штабом Криминального отдела Управления полиции долины Темзы по телефону 018650966552.

Комната для допросов № 2 еще более убога, чем № 1, если такое вообще возможно. Хотя, глядя на лицо Шэрон Мэйсон, впору думать не об убожестве помещения, а о ярости, которая ее сейчас переполняет. Женщина с трудом сдерживает ее. Обычные брошенные жены нервно курят в коридоре.

Я выдвигаю стул. Она смотрит сначала на Куинна, потом на меня:

– Я же сказала, что хочу говорить с вами, а не с ним.

– Детектив-сержант Куинн находится здесь в соответствии с существующей процедурой, миссис Мэйсон. Это в ваших – так же как и в

наших – интересах.

Шэрон раздраженно ерзает на стуле, и я даю Гарету сигнал остаться возле двери.

– Итак, миссис Мэйсон, чем я могу вам помочь?

– Вы сказали, что мой муж пасся на каком-то сайте знакомств. И что в реальности он не встречался с этой женщиной... как там ее?

– Эми Кэчкарт. Нет, он с ней не встречался.

– Но она была не единственная?

– Мы все еще ждем полной информации от *FindMeAHotDate*...

Глаза у Шэрон как два кинжала, но меня это мало волнует.

– ...хотя похоже на то, что он пользуется этим сайтом уже многие месяцы, – продолжаю я. – На следующий день после исчезновения Дейзи он попытался удалить свой профиль.

Я хочу посмотреть, как Шэрон среагирует на это, но она думает о другом.

– Значит, все это время он встречался с женщинами, встречался с ними и... и... спал с ними?

– У меня нет доказательств этого, миссис Мэйсон. Но мне кажется, что мы вполне можем это предположить. И, вполне возможно, кто-то из них вскоре объявится. Тогда мы узнаем больше.

У Шэрон такое красное лицо, что я почти ощущаю жар, которым пышет ее тело.

– А как она выглядит, эта Эми Кэчкарт?

Должен признаться, что такой вопрос сбивает меня с толку. Но потом, еще до того, как женщина успевает его закончить, я понимаю, почему она спрашивает. И поворачиваюсь к Куинну:

– Я не видел ее фото. А вы, сержант?

Гарет сразу же подхватывает:

– Только то, что в профиле, сэр. Блондинка. Скорее худая, но фигуристая, если вы меня понимаете. Надо признать – очень миленькая.

Шэрон изо всех сил пытается сдерживать себя. От этих усилий ее плечи начинают дрожать.

– Я вам кое-что принесла, – говорит она наконец. – Две вещи.

Женщина опускает руку вниз и ставит на стол пакет из «Моррисонз»^[52]. То, что лежит внутри, поблескивает в тусклом свете. Синим и зеленым. Цвета частично смешиваются, как чешуя на рыбьем хвосте...

Я чувствую, как мое сердце подпрыгивает.

– Где вы нашли это, миссис Мэйсон?

– В его шкафу. Когда паковала его барахло, чтобы он мог убраться из дома. Костюм был спрятан под грязным тренировочным.

Сначала я слышу, как втягивает воздух Куинн, потом до меня доносится звук открывающейся двери, и через несколько мгновений Гарет появляется в комнате уже в латексных перчатках. Он берет этот пакет и аккуратно помещает его содержимое в другой, прозрачный пакет для вещественных улик.

– Вы понимаете, что нам теперь придется взять у вас ДНК на анализ, миссис Мэйсон? – продолжаю я.

– Зачем? – взбрыкивает Шэрон. – Что я такого сделала? Вы не меня должны...

– Это только для того, – успокаивающе заявляю я, – чтобы иметь возможность исключить вас из круга подозреваемых. Вы же были не в перчатках, когда нашли этот костюм в шкафу?

Какое-то время женщина колеблется, затем отрицательно качает головой:

– Нет.

– Тогда ваша ДНК неизбежно на нем появится. А мы должны исключить ее из нашего расследования.

Не думаю, чтобы это раньше приходило ей в голову, но сейчас уже слишком поздно.

– Что еще? – спрашиваю я.

Шэрон молчит, и я повторяю вопрос:

– Миссис Мэйсон? Вы говорили о двух вещах.

– Ах да... Вот. Это я тоже нашла в шкафу. – Она открывает свою поддельную сумку и достает из нее лист бумаги. Формата А4, сложенный пополам, как поздравительная открытка. Он слегка запачкан в тех местах, где помялся и где его потом вновь разгладили. Женщина толкает лист по столу в мою сторону, и я вижу, что это действительно поздравление с днем рождения. Дейзи сама сделала его для своего отца. На внешней стороне она написала слова – так, чтобы те выглядели как граница вокруг изображения торта со свечой. Такая тонкая работа должна была занять у восьмилетнего ребенка много часов. Я вижу ее перед глазами – ребенка, живого и смеющегося, – яснее, чем когда-либо. И больше, чем когда-либо, уверен, что она мертва.

С
Днем
Рож

дения
Па
почка

Ты самый лучший папочка на свете. Всегда смотришь за мной и лучше всех целуешь ушибленные места. Мне так весело, когда я плаваю у тебя на коленях в бассейне. Когда я вырасту и стану богатой, я куплю тебе все твои любимые вещи.

Меня начинает слегка подташнивать. Колени, плавание – всему этому может быть вполне невинное объяснение. Но если б это было так, Шэрон не сидела бы сейчас передо мной. Я поднимаю голову, встречаюсь глазами с ее взглядом, и он мне совсем не нравится. Я знаю, что с ней плохо поступили, но, видит бог, эта женщина не вызывает у меня никакого сочувствия.

– Переверните страницу, – велит она.

И я это делаю.

Внутренности листа топорщатся от наклеенных картинок. Большинство – цветные, одна или две из газет. Любимые вещи ее папы. Рыба с картошкой и гороховым пюре. Банка пива. Культурист с гантелями в руках. Спортивная машина. Но все это блекнет перед тем, что находится в самой середине, и не только из-за размера. Это изображение пары грудей с красными сосками гигантских размеров. Вырезанная фотография сделана с близкого расстояния, поэтому грудь выглядит отделенной от остального тела, почти как анатомическое пособие. Хотя во впечатлении, которое она производит, нет ничего академического.

– Должно быть, она вырезала это из одного из его грязных журнальчиков, – говорит Шэрон.

Первая мысль, которая у меня возникает: если это так, то что еще она могла там увидеть? Перед глазами встает жуткая картина – умная, смышленная маленькая девочка внимательно изучает каждую омерзительную страницу, выискивая то, что нравится ее «папочке».

– Когда у вашего мужа день рождения? – В горле у меня пересохло.

Опять пауза.

– Второго апреля, – отвечает мать Дейзи.

– И вы тогда этого не видели? Когда она дарила ему открытку?

Женщина щурит глаза:

– Нет, конечно, не видела. Вы за кого меня принимаете? Это был их

маленький секрет. Вы что, не понимаете?

– Я все понимаю, миссис Мэйсон, – говорю я и отталкиваю стул. – Спасибо за то, что вы принесли все это нам. Я могу попросить вас немного задержаться – на тот случай, если появятся новые вопросы? Сержант Куинн принесет вам чай.

– Мне ваш чай не нужен. Я уже говорила, он мне не нравится.

– Тогда, может быть, что-нибудь прохладительное? – интересуется Гарет. – Диетическую колу, например?

Шэрон бросает на него уничтожающий взгляд:

– Минеральную воду.

Выйдя в коридор, я тяжело прислоняюсь к стене.

– С вами всё в порядке, босс? – спрашивает Куинн.

– Я знал, что этот парень – урод, но, боже всемогущий!..

– А вы ищите во всем хоть что-то положительное – может быть, это даст нам возможность получить ордер на доступ к его компьютеру. Если этого недостаточно для ареста.

Но я не так уверен в успехе:

– Думаю, что для этого нам понадобится нечто большее, чем поздравительная открытка... Впрочем, за спрос деньги не берут. Будем надеяться, что у мирового судьи окажется восьмилетняя дочка.

– Отлично. Согласен.

Куинн уже собирается идти, когда я останавливаю его:

– Послушайте, если Мэйсон поехал из Уитни прямо домой, а не «немного покатался», как он утверждает, сколько, по-вашему, у него это должно было занять времени?

– В это время суток, – задумывается мой коллега, – полчаса, максимум минут сорок.

– То есть вполне вероятно, что он попал в дом как раз в то время, когда Шэрон там не было?

– Наверное... – Куинн хмурится. – Правда, времени на то, чтобы убить девочку, избавиться от тела и исчезнуть до возвращения жены, у него оставалось бы не так уж много.

– А что, если все было не так? Что, если Шэрон вернулась и застала их вместе – увидела, как он реально делает что-то с девочкой? Начинается невообразимый скандал, и в какой-то момент Дейзи убивают. Случайно или в ярости – результат один и тот же.

– То есть убить ее в действительности мог любой из них?

– По этому сценарию – да.

– Но от тела избавлялся Барри?

– Так мне кажется. – Я киваю. – Не могу себе представить, чтобы это сделала Шэрон. А вы? По крайней мере, не в этих ее гребаных туфлях.

– Тогда все должно было произойти между пятью тридцатью, когда Мэйсон появился в доме, и... примерно шестью?

– Шесть тридцать – самое позднее, потому что к тому времени они ждали гостей. Вопрос – куда Барри мог уехать, чтобы успеть вовремя вернуться? Он где-то должен был закопать тело или спрятать его так, что его пока никто не нашел. Не забывайте: он – строитель. У него собственные объекты, и он знает все другие площадки в округе – наверняка пытался их заполучить. Незавершенные стройки с незакрытыми фундаментами, которые ждут, чтобы их залили...

Куинн все еще обдумывает эти новые вводные.

– Но если вы правы, то почему они просто не сообщили, что девочку похитили по пути из школы? К чему вся эта постановка с вечеринкой?

– Просто они допускали, что кто-то вечером не видел Дейзи на участке возле дома. Это сейчас мы знаем, что так и было. Но ни один из Мэйсонов этого не знал – она могла заговорить с соседом, остановиться погладить собаку...

– Но ведь это невероятная удача, что никто не заметил, что девочки нет в самом начале вечеринки. Они здорово рисковали.

– А убийство – это всегда риск, – сухо замечаю я. – Особенно когда оно не спланировано заранее. А какой выбор у них был?

– Но тогда почему она сейчас его сливает? Их было бы гораздо труднее расколоть, если б они придерживались одной и той же версии. Это должно быть понятно даже Шэрон Мэйсон.

– Думаю, что за это нам надо благодарить Эми Кэчкарт. Она оказалась последней соломинкой^[53]. Поставьте себя на место Шэрон – она лгала направо, отмазывая Барри, и вдруг выясняет, что он долгие месяцы обманывал ее... Так что сейчас для нее на первом месте – месть. Я думаю, она не соображает, какой опасности подвергает себя.

– Так что, будем ее арестовывать?

– Не можем. По крайней мере, пока. Все это наши догадки. Давайте бросим ей спасательный круг, якобы свалив все на Барри. Могу поспорить, что она еще наделает ошибок.

– Я свяжусь с поисковыми командами на предмет каких-либо мест, которые мы могли пропустить в радиусе часа езды от дома. Хотя с машиной и в такое время суток... территория должна быть громадной.

– Знаю. Но деваться нам некуда. После того как закончите с этим, пусть все через час соберутся в штабе.

– А вы куда?
– Поговорю с Лео. Если кто-то и знает, что в тот день произошло, так это он.

В комнате ожидания Гислингхэм счастлив, как поросенок, нашедший грязь. Правда, надо отметить, что Лео, кажется, тоже наслаждается жизнью – когда я открываю дверь, они вдвоем просматривают голы победного сезона 2015 года на мобильнике констебля.

– Нет, ты видел этот пас? – взволнованно вопрошает Крис, а из мобильного доносятся едва слышные крики восторга. – В той игре Фабрегас был просто неподражаем... – Он поднимает глаза и видит меня. – Прошу прощения, не заметил, как вы вошли, босс.

– Как дела, Лео? – Я выдвигаю стул и сажусь. – Констебль не давал тебе скучать?

Мальчик краснеет и опускает глаза. Потом кивает.

– Покажешь мне этот гол, который вы сейчас смотрели? – прошу я.

Лео подходит и становится рядом со мной. Ему нужно всего мгновение, чтобы вновь запустить видео, и мы опять наслаждаемся голом. Пас, скидка назад, пас.

– А ты помнишь, – небрежно спрашиваю я, – как ты был здесь в последний раз и рассказывал о том, что происходило в день исчезновения Дейзи?

Мальчик снова кивает. Большие пальцы его рук летают по экрану. У Лео явно способность к такого рода вещам – мне, чтобы научиться, понадобились недели. И то в конце концов телефон настроил для меня Джейк. Улыбнулся и вернул мне его с таким видом, как будто спрашивал: «И почему вы, предки, такие беспомощные?» Я не возражаю, когда меня называют беспомощным в отношении телефонов, – мне просто не хотелось бы быть беспомощным в действительно важных делах.

Я глубоко вздыхаю:

– Тогда ты сказал, что, вернувшись домой, поднялся к себе в комнату. А ты папу тогда видел?

– Нет, он вернулся позже. – Мальчик искоса смотрит на меня.

– А если б он вдруг вернулся раньше – ты бы знал об этом? Ты бы точно услышал, если б кто-нибудь вошел в дом?

Ребенок пожимает плечами.

– А ты слышал, когда ушла твоя мама?

– У меня на голове были наушники. – Лео качает головой.

– Но ты уверен, что Дейзи была у себя в комнате?

В помещении жарко, и мальчик непроизвольно поддергивает рукава.

– Играла музыка.

– Тогда еще раз, чтобы я был уверен, что все правильно понял, – все время до вечеринки ты был в своей комнате с наушниками на голове? И не слышал ни как выходила мама, ни как кто-то входил, ни каких-то других громких шумов?

– Я был зол на Дейзи. Она убежала.

– Да, я помню... Ну хорошо, Лео, я еще раз оставлю тебя ненадолго с констеблем Гислингхэмом. Мама сейчас нам кое с чем помогает, поэтому может пройти какое-то время, пока она придет к тебе. Ты не против того, чтобы побыть здесь еще немного?

Сомневаюсь, что младший Мэйсон меня вообще слышит – он уже рассматривает следующий гол.

Крис выходит вслед за мной и прикрывает за собой дверь.

– Босс, – говорит он приглушенным голосом, – я наблюдаю за ним вот уже полчаса и должен сказать вам, что не уверен, что с ним всё в порядке. Знаете, мне кажется, что у него аутизм или нечто в этом роде.

– Не думаю, – медленно отвечаю я. – Но я с тобой согласен. Судя по тому, что я сейчас видел, происходит что-то очень нехорошее.

В школе Епископа Христофора в конце семестра в коридорах звенит от пустоты. Пара учителей все еще здесь – приводят всё в порядок и снимают плакаты, готовясь к сентябрю, – но в остальном здание абсолютно пусто. В тыльной части здания, в кабинете коменданта, Эндрю Бакстер установил шумный вентилятор и сейчас сидит перед экраном компьютера, все еще просматривая записи, сделанные у школьных ворот. Его рубашка прилипла к спинке стула, и жена уже дважды присылала ему вопрос о том, когда он собирается появиться дома. Но он продолжает уговаривать себя: ну еще немножко, еще один файл, еще один... И его усердие действительно вознаграждается. Эндрю резко подается вперед. Повторное воспроизведение... Еще раз... Он берет свой мобильный и набирает номер:

– Босс? Я в школе. Думаю, вам стоит на это посмотреть. Такое впечатление, что приоритеты опять меняются по ходу игры.

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 14.06

Только что видел новости и хочу сказать всем придуркам – вы все не правы. Даже гребаная полиция теперь подозревает предков. #ДейзиМэйсон

Аннабель Уайт @TherealAnnabelWyte 14.08

Добавьте ♣ на ваш аватар, чтобы продемонстрировать вашу поддержку и готовность бороться с троллями #ЦепьДейзи #НайтиДейзи

Аманда Мэй @BuskinforBritain 14.09

Не могу в это поверить – кто-то сейчас сказал, что отец #Дейзи Мэйсон ухлестывал за молодыми девчонками в Сети? Это правда? #ЧувствующаяОтвращение

МтиН @nuckleduster198914.10

Это дерьмо #Мэйсоны заслуживают сгнить в тюрьме – полагаю они оба замазаны – он развращал + мамаша прикрывала #ИспытывающийТошноту

Мики Ф @TheGameBlader 66614.11

@Nuckleduster1989 Надеюсь они заболеют раком и умрут страшной & мучительной смертью #Мэйсоны

Анон Анон @Rottweiller_198214.11

@Nuckleduster1989 @TheGameBlader666 Тюрьма для них слишком хороша – за то, что они сделали они

должны гореть в аду.

#ДейзиМэйсон #виновны

Мики Ф @TheGameBlader66614.14

@Rottweiller_1982 @Nuckleduster1989 Может быть им стоит помочь. Полиция такое дерьмо что никогда ничё не докажет

Бит Пит @dontgivemethatshit 14.15

Тот кто убьет этих ублюдков сделает миру одолжение – штоб они сдохли

@TheGameBlader666 @Rottweiller_1982 @Nuckleduster1989

Анон Анон @Rottweiller_198214.15

Ведь не сложно узнать где они живут???

@TheGameBlader666 @don'tgivemethatshit
@Nuckle-duster1989

Новости социальных медиа Соединенного Королевства @UKSocialMediaNews 14.15

Так кто, по-вашему, виновен? Барри Мэйсон или Шэрон Мэйсон? Пишите в «Твиттер» и присоединяйтесь к голосованию #ДейзиМэйсон

Эмма Джемма @TiredandEmotional 14.15

♣♣♣♣♣♣♣♣#ЦепьДейзи #НайтиДейзи

Эллери Б @InTheKookoosNest 14.16

@UKSocialMediaNews Думаю это мать – похожа на абсолютно, абсолютно хладнокровную суку #ДейзиМэйсон

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 14.16

Хотелось бы верить, что Мэйсоны невиновны, но как? Достаточно было один раз увидеть их на экране #ДейзиМэйсон ♣

Мики Ф @TheGameBlader66614.17

Этой мрази Мэйсонам убийство может сойти с рук
Кто-то должен их навестить

Эллери Б @InTheKookoosNest 14.18

Полиция должна использовать детектор лжи готова спорить провалят #вруны #ДейзиМэйсон

Линда Нил @Losingmyreligion 14.18

Честное слово, не знаю как они еще живут в мире с собой #ДейзиМэйсон

Анжела Беттертон @AngelaGBetterton 14.19

@Losingmyreligion Вы *так* не правы – милая нормальная семья – я их знаю, а вы нет. #ДейзиМэйсон ♣

Дженни Доу @VictoriaSandwich 14.20

Готова спорить тело никогда не найдут. Все будет так же, как и с остальными пропавшими детьми. #ДейзиМэйсон #Покойсясмиром ♣♣♣

Себ Кейнс @CastingAspersions 14.20

@UKSocialMediaNews Я тоже думаю, что убила мать – взгляните на телеобращение #ДейзиМэйсон

Эллери Б @InTheKookoosNest 14.21

Вот впрсы я б здл 1) Как незванный гость мог

проникнуть в ваш сад полный лдей? #ДейзиМэйсон

Эллери Б @InTheKookoosNest 14.22

2) И вы, полиция, теперь спрашиваете о том, что случилось до вечеринки? #DaisyMason

Линда Нил @Losingmyreligion 14.24

Мои глаза меня не обманывают? Полиция что, думает, что она была мертва до вечеринки? #ДейзиМэйсон #шокированная

Джени Доу @VictoriaSandwich 14.26

Думаю они виноваты вместе – папаша ее убил & мамаша его прикрывает. Опять доказывает, что никогда не знаешь, что происходит при закрытых дверях #ДейзиМэйсон

Бетани Грир @BonnieGirlie900914.29

Моя подружка говорит она уверена, что видела физиономию папаши на FindMeHotDate.com – сукин сын. #ДейзиМэйсон

Холли Гаррисон @HollieLollieops 14.32

О боже мой я только что поняла, что переписывалась с отцом этой бедной малышки #ДейзиМэйсон – он был на сайте знакомств под чужим именем...

Холли Гаррисон @HollieLollieops 14.35

...он удалил свой профиль, но я его загрузила – можно посмотреть здесь #обманщик #лгун #ДейзиМэйсон

Линда Нил @Losingmyreligion 14.37

Если отец может #обманывать тогда он, возможно может и убить – очевидно у него масса грязных секретов #Дейзи- Мэйсон

Новости ITV @ITVLiveandBreaking 14.55

СРОЧНО по поступающей информации отец #ДейзиМэйсон вел двойную жизнь под чужим именем и часто посещал сайты знакомств.

Новости ITV @ITVLiveandBreaking 14.56

Дальнейшая информация – по мере поступления.
#ДейзиМэйсон

Перед школой Христофора я паркуюсь и звоню в участок. Оказывается, мировой судья не хочет нам подыграть. Сначала он желает пообщаться с суперинтендантом, а так как того сегодня нет на месте, нам придется ждать до завтрашнего дня. Я ругаюсь. Сначала на Куинна, а потом, когда отключаюсь, на весь белый свет. А затем сижу несколько мгновений, прежде чем выключить двигатель. В нескольких ярдах от меня беседуют две женщины – они стоят возле одного из этих двухместных купе, «Ниссана Фигаро». У одной из женщин длинные темно-рыжие волосы, убранные в конский хвост, и сумка из мешковины, украшенная поверху цветами, а вторая стоит возле своего велосипеда. У ее выгоревших волос ярко-розовые кончики, в носу серьга, а одета она в брюки защитного цвета со множеством карманов. Неожиданно мне приходит в голову, что эта женщина – единственный живой человек, которого я увидел с того самого момента, как начал расследование. Все его фигуранты – какие-то пластиковые роботы; каждый волос и каждая травинка на своем месте. Я вылезаю из машины и запираю ее. И пока иду до двери, мне становится ясно, что эти двое говорят обо мне.

Когда я наконец нахожу кабинет коменданта, в нем вместе с Бакстером находится женщина. При виде меня она сразу же встает и идет навстречу с

протянутой рукой; видно, что напряжена и нервничает.

– Элисон Стивенс, директор школы. Констебль Бакстер попросил меня зайти и посмотреть на запись, которую он обнаружил, но я не уверена, что смогу вам помочь.

Я придвигаю стул и устраиваюсь рядом с Эндрю.

– Что у вас?

– Качество не очень хорошее, – замечает он. – Она без звука и черно-белая, но это все-таки лучше, чем ничего. Первая запись сделана в начале апреля. После пасхальных каникул. Перерыв на ланч, двенадцатое апреля.

На изображении видны закрытые ворота и мелкаячеистая сетка по обеим сторонам от них. Дети, бегающие по площадке, то появляются в кадре, то исчезают из него. Подпрыгивают мячи, две девочки играют в невероятно сложные игры в ладоши, еще три прыгают через скакалку... А потом я вижу ее. Дейзи. Она одна, но, кажется, отсутствие компании ее совсем не волнует. Она наклоняется, чтобы посмотреть на что-то на листке дерева, а потом следит, как это что-то взлетает и исчезает из вида. Наверное, бабочка. Странно видеть ее вот так – девочку, о которой я непрерывно думаю с момента ее исчезновения и о которой все еще так мало знаю. Она наверняка не предполагала, что кто-то будет смотреть эту запись. Может быть, она вообще не догадывалась о существовании камеры. Я чувствую себя так, как будто проник в ее личное пространство, и неожиданно понимаю, что именно это и делают все педофилы. Мысли не очень хорошие.

А потом на тротуаре через дорогу появляется фигура. Ему где-то лет четырнадцать-пятнадцать. Высокий, со светлыми волосами. Он подходит к воротам и подзывает Дейзи. Очевидно, что она заинтригована, но проявляет осторожность и остается стоять в футе от ворот. Какое-то время они разговаривают – или скорее он говорит, а она слушает, – а потом, видимо, звенит звонок, потому что дети двигаются в сторону школьных дверей, а подросток исчезает из виду, оставляя Дейзи смотрящей ему вслед.

– Следующая запись сделана через пару дней, – поясняет Бакстер. – Практически все то же самое, за исключением одной вещи – на этот раз, кажется, Дейзи говорит гораздо охотнее. Потом идет запись от девятнадцатого апреля. В двенадцать ноль пять на записи минут на пять появляется разъездной фургон, который блокирует вид, а потом он отъезжает – и вот что мы наблюдаем.

Дейзи стоит на тротуаре в одиночестве. Она постоянно оглядывается – по-видимому, чтобы убедиться, что преподаватели на площадке не заметили, как она вышла за ворота. Через несколько мгновений появляется

подросток. Кажется, что девочка действительно рада его видеть. Они обмениваются несколькими фразами, при этом мальчик оглядывается через плечо, вроде как на кого-то, кто стоит вне поля зрения камеры. А потом они оба медленно идут в сторону этого невидимого компаньона.

Я поворачиваюсь к Элисон Стивенс.

– Хочу сразу предупредить, – быстро говорит она, – то, что вы сейчас видели, никак не соответствует нашим существующим правилам. Учителя на игровой площадке обязаны следить за всеми входящими и не должны позволять детям выходить за ворота...

– Сейчас меня мало интересует то, что должно или не должно было происходить. Самое главное – вы знаете этого подростка? – спрашиваю я.

– Хотела бы я ответить «да»... – Директриса сглатывает. – Я пришла в школу Китса лишь в прошлом году, а он к тому времени должен был уже уйти от нас. Я только что послала его фото директорам местных средних школ, но никаких ответов от них пока не получила. Боюсь, что некоторые из них уже разъехались на каникулы.

– Бакстер, какое время было на камере, когда Дейзи в тот день вернулась в школу?

– Девятнадцатого? Она появляется на записи где-то без пяти час. Звенит звонок, и Дейзи смешивается с другими детьми, которые возвращаются в школу. Учителя ничего не замечают. После этого есть еще одна запись. Вы сказали проверить все перемены и перерывы на ланч, но я решил на всякий случай проверить и то время, когда они расходились по домам.

Эндрю запускает следующий файл, и на записи появляется все тот же угол улицы. Тот, да не тот, потому что ясно видно, что наступает лето. На жимолости уже появились цветы, а трава сочного зеленого цвета. Мне эта сцена напоминает ту серию «Коломбо»^[54], где герой раскрывает преступление, заметив, что на одной записи с камеры наружного наблюдения – подстриженный кустарник, а на другой, снятой в тот же день, но чуть позже, – нет. Если б все было так просто!

Надпись на экране гласит: «9 мая, 15:39». В объективе появляется Дейзи, беседующая с Нанкси Чен. Потом к ним подходит мама Нанкси, и они начинают что-то обсуждать.

– Похоже, миссис Чен должна была после школы забрать обеих девочек, но Дейзи ее отговорила, – замечает Бакстер, в то время как на экране мать Нанкси уводит дочь, оглянувшись один раз на Дейзи, прежде чем подойти к машине.

– Придется проверить это у миссис Чен, – замечаю я.

– Без проблем.

Запись продолжается, и спустя три минуты Дейзи внезапно настораживается. Она видит что-то или кого-то вне поля зрения камеры.

– Если это подросток, то создается впечатление, что на этот раз он нарочно избегает камеры, – говорит Эндрю. – То ли только что догадался о ее существовании...

– ...то ли у него появилась причина быть осторожнее, – подхватываю я и вижу волнение на лице Элисон Стивенс.

– Нет, этого не может быть, – говорит она. – Ведь ему не больше пятнадцати.

На записи Дейзи смотрит по сторонам, а потом перебегает дорогу. Бакстер останавливает запись за мгновение до того, как она исчезает из вида.

– Вот и все, что я нашел, – говорит он, откидываясь на спинку стула и глядя на меня. – Но разве Эверетт не говорила, что после своей секретной встречи Дейзи здорово расстроилась?

– Речь шла о том, что она здорово разозлилась.

– Здесь она совсем не выглядит разозленной.

– Нет, – соглашаюсь я, – не выглядит. Прокрутите немного вперед, только на медленной скорости.

И снова мы, все трое, молча смотрим на экран. Матери и сыновья. Матери с дочерьми. Даже какой-то странный старик, который смотрится здесь совсем чужаком. Один мужчина виляет на велосипеде с прицепленным к нему матерчатым трейлером, в котором сидят двое малышей, а еще один ребенок следует за ним на трехколеске.

– Вы что, проводите здесь конкурс на умение управлять велосипедом? – с подозрением интересуюсь я.

Элисон смущенно моргает:

– Дети еще слишком малы...

– Я имею в виду – не для детей, а для их отцов.

Мимо проезжает несколько машин. Большой внедорожник, семейный автомобиль и даже «Порше». А еще один старенький «Форд Эскорт». У него помятый бампер и разбитая задняя фара. Из багажника свисает старая грязная тряпка, которая – нарочно или нет – почти полностью закрывает регистрационный номер машины. Невозможно определить, кто сидит за рулем, а вот сидящего на заднем сиденье видно очень хорошо.

– Остановите-ка... вот здесь! – команду я.

Даже на таком расстоянии никаких сомнений нет.

Это Дейзи.

25 мая 2016 года, 11:16

55 дней до исчезновения

Начальная школа Епископа Христофора, Оксфорд

– Прошу вас, тишина в классе. Все усаживаемся и внимательно слушаем. Табита, Томми, можете пройти к своим партам? Отлично.

Кейт Мадиган улыбается своим ученикам и, убедившись, что они внимательно ее слушают, поворачивается к доске и пишет на ней крупными буквами: «ДРУЗЬЯ». Затем закрывает фломастер колпачком и вновь поворачивается к детям.

– Сейчас мы немного поговорим с вами о дружбе. Обсудим, что такое хороший друг, как стать хорошим другом, и много других вопросов. Например, что делать, если вы поссорились с другом и хотите помириться... Итак, кто первый скажет – что такое хороший друг?

Поднимается рука. Это мальчик с первой парты с вьющимися каштановыми волосами и толстыми линзами очков.

– Слушаю, Джонни. Кого, по-твоему, можно назвать другом? – спрашивает учительница.

– Того, кто дает играть своими игрушками, – негромко говорит мальчик.

– Правильно. Очень хорошее начало. – Кейт подбадривающе кивает. – Тот, кто дает свои игрушки. Потому что очень важно уметь делиться, так? Мы об этом уже говорили. И когда хочешь завести друзей, делиться тоже необходимо. Еще какие идеи?

Маленькая девочка с широкой цветной повязкой на волосах поднимает руку.

– Слушаю, Меган, что ты думаешь?

– Друг внимателен к тебе, когда ты грустишь.

– Очень хорошо, Меган. Это очень важно, не так ли? Если вы настоящий друг, то стараетесь развеселить своего друга, когда тот несчастлив.

Девочка застенчиво кивает и засовывает палец в рот.

– Кто-нибудь еще? – обводит детей взглядом Мадиган.

Из-за парты встает Дейзи. Один из мальчиков на последней парте корчит гримасу и бормочет: «Училкина любимица...»

– Я думаю, – говорит она, – что друг – это тот, кто помогает тебе в

трудностях и кому ты можешь рассказать свои секреты.

– Просто отлично, Дейзи, – улыбается Кейт. – А у тебя есть такой друг?

Глаза девочки сияют. Она рьяно кивает и садится.

Позже, на игровой площадке, Порция и Нанкси сидят на скамейке, а Дейзи прыгает в классики. Милли Коннор ошивается неподалеку, отчаянно желая присоединиться к ним, но девочки притворяются, что не замечают ее. Возле решетки старшие ребята играют в футбол, а совсем маленький мальчик с рыжими волосами дергает за рукав дежурную учительницу и приговаривает: «Смотрите! Смотрите! У меня зуб выпал».

Сидя на скамейке, Нанкси что-то пишет в телефоне, а Порция наблюдает за Дейзи.

– А вот то, что ты сказала мисс Мадиган насчет твоего друга... – начинает Доусон. – Ты что имела в виду?

Дейзи доходит до конца решетки, поворачивается и прижимает палец к губам.

– Это секрет, – говорит она.

Чен равнодушно смотрит на нее:

– Ты *всегда* так говоришь.

– То есть ты говорила не обо мне и не о Нанкси? – настаивает Порция.

– Может быть, и так, – отвечает Мэйсон, избегая встречаться с подружкой взглядом. – Не скажу.

– Я вообще не понимаю, для чего нам в классе надо говорить о таких глупостях, – с раздражением заявляет Доусон.

– Это называется «Основы полового воспитания», – заявляет Нанкси, не отрывая от экрана глаз. – Мне Ма сказала. Ей пришлось где-то там расписаться, что она согласна.

– А что значит «половое»? – спрашивает Милли, подходя ближе. Остальные просто смотрят на нее, а Чен закатывает глаза.

– Знаешь, – говорит Дейзи таким тоном, словно объясняется с идиотом, – это когда мальчик засовывает тебе туда свою штуку и из нее что-то выливается.

Милли в ужасе открывает рот:

– Что? Прямо в трусики?.. Б-р-р-р, даже звучит отвратительно!

– Так все взрослые делают. Предполагается, что это приятно.

Нанкси на мгновение прекращает писать и поднимает глаза:

– Здесь я согласна с Милли. Мне тоже кажется, что это звучит отвратительно. В любом случае откуда ты так много об этом знаешь?

Дейзи бросает свой камешек на решетку классиков и следит, как он катится до самой ее середины, прежде чем возобновить игру.

– Просто знаю, – говорит она.

В полвторого ночи я прекращаю бесполезные попытки уснуть и встаю. Почувствовав колебание матраса, Алекс что-то бормочет во сне и поворачивается. В это время года небо никогда не бывает совершенно черным. Я выхожу на лестничную площадку и прохожу в комнату Джейка. Темно-синяя тишина звенит у меня в ушах. Окно слегка приоткрыто, и вымпел на стене чуть заметно шевелится на сквозняке. Я подхожу к окну, чтобы закрыть его, и вижу соседскую кошку, крадущуюся в траве. Джейк любил эту кошку. Он все время выпрашивал у нас котенка, но я всегда говорил ему: «Нет». И это только одна из множества вещей, о которых я сейчас сожалею.

В его комнате ничего не изменилось, ничего не сдвинуто с места. В конце концов нам придется это сделать, но пока ни один из нас к этому не готов. Раз в неделю к нам приходит уборщица, но эту комнату Алекс убирает сама. И делает это, когда меня нет дома. Не хочет, чтобы я видел, как осторожно она возвращает все предметы именно на те места, на которых они стояли раньше. Я сажусь на кровать и начинаю думать о Лео и о том, что нам необходимо переговорить с его врачом. Потому что если уже даже я замечаю, что с мальчиком что-то не так, то его доктор наверняка об этом знает. Я ложусь на кровать и медленно погружаюсь лицом в подушку. Она все еще пахнет Джейком, но запах становится все слабее, и на мгновение меня охватывает паника, что очень скоро он тоже исчезнет.

– Адам! Адам!

Я рывком сажусь, и кажется, сердце готово выскочить у меня из груди.

Рядом стоит Алекс. Я не представляю, как долго спал, но на улице все еще темно.

– Звонят, – говорит жена замогильным голосом и протягивает мне мой мобильный. – И судя по тому, что сейчас два часа ночи, я сомневаюсь, что тебе торопятся сообщить хорошие новости, а ты?

Я спускаю ноги с кровати. На экране написано, что звонит Гислингхэм.

– Что случилось?

В трубке стоит невообразимый шум. Слышны звуки по крайней мере двух сирен.

– Я в доме! – кричит констебль, пытаюсь перекрыть нестихающий грохот.

– Нам что, выдали ордер?

– Послушайте, мне кажется, вам лучше приехать!

Все напоминает сцену из гребаной «Ребекки»^[55]. Уже с окружной дороги я вижу зарево над поселком, а дымом пахнет задолго до того, как я приближаюсь к месту. У дома стоят три патрульные и две пожарные машины, а также «Скорая помощь». Пара пожарных на телескопической лестнице заливают пламя в окнах верхнего этажа. На красных кирпичных стенах то тут, то там видна отвратительная черная сажа. Когда я подхожу, Гислингхэм отделяется от толпы и приближается ко мне.

– Что, твою мать, здесь происходит?! – спрашиваю я.

– Похоже на поджог. Воняет бензином. Вечером здесь собралась небольшая группа смутьянов, которые выкрикивали угрозы и производили массу шума, но появился полицейский и разобрался с ними. Один паршивец швырнул кирпич, но он стоял слишком далеко и не причинил никакого вреда. Пожарный, с которым я говорил, считает, что тот, кто это сделал, подобрался со стороны бечевника и перебросил через ограду какой-то самодельный «коктейль Молотова».

– А где Шэрон и мальчик? С ними всё в порядке? – Этот вопрос я должен был задать в первую очередь. Я сам это знаю.

Крис утвердительно кивает:

– С ними Эверетт. Они немного не в себе. Особенно мальчик. Он здорово наглотался дыма.

Перевожу взгляд на патрульную машину. Пассажирская дверь открыта, и я вижу Шэрон в накинутах на плечи одеяле. Лео нигде не видно.

– Нам чертовски повезло, что больше никто не пострадал. Одни соседи отсутствуют, а другие выбежали на улицу, когда Шэрон забарабанила им в дверь. Естественно, что журналюги просто в восторге. Съемочная группа «Скай» ночью дежурила в своем фургоне. Они до сих пор не могут поверить в свою удачу – им удалось заснять все, от начала и до конца.

– Только скажи, что снимать они начали *после того*, как позвонили по девять-девять-девять!

– Они говорят, что это сделала сама Шэрон.

– Ладно. Мне нужен их отснятый материал. *До того*, как они покажут его в эфире. И найди здесь главного пожарного. Я хочу встретиться с ним утром – как только работы в доме закончатся.

Бросаю взгляд на писак, которых кордон полицейских отодвинул подальше, но те давят на него, как рвущиеся в атаку собаки. Сейчас здесь, должно быть, не менее полудюжины выездных съемочных бригад, примчавшихся сюда, как акулы на запах крови.

– За это супер точно оторвет мне голову. А проклятая КРЖП^[56], уверен, добавит, – бормочу я.

– Но вы же не могли знать, что это случится, босс.

– Нет, но я мог сообразить перевезти семью сразу же после того, как мы закончили допросы. Уверен, что именно на это будет давить помощник главного констебля. Ну что ж, придется сделать это сейчас... Есть какие-нибудь идеи по этому поводу?

– Есть один пансион на Коули-роуд, которым мы уже раньше пользовались. Мне кажется, что лучше всего будет увезти их куда-нибудь подальше. На тот случай, если кто-то из негодяев все еще бродит неподалеку. Подождем, пока парамедики^[57] осмотрят мальчика, а потом Эверетт их заберет. Шэрон вообще никакая, да и в любом случае ее машина сгорела дотла – она была в гараже.

– Отличная работа.

Кажется, что Гислингхэм не очень рад.

– Я серьезно. Ты отлично справился, – уверяю я его.

– Дело не в этом, босс. Я хотел оставить это до утра, но коль уж вы здесь...

– Еще какие-то гадости? – Я глубоко вздыхаю. – Не представляю, что может быть хуже этого, но давай, вперед...

– Помните тот телефон с предоплаченным тарифом, который Мэйсон использовал для переписки со своими пассиями? Мы его пробили. Он зарегистрирован в базе данных Центра защиты детей от сексуальной эксплуатации и насилия как один из номеров, на который скачивали материал с одного из азербайджанских порносайтов. Это жесткое порно, босс. Дети, а в некоторых случаях вообще младенцы.

Крис с трудом сглатывает, и я вспоминаю: он ждет своего первенца. Протянув руку, слегка касаюсь его предплечья:

– Думаю, что Барри Мэйсону пора озаботиться поисками адвоката. Тот, твою мать, ему наверняка понадобится.

Когда я иду к полицейской машине, навстречу мне выходит Эверетт:
– Я проверила. В пансионе есть две свободные комнаты. Если вы дадите добро, то я попрошу патрульных забросить их туда, а сама захвачу из дома кое-какие вещи и тоже присоединюсь к ним. По крайней мере, дня на два.

– Неплохая мысль. Не могу себе представить, чтобы кто-то проследил их на таком расстоянии, но кто знает... В любом случае нам нельзя спускать глаз с Шэрон. И при этом нельзя светиться.

– Ясно, босс.

Верити поворачивается, чтобы идти, но я ее останавливаю. И достаю телефон.

– После того как разрешат врачи, можешь показать это Лео? Вдруг он его узнает...

Эверетт вопросительно смотрит на меня:

– Это то, что я думаю?

– Ты не ошиблась. Таинственный и прекрасный принц Дейзи. Я очень надеюсь, что в жизни мы не столкнемся с историей Красавицы и Чудовища.

И я рассказываю, что мы увидели на записи с камеры наружного наблюдения.

– Но если в последний раз она видела его девятого мая, – хмурится констебль, – то я не понимаю, как...

– Ты говоришь о последней известной нам встрече. Мы не можем быть на сто процентов уверены, что она не встречалась с ним в день своего исчезновения – он ведь мог даже войти в дом, пока Шэрон Мэйсон разыскивала свой майонез. Дейзи вполне могла впустить его. Более того, он

единственный из известных нам людей, с которым она могла пойти по собственному желанию.

– Хорошо. – Эверетт кивает. – Но, мне кажется, нам стоит подождать до утра. Сейчас Лео здорово убит всем произошедшим. Мы же не хотим, чтобы нас потом обвинили в том, что мы допрашивали ребенка, когда его состояние этого не позволяло. «Разумное сомнение»^[58] и все такое...

– Согласен. Я пришлю тебе фото по почте. Позвони мне утром.

Я смотрю, как Верити возвращается к машине. На переднем сиденье Шэрон открывает свою сумочку и рассматривает свое лицо в маленьком зеркальце.

Когда в 3:00 ночи Эверетт подъезжает к пансиону, в нем не видно никаких признаков жизни. В отличие от самой Коули-роуд, которая проходит всего в сотне ярдов и на которой не прекращается то, что официальные лица называют «ночной экономикой». Если отбросить в сторону его довольно потрепанный вид, пансион мало чем отличается от дома, в котором живут Доусоны, но все сходство ограничивается только архитектурой. Эта часть города всегда развивалась по своим законам, и застройщики, которые во времена королевы Виктории попытались превратить ее в некое прибыльное подобие роскошной северной части, быстро сообразили, что у них ничего не получится, и эксперимент сам собою сошел на нет. Некоторые из домов сохранились, и сейчас в них располагаются студенческие общежития, офисы или пансионы. Наподобие этого. На табличке, укрепленной над дверью, все еще можно прочитать название «Вилла Понсонби», но нынешний владелец – возможно, по чьему-то совету – поменял название на «Удобная гостиница».

Эверетт вылезает из машины и тщательно запирает ее (она лучше других знает об уровне преступности в этом районе), а затем открывает багажник и достает оттуда парусиновую сумку. Констебль собрала кое-какую одежду, которой может воспользоваться Шэрон, две зубные щетки и некоторые другие вещи первой необходимости. Этого должно хватить до утра, когда откроются магазины. Верити мысленно напоминает себе о том, что ей надо позвонить соседу и попросить его накормить Гектора, а потом волоком тащит тяжелую сумку по дорожке, ведущей к входной двери. Проходит добрых пять минут, пока не появляется владелец, в нижней

рубашке довольно отталкивающего вида и в заляпанных пижамных штанах, на которые Эверетт старается не смотреть. Наверху, в своей комнате, Шэрон сидит на кровати, все еще закутанная в одеяло, которое ей дали в машине «Скорой помощи». Под одеялом она одета лишь в ночную рубашку. Лео свернулся калачиком возле нее и время от времени покашливает. Лицо его вымазано в саже. Констебль начинает распаковывать сумку. Свитер, джинсы, пара маек с рукавами. Миссис Мэйсон с отвращением смотрит на все это:

– Я не ношу вещи других людей.

– Боюсь, что у вас не такой уж большой выбор, правда? – отвечает Верити, посмотрев на нее. – Здесь все абсолютно чистое. Прямо из стиральной машины.

– Все это мне велико по крайней мере на три размера. – Шэрон бьет дрожь. – Меня в этом и разглядеть-то невозможно.

Эверетт уже готова напомнить ей, что та должна благодарить Бога за то, что ее сейчас не разглядывают в гробу, но сдерживается, успокаивая себя тем, что женщина, по-видимому, все еще пребывает в шоке.

– Как я уже сказала, – повторяет она ровным голосом, – выбор у вас небольшой. Утром вы сможете выйти и что-то купить себе. В конце концов, вам ведь удалось спасти свою сумочку, правда? Большинство людей в вашей ситуации остаются вообще без кредитных карточек.

Шэрон пристально смотрит на констебля, а потом берет розовое полотенце, сложенное на кровати.

– Я, пожалуй, приму душ, – сообщает она.

Би-би-си Мидлендс. Сегодняшние новости

Суббота 23 июля 2016 г. | Последняя редакция 07:56

Дейзи Мэйсон: Пожар в доме родителей

Прошедшей ночью в дом Барри и Шэрон Мэйсон были вызваны пожарные, после того как здание, по их предположению, подожгли. Огонь быстро распространился и нанес недвижимости значительный урон, а жителей соседних домов пришлось эвакуировать.

С момента исчезновения их дочери на Мэйсонов направлена широко распространившаяся в «Твиттере» компания ненависти, которая набрала еще больше оборотов после того, как выяснилось, что Барри Мэйсон посещал под вымышленным именем сайты знакомств. В последнее время появились твитты, в которых высказывались конкретные угрозы в адрес Мэйсонов.

В заявлении, распространенном Криминальным отделом Управления полиции долины Темзы, детектив-инспектор Адам Фаули подтвердил, что полиция будет преследовать любого, кто попытается использовать социальные сети для насаждения ненависти или причинения ущерба, в полном соответствии с существующими законами: «Такое поведение есть одна из форм современного терроризма. Те, кто этим занимается, будут обнаружены и предстанут перед судом».

«Твиттер» разместил официальное заявление, в котором осудил проявления насилия и предложил полиции всяческую помощь в преследовании повинных в нем лиц.

Все, кто располагает какой-то информацией о Дейзи, должны связаться со штабом Криминального отдела Управления полиции долины Темзы по телефону 018650966552.

– Смотрите, куда ставите ноги. Верхний слой уже погас, но под ним в некоторых местах может продолжаться тление.

Воскресное утро, на часах 8:05, но я уже успел выпить слишком много кофе, что совершенно не избавляет меня от ощущения легкого бреда при виде того, что осталось от гостиной в доме Мэйсонов. Старший офицер пожарной службы медленно двигается в мою сторону по сгоревшему акриловому ковру. Основная его часть превратилась в отвратительно воняющее подобие гудрона, но есть и такие места, где можно увидеть голый бетонный пол. Пожарные все еще проливают внешние стены, по

которым текут потоки воды черного цвета, но внутри здания все внутренние перекрытия уже потушены. Большинство из них выполнены из гипсокартона, и в огне у них не было никаких шансов.

– Как видите, – говорю я, указывая на свои грубые ботинки, – мне это не впервой.

– Так чем же я могу вам помочь, инспектор?

– Полагаю, что версия поджога не вызывает сомнения?

– Ни малейшего. Наверху все еще стоит запах катализатора. Сейчас мы исследуем остатки стекла – если повезет, сможем найти фрагменты бутылки, в которую он был налит.

– А можно поточнее о том, как все началось?

Пожарный поворачивается и указывает на зияющий провал, бывший когда-то лестницей:

– Сейчас мы исходим из того, что некто забросил катализатор через заднее окно на втором этаже.

– В спальню дочери?

– Вам виднее – честно говоря, в том состоянии, в каком все здесь сейчас находится, определить очень сложно.

– И вы действительно считаете, что кто-то мог забросить бутылку с бечевника? Тут расстояние футов в тридцать – тридцать пять.

Пожарный обдумывает услышанное:

– Думаю, что это возможно, но для этого надо бросать с определенной высоты, так что поджигатель или взрослый, или очень дюжий подросток. Может быть, именно поэтому до цели долетела только одна бутылка – на заднем дворе есть пара почерневших кратеров в тех местах, где, очевидно, приземлились остальные. Сейчас мы собираем осколки стекла в доме и берем образцы на бечевнике, но если фортуна окажется не на нашей стороне и мы не сможем натолкнуться на отпечатки пальцев, боюсь, что установить виновных будет практически невозможно. Там, по тропинке за домом, ежедневно проходят сотни людей, так что годных следов нет.

Серьезный удар, хотя я и ожидал услышать нечто подобное.

– А почему огонь распространился с такой скоростью? Вы только посмотрите – здесь же ничего не осталось...

– Я уже думал над этим – ведь мы прибыли через восемь минут, но к этому времени все уже было охвачено пламенем. Возможно, это как-то связано с низким качеством строительства. Эти новомодные дома смотрятся красиво, но в них недостает надежности. Вот «викторианцы» по другую сторону канала – те будут гореть гораздо дольше.

– Вы сказали «возможно»?

– Ну, катализатор здесь точно не слишком помог. Тут все искусственное – вот и занялось как на Четвертое июля^[59]. Хотя я все равно не понимаю, почему все произошло так быстро.

– Ладно, – задумчиво говорю я. – Спасибо. Сообщите, если в голову придет что-то еще.

– Обязательно.

В саду на заднем дворе я вижу Алана Чаллоу. Он сидит рядом со своим открытым чемоданом, в котором лежит пачка прозрачных пакетов для вещественных улик. В них, насколько я могу видеть, какая-то одежда, в основном пальто и куртки, несколько разных ботинок и нечто похожее на вещевой мешок. Практически все почернело и обуглилось. Некоторые вещи трудно узнать.

– Ну что, нашел хоть что-нибудь? – интересуюсь я.

Алан выпрямляется, его бумажный комбинезон шуршит.

– Честно говоря, не так уж много, да и то лишь из того, что хранилось внизу. Может быть, что-то удастся выжать из обуви... но совсем немного, если принять во внимание то, насколько постарался огонь. Наверху не осталось вообще ничего. Если ты надеялся найти что-то в спальне девочки, то можешь забыть об этом. Она могла истечь там кровью, а я даже не заметил бы этого сейчас. Мы с тобой оба понимаем, что комнату разнесло на атомы. Так что следов не осталось.

– Мне надо было быть понастойчивее с этим ордером на обыск...

– Не кори себя. Ты сделал все, что мог, – теперь очередь супера жариться на медленном огне... – Криминалист замолкает. – Прости. Неудачная фраза.

Повисает тишина. Чаллоу качает головой и нагибается, чтобы достать из чемодана бутылку с водой. Делает глоток и корчит гримасу.

– Теплая...

– Что-нибудь еще?

– Пожарные вынесли компьютер отца, но, по-моему, жесткий диск накрылся.

– В любом случае захвати с собой. Надеюсь, что в телефоне мы найдем достаточно, но что-то может быть и в компьютере.

– И вот еще одна печальная вещь. – С этими словами Алан поднимает пакет. То, что в нем лежит, когда-то имело мех.

– Боже, Алан, что это, черт побери, такое? Домашний кролик?

– Похоже, что Мэйсонов домашние животные мало волновали, – сухо улыбается Чаллоу. – После них, по мнению нашей сверхаккуратной миссис М., остается слишком много грязи. Нет, этот мех явно искусственный. – Он

протягивает пакет мне. – Это маскарадный костюм льва. Сильно изорванный. Похоже, что молодого Лео не слишком привлекала идея маскарада.

У меня перед глазами появляется Лео. Он рассказывает, как мальчишки выбрали его своей жертвой из-за имени. И как они превратили имя в оружие против него. Неудивительно, что бедняга не хотел переодеваться в короля этих гребаных джунглей.

– А что насчет портфеля?

– Никаких следов.

– Проклятье!

– Но это не значит, что его там не было – он легко мог сгореть дотла, ведь он почти наверняка был из пластика. Или они могли от него избавиться. На это у них была почти целая неделя.

– Избавились от портфеля так же, как избавились от девочки...

Чаллоу делает еще один глоток воды.

– Похоже, тебе надо немного взбодриться. Есть *один* фрагмент твоей теории, который пережил пожар. Это пикап Мэйсона. Он припаркован за углом, на Уотервью-кресент. Я уже вызвал эвакуатор.

– И все это на виду у прессы... Чертовски мило.

– Боюсь, что выбора у меня не было. Эвакуатор скрыть трудно.

– Но ты представляешь себе, что произойдет, правда? Мы опять будем лить воду на мельницу всех этих безумцев.

– Но, может быть, этот урок не прошел для них даром? – Криминалист обводит рукой вокруг себя. – Вся эта свалка. Ведь кто-то мог погибнуть. Спасибо гребаному «Твиттеру».

– Урок? Не прошел даром? Я бы не рискнул на это поставить.

МтиН @Nuckleduster198909.09

Ржунимагу у кого-то хватило духа урить этих уродов #Мэйсоны – надеюсь они все передохли

Мики Ф @TheGameBlader66609.10

@Nuckleduster1989 Только что услышал в новостях – не могу поверить – уважуха тому кто решился

#Мэйсоны

Педо Хантер @Peedofiletracker 09.11

@Nuckleduster1989 @TheGameBlader666 ХАХАХА
– это надо было видеть – фантастика, твою мать!!!!

Педо Хантер @Peedofiletracker 09.12

@Nuckleduster1989 @TheGameBlader666 уже не
надеялся что займется и вдруг БАБАХ!!!! Это научит
педоублюдков

Мики Ф @TheGameBlader66609.17

@Peedofiletracker ♣♣♣♣ Хотел бы жить ближе –
присоединился бы! Надеюсь свиньи^[60] до тебя не
доберутся
@Nuckleduster1989

Педо Хантер @Peedofiletracker 09.19

@TheGameBlader666 Не бойсь свиньи здесь не
могут отличить жопу от пальца #придурки

Зои Хенли @ZenyatterRegatta 09.20

Насколько я понимаю папаша не было в доме когда
начался пожар только мать и сын #ДейзиМэйсон

Дж. Риддел @1234JimmyR1ddell 09.21

Если в деле #ДейзиМэйсон кто-то виновен, то это
мать. Корова с непроницаемым лицом – не удивительно
что папашка пошел на сторону.

Дж. Джонстон @JaneJohnstone455509.21

@1234JimmyR1ddell Довольно сексистский подход,

если позволите

Дж. Риддел @1234JimmyR1ddell 09.21

@JaneJohnstone4555 Может быть точка зрения и не популярная но все с кем я говорил уверены – виновата она #Мэйсоны

Новости социальных медиа Соединенного Королевства @UKSocialMediaNews 09:22

Наше голосование продолжается. 67 % проголосовавших думают, что виновна Шэрон Мэйсон, 33 % – что Барри. На настоящий момент проголосовали 23778 человек #ДейзиМэйсон

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 09.23

Кто-нибудь знает, как Лео Мэйсон? У меня сердце разрывается когда думаю о бедняжке. Попал как кур в оцип.

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 09.23

А теперь и дом потерял и все вещи к тому же #ДейзиМэйсон ♣

Анжела Беттертон @AngelaGBetterton 09.29

@LilianChamberlain Я вас понимаю. Но теперь семью перевезли – ночью я видела, как они уехали на полицейской машине.

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 09.29

@AngelaGBetterton Спасибо тебе, Господи, за это – мальчик единственный невиновный во всей этой трагедии #ДейзиМэйсон ♣♣

Кэтрин Форни @StarSignCapricorn 09.32

@LilianChamberlain Смешно, что вы об этом упомянули. Я читала о случае в США в котором мать приговорили за убийство маленькой дочери @AngelaGBetterton

Кэтрин Форни @StarSignCapricorn 09.33

...потом 10 лет спустя тест ДНК доказал что это не она. Все это время она прикрывала своего второго ребенка @LilianChamberlain @AngelaGBetterton

Кэтрин Форни @StarSignCapricorn 09.34

...Убийцей оказался 10 летний брат девочки. @LilianChamberlain @AngelaGBetterton #ДейзиМэйсон

В спальне на первом этаже «Удобной гостиницы» стоит и смотрит в окно Лео. Шэрон отправилась за покупками, а Эверетт, проклиная себя за то, что забыла книжку, вновь раскладывает пасьянс на четырех мастях в своем телефоне. Кто-то сказал ей, что шанс, что пасьянс сойдется, равен одному к тремстам. Это уже ее 176-я попытка. И ни одной успешной.

Время от времени она поглядывает на Лео, но за последние полчаса мальчик даже не пошевелился. По карнизу перед окном разгуливают два голубя. Время от времени они сталкиваются и громко хлопают крыльями.

– Я слышал, как они кричали, – говорит ребенок, водя пальцем по стеклу.

Верити сразу же настораживается:

– Прости, Лео, что ты сказал?

– Я слышал, как они кричали.

Констебль кладет телефон и подходит к окну. Она заставляет себя какое-то время стоять и смотреть на голубей, прежде чем задает вопрос:

– Кто кричал, Лео?

Мальчик все еще смотрит на птиц:

– Это было ночью.

- Когда именно?
 - Не знаю. – Ребенок пожимает плечами.
 - Кричала Дейзи?
 - Птицы, – отвечает Лео после долгой паузы.
 - Птицы?
 - В Порт-Мидоу. Там есть чайки. Я однажды ходил туда. Их там очень много. И они реально галдят.
- Верити опять начинает дышать:
- Понятно. Они и в темноте галдят?
 - Мне кажется, они очень несчастливы. – Лео кивает.
- Констебль хочет дотронуться до него, колеблется, а потом быстро нагибается и обнимает его за плечи.
- Мальчик утыкается ей в плечо и шепчет:
- Это я... Я во всем виноват.

Когда я возвращаюсь в участок, меня радует лишь одно – Барри Мэйсону сейчас гораздо хуже, чем мне. В том, что от него воняет, нет никакого сомнения, и я на минуту задумываюсь, где он провел предыдущую ночь. Но где бы это ни было, с туалетными принадлежностями там явно была напряженка. По контрасту с ним его адвокат выглядит как новый шестипенсовик. Чем-то она напоминает мне Анну Филлипс – высокая, в белой блузке, светло-серой юбке и туфлях-лодочках из матовой кожи. «Интересно, Мэйсон знал ее раньше или она просто вытянула короткую соломинку?» А то, что ей не повезло, совершенно очевидно. Она и понятия не имеет о том дерьме, которое вот-вот на нее выльется.

Куинн садится и кладет рядом с собой газету. Она случайно свернута таким образом, чтобы была видна фотография Барри, которого засовывают в полицейскую машину. Гарет придерживает дверь машины и давит одной рукой на голову Мэйсона. Классический образец унижающего поведения. Возможно, именно поэтому Барри выглядит таким взбешенным – не говоря уже о том, что он совсем не похож на несчастного отца, которого вы ожидали увидеть. Куинн же, напротив, выглядит просто прекрасно и кажется очень вежливым – скорее всего, из-за своего безукоризненного костюма и романтического вида, который он на себя напустил. Я замечаю,

что адвокатесса обращает на это внимание, и вижу, что мой коллега зафиксировал ее реакцию.

– Почему вы вновь пригласили моего клиента, инспектор? – начинает женщина, как только мы садимся. – Ваши действия сильно похожи на ничем не обоснованное преследование. Насколько я понимаю, мой клиент полностью сотрудничал с вами во время расследования, и у вас нет никаких оснований подозревать его в том, что он как-то связан с исчезновением своей дочери.

Барри Мэйсон сверлит меня взглядом:

– Если б вы хотя бы половину тех усилий, что тратите на *меня*, направили на поиски *ее*, то вы давно бы нашли Дейзи. Потому что она где-то рядом. Вы меня слышите? Она где-то там – одна, испугана и хочет увидеть маму с папой, а вы, тупоголовые бараны, все это время пытаетесь меня подставить... Я ее *отец*. Я люблю *ее*.

Я поворачиваюсь к адвокатессе:

– Если и когда мы решим произвести арест в связи с исчезновением Дейзи Мэйсон, мы это сделаем. Сейчас же меня интересуют ответы вашего клиента по совсем другому поводу. – Я включаю магнитофон. – Для протокола: на допросе присутствуют детектив-инспектор Адам Фаули, исполняющий обязанности детектива-сержанта Гарет Куинн, мисс Эмма Карвуд и мистер Барри Мэйсон.

Я распахиваю коричневую картонную папку, которая лежит передо мной, и достаю оттуда поздравительную открытку. Она открыта и лежит в прозрачном пластиковом пакете для улики. Сначала я демонстрирую ее переднюю обложку со словами, а потом переворачиваю открытку и оставляю ее на столе. Так как я не отрываю глаз от Эммы Карвуд, то замечаю, что на мгновение ее профессионализм исчезает и в глазах у нее появляется отвращение. Но лишь на мгновение.

– Вы это когда-нибудь видели, мистер Мэйсон?

– Откуда она у вас? – спрашивает Барри с подозрением.

– Для протокола: мной предъявлена поздравительная открытка, собственноручно сделанная Дейзи на день рождения отца. Она состоит из целого ряда вырезок из периодических изданий, наклеенных на бумагу. В ней же говорится о совместных занятиях отца и дочери. Включая плавание и то, что девочка описывает словами «плавание у него на коленях...».

– Вы, вашу мать, по-моему, надо мной издеваетесь...

– Когда она подарила вам эту открытку, мистер Мэйсон?

– На *день рождения*, умник, – отвечает Барри, скорчив рожу.

– Подобное отношение вам не поможет, мистер Мэйсон, –

вмешивается в разговор мисс Карвуд.

– На какой день рождения? – уточняю я. – В этом году? В прошлом?

– В этом.

– Значит, в апреле. Три месяца назад.

Барри молчит.

– Вот это изображение, – тут я указываю на груди. – Где девочка его нашла, в каком-то журнале для взрослых? Вы что, разбрасываете такие журналы там, где на них может наткнуться восьмилетний ребенок?

Барри долго смотрит на меня, а потом берет открытку и внимательно рассматривает ее через пластик.

– Думаю, вы легко определите, – говорит он наконец, – что это картинка из «Санди спорт»^[61]. Это, конечно, не Библия, но и порнухой это назвать нельзя. Обыкновенный гребаный бульварный листок. В нем и речи не идет о порнографии.

– Правда? – Я откладываю открытку в сторону и достаю еще один лист бумаги, который кладу прямо перед ним. – Вы можете подтвердить, что этот номер телефона использовался вами для связи с женщинами, с которыми вы знакомились на сайте знакомств, – номер, о котором ваша жена ничего не знала?

Мэйсон смотрит на номер:

– Похоже. И что? Я не так часто им пользовался.

– Однако вы пользовались им шестнадцатого апреля сего года. Этот номер зарегистрирован в базе данных Центра защиты детей от сексуальной эксплуатации и насилия как номер, с которого выходили на азербайджанский сайт, содержащий несколько тысяч детских фотографий. И вот тут мы, мистер Мэйсон, говорим именно о порнографии. Порнографии в ее самом отвратительном и незаконном виде.

Барри смотрит на меня, открыв рот.

– Это все ложь – я никогда и близко не приближался ни к чему подобному. Я не по детям, твою мать! Это омерзительно, это извращение...

– Барри Мэйсон, я арестовываю вас по подозрению в незаконном обладании непристойными изображениями детей, на основании параграфа сто шестьдесят закона об уголовном правосудии от тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Вы не обязаны говорить что-либо, однако это может повредить вашей защите, если вы не упомянете при допросе то, на что впоследствии собираетесь сослаться в суде. Все, что вы скажете, может быть использовано как доказательство. Я требую, чтобы вы предоставили в наше распоряжение упомянутый телефон, с тем чтобы его могли исследовать эксперты-криминалисты...

– Ну я прямо сейчас вам скажу, что ни хрена вы в нем не найдете, – огрызается отец Дейзи. – Я вообще никогда не пользовался этой гребаной камерой...

– Теперь вас отведут в КПЗ^[62]. Допрос прекращен в одиннадцать семнадцать.

Мы с Куинном встаем и направляемся к выходу.

– Это же Шэрон, да? – В голосе арестованного слышится паника. – Это она дала вам проклятую открытку?.. Наверняка она. От треклятого дома же больше ни черта не осталось – и все благодаря вам... – Мэйсон бьет кулаком по столу. – Разве вы не должны защищать нас от подобных психов? Разве это не ваша *работа*?

– Вы можете быть уверены, что КРЖП тщательно разберется в происшедшем.

– Вы что, не понимаете, что она делает? Она пытается меня подставить. Узнала об этом гребаном сайте, и у нее снесло крышу...

– Вы хотите сказать, что порнографию на ваш телефон тоже скачала она?

Барри открывает рот – и вновь закрывает его.

– Это, по-видимому, должно означать «нет»? – Я вновь поворачиваюсь, но он еще не закончил:

– Я не шучу – у этой женщины проблемы с головой. Шарики за ролики заехали. Я сейчас не только о ее характере. Она ревнует меня к собственной дочери – вы такое можете себе представить? Это же противоестественно, вот что я вам скажу!

Все дело в том, что я готов в это поверить. И довольно легко. Я чувствую на себе взгляд Куинна, и понимаю, почему он на меня смотрит. Мужик пересказывает нам наш собственный сценарий. Но только без своего участия.

– Вы это все к чему, мистер Мэйсон? – спрашиваю я ровным голосом.

– Я это к тому, что если кто-то и убил Дейзи, то это она, а не я. Я хочу сказать, что это ведь не первый раз, разве нет?

Он смотрит на наши с Гаретом пустые и непонимающие лица.

– Вы же уже *знаете* про нее, да?

– Мой босс шкуру с меня спустит, если узнает, что я передал вам это.

Разговор с Полом Битоном, который сидит перед модулем с экранами в тесном вагончике «Скай ньюс», происходит час спустя. Рядом с ним стоит исполняющий обязанности детектива-сержанта Гарет Куинн.

– Уверен, что вы давно живете на свете, – говорит он, – и знаете, что лучшая политика – это сотрудничество с полицией. Особенно при расследовании убийства.

– Так речь теперь уже об убийстве? – Битон смотрит на него. – Но ведь тела, кажется, нет?

– Нет. Но нам оно и не нужно – это необязательно. Я вам ничего не говорил, но сейчас это только вопрос времени.

– А есть какой-то шанс узнать об этом заранее – до того, как выйдет официальное заявление? В качестве награды за помощь и сотрудничество?

– Давайте сначала посмотрим, что у вас есть, – улыбается Куинн.

Пол начинает что-то печатать на клавиатуре.

– Что-то подсказывает мне, что вы не будете разочарованы.

На экране появляется изображение. Видно, что съемка ведется ручной камерой – изображение отчаянно прыгает, прежде чем остановиться на доме Мэйсонов. Время внизу экрана – 1:47 ночи.

– Меня разбудил громкий хлопок, – рассказывает Битон. – Не успев натянуть штаны, я уже схватил в руки камеру. Вот что значит десять лет такой работы и три командировки на Ближний Восток...

– И не говорите, – поддакивает Гарет, который никогда не уезжал дальше Магалуфа^[63].

В 1:49 дверь дома распаивается, и на пороге появляется Шэрон Мэйсон. На ней белое кружевное negligé, а в руках она держит свою сумочку. Женщина смотрит по сторонам, моргает и слегка качается, а потом нетвердой походкой идет по гравию в сторону соседнего дома и несколько раз звонит во входную дверь. Дверь открывают лишь в 1:52.

– В этот момент я все еще не мог сообразить, что же произошло. Как видите, она вызывает соседей, и только потом в первый раз появляется пламя.

Объектив отклоняется вверх, чтобы показать языки огня, пробивающиеся сквозь крышу. Затем камера вновь двигается – пол, ноги оператора, дверь вагончика, а после этого неожиданный поворот в сторону дома. В проеме входной двери исчезает мужчина в пижамных брюках. Шэрон Мэйсон сидит на стене, опустив голову между коленями. С ней две девочки и женщина. Оператор что-то говорит Шэрон, но звук слишком приглушен, чтобы можно было разобрать слова.

– Я как раз спрашиваю у нее, звонила ли она по девять-девять-девять.

Объектив снова поворачивается в сторону открытой входной двери в дом Мэйсонов. Затем он поднимается слегка вверх, туда, где за окнами второго этажа видно оранжевое зарево. Занавески на окнах уже полыхают.

– А где Лео? Где, твою мать, ее ребенок?! – Куинн подается вперед.

– Теперь, когда вы это спросили, мне тоже интересно. Смотрите.

На экране вновь входная дверь, из которой как раз выходит сосед – он подталкивает перед собой Лео. Оба они покрыты сажей, и стоит им отойти всего на несколько ярдов, как лопаются окна на первом этаже и на подъездную дорожку сыплется каскад искр и осколков стекла. Мужчину и мальчика бросает на землю. Время на экране – 2:05.

– Спасибо, приятель. – Гарет встает.

– Так вы позвоните? Предупредите меня, когда надумаете проводить арест? Я просто хочу сказать, что если мы сообщим об этом заранее – это будет настоящая бомба.

– Не волнуйтесь. Вы узнаете об этом первым.

Выйдя на улицу, полицейский достает телефон.

– Гислингхэм? Это Куинн. Можешь попросить кого-нибудь выяснить, когда поступил звонок на девять-девять-девять? А заодно проверить, не было ли перед этим еще звонков – может быть, кто-то еще пытался дозвониться?.. Спасибо, приятель.

На другом конце линии Гислингхэм кладет телефон и вновь поворачивается к компьютеру. Джанет уже плешь ему прогрызла по поводу того, что он работает по выходным, но, хотя какая-то его часть хочет оказаться дома, он ощущает себя в первую очередь полицейским, а уже потом ждущим прибавления в семье отцом, а это одно из тех расследований, которое не отпускает. И не потому, что в нем замешан ребенок, а из-за своей запутанности. Наверное, неправильно говорить, что это головоломка – ведь речь идет о пропавшей маленькой девочке, – но это именно так. И именно поэтому Крис сейчас здесь, именно поэтому он с утра сидит в комнате без кондиционера и пытается разыскать машину, в которой Дейзи видели перед школой, по ее номеру. Джанет он сказал, что все это займет минут десять, максимум полчаса – сколько в городе может быть «Фордов Эскорт»? – но список кажется бесконечным, так как известны только две буквы номера и неизвестен цвет машины.

Однако внезапно он заканчивается. Потому что машина найдена – это модель 2001 года, цвета «красный тореадор», и зарегистрирован автомобиль по адресу в Восточном Оксфорде. Гислингхэм вскакивает и победно взмахивает рукой, но потом резко садится. Поворачивается к компьютеру на соседнем столе, входит в Национальную базу данных полиции и вводит имя.

– Черт, – вырывается у него. – Черт, черт, черт!

– И как так, черт возьми, получилось, что мы об этом ничего не знаем? Я в офисе, стою за плечом Анны Филлипс и не свожу глаз с экрана ее компьютера. Она поднимает на меня глаза.

– Честно говоря, это пришлось очень долго раскапывать – газетные архивы выложены в Сеть, но все файлы в формате PDF. Так что стандартный поиск никогда и ничего не дал бы.

– Но у нас же есть и другие способы, помимо этого гребаного «Гугла»...

Дверь открывается, и в помещение входит Брайан Гоу, который выглядит немного разгневанным и очень сильно возмущенным оттого, что его вытащили в офис в выходной день.

– Что у вас здесь такого важного, что мне пришлось пропустить «Оливера Кромвеля» в Дидкоте^[64]?

Я удивленно приподнимаю бровь:

– А ты что, уже успел вступить в Общество запечатанного узла^[65]?

Брайан бросает на меня испепеляющий взгляд:

– Это локомотив, мещанин ты несчастный. По британскому стандарту – седьмого класса, если быть абсолютно точным. Один из последних локомотивов на паровой тяге, которые остались у Британской железной дороги.

– В детстве я никогда не мечтал стать машинистом, – пожимаю я плечами и показываю на экран: – В любом случае это гораздо важнее.

«Вечернее эхо Крайдона»

3 августа 1991 года

ТРАГЕДИЯ НАСТИГАЕТ СЕМЬЮ НА

ОТДЫХЕ

Семья из Крайдона завтра утром возвращается с Лансарота^[66] после трагедии, случившейся на отдыхе, который они должны были запомнить на всю жизнь.

Джеральд Уили, 52 лет, и его жена Сэди, 46 лет, вылетели на отдых неделю назад в сопровождении двух дочерей – Шэрон, 14 лет, и Джессики, 2 лет. Мистер Уили недавно был уволен после тридцати лет работы на Лондонской подземке и решил истратить все свое денежное вознаграждение на отпуск, который его семья должна была запомнить на всю жизнь.

Семейство наслаждалось вечеринкой на берегу океана, организованной администрацией отеля, в котором они остановились, и в этот момент произошла катастрофа. Свидетели сообщают, что погода была хорошая и море казалось спокойным. Джессика и ее сестра играли на небольшой надувной лодке, и в 4 часа пополудни сотрудники отеля вдруг поняли, что девочки исчезли. Сам мистер Уили увидел лодочку на некотором расстоянии от берега и поднял тревогу. Сотрудники отеля немедленно вызвали помощь, а мистер Уили попытался самостоятельно доплыть до девочек. Несколько отдыхающих попытались ему помочь...

(Продолжение следует)

...Но к тому времени, когда до девочек добрались, лодка сдулась и обе они находились в воде.

Парамедики попытались сделать им искусственное дыхание, но были вынуждены объявить о смерти Джессики Уили. Мистер Уили, который страдает от ишемической болезни сердца, был доставлен в местную больницу. Шэрон Уили, ученице школы в Колборне, была оказана первая медицинская помощь.

Полин Побер, 42 лет, жительница Уокингема, оказалась свидетельницей всего произошедшего.

– У меня просто разрывается сердце. Мы наслаждались вечеринкой – дети мило проводили время, и все получали удовольствие. Джессика была очень красивой и счастливой малышкой – настоящим сокровищем своих родителей. Все это так ужасно!.. Я

всем сердцем с бедняжкой Шэрон. Когда ее доставили на берег, она совсем обезумела.

Местные жители подтвердили, что приливы на этом участке пляжа могут быть коварными. С 1989 года там уже утонули три человека.

Вчера мистер Уили сказал:

– Мы с женой опустошены. Джесси нам подарил Господь Бог. Без нее наша жизнь пуста – мы никогда не сможем этого пережить.

– Ну и, – интересуюсь я, – что ты думаешь по этому поводу?

Брайан снимает очки и протирает их мятым платком. По обеим сторонам его переносицы видны яркие красные следы.

– Ты хочешь знать, считаю ли я, что это действительно был несчастный случай?

– Можем начать с этого.

– Продолжать тут практически не о чем...

– Знаю. Но чисто теоретически – что все это может означать?

– Ну если мы будем рассматривать то, что *это может означать*, а не *реальный* психоэмоциональный профиль...

– Отлично. Большого мне сейчас не надо.

– Тогда я сказал бы, что, даже если Шэрон не имеет никакого отношения к смерти Джессики, вполне возможно, что какая-то ее часть – осознанно или нет – хотела, чтобы это произошло. Проще говоря, хотела посчитаться. Когда родилась ее сестра, Шэрон было двенадцать, и, судя по возрасту ее родителей, беременность для всех оказалась сюрпризом. Трудно сказать, когда начал смешиваться коктейль из деструктивных элементов, который мог внезапно вспыхнуть. Шэрон только что вступила в пубертатный период – и вот неожиданно она сталкивается с реальностью половой жизни своих родителей. И та ей кажется *беспардонной* – так, кажется, выражаются нынешние молодые люди? Добавь сюда то, что она совершенно неожиданно лишается своего статуса «единственного ребенка в семье», после того как двенадцать лет пребывала в уверенности, что именно так устроен этот мир. «Когда они сказали, что он их единственный сын, он подумал, что это так».

– Он? – Я полностью теряю нить разговора.

– Прости, это песенка из семидесятых^[67], – криво улыбается Брайан. – Она попала мне в викторине на прошлой неделе. Ну ты помнишь... О мальчике, которому приходится смириться с тем, что у него внезапно

появляется сестренка. Это всегда непросто, каким бы уравновешенным ни был ребенок и какими бы тонкими и мудрыми ни были родители. Но только в случае с Шэрон все выглядит так, будто вся родительская любовь была перенесена на нового младенца, а сама Шэрон внезапно обнаружила, что оказалась на совсем не привлекательном втором месте. – Консультант трясет головой, а потом очками указывает на экран. – Полагаю, что они так и не смогли простить Шэрон, что она выжила. Могли даже открыто заявить ей, что она во всем виновата. А если и нет – если это действительно был несчастный случай, – то более дерьмовую ситуацию трудно себе представить.

– Это что, научный термин?

– Он помогает, когда имеешь дело с невежами.

Вижу, как Анна прячет улыбку.

– Ладно, – говорю я. – А теперь давай перескочим через двадцать пять лет. Что же, всё по новой?

– Скорее всего, если судить по тому, что я наблюдал при допросе Шэрон. Это опять-таки не так много, но достаточно, чтобы понять, что она женщина, не уверенная в себе, но в то же время тщеславная и почти наверняка невероятно ревнивая во всем, что касается ее мужа-гуляки. И, принимая во внимание все это, мы можем сказать, что Дейзи для нее вновь превратилась в Джессику. Но только в гораздо худшем варианте. Потому что теперь Шэрон борется не за внимание своих родителей, а за внимание своего супруга, человека, у которого *она* должна быть на первом месте. Или так, по крайней мере, она это видит. Все осложняется еще и тем, что более молодая разлучница – результат *ее собственной* вины. Шэрон произвела этого ребенка на свет, наверное, как всякая мать, шла на массу жертв – и вот что она теперь за все это получает. Вся та обида, которую она чувствовала по отношению к Джессике, теперь переходит в полном объеме на Дейзи, только во много раз усиленная. А то, что ей пришлось подавить и глубоко запрятать свои чувства после смерти Джессики, превращает нынешнюю ситуацию в полный кошмар.

– Значит, ты думаешь, что она способна убить собственную дочь?

– Теоретически. – Брайан кивает. – Если получит достаточно сильный толчок. Если, например, застанет Дейзи и своего мужа в ситуации, которая будет хотя бы отдаленно напоминать о сексе, – тогда на ее глаза опустится красная пелена, и я не думаю, чтобы она в этом случае стала винить мужа. У нее перед глазами будет только соперница.

Консультант откидывается в кресле.

– А еще следует помнить, что если Шэрон имела хоть какое-то

отношение к смерти своей сестры – даже если просто не смогла помочь ей, – то она уже давным-давно придумала для себя историю, которая позволяет переложить вину на всех остальных. На родителей, на прохожих, даже на саму Джессику. Ну а если она действительно что-то сделала с Дейзи, то сейчас придумывается такая же история. Во всем будет виноват ее муж или даже сама дочь. Как в учебнике – «отрицание виновности, глубоко укоренившееся в сознании». Ты не сможешь заставить ее признаться, что она имеет к этому какое-то отношение, не разрушив полностью ту психологическую оборону, которую Шэрон возводила многие годы. И не пытайся убедить себя, что это будет легко. Готов поспорить, что эта женщина никогда не просит прощения, даже по совершенно пустяковым случаям.

– Эта женщина, Полин Побер, – поворачиваюсь я к Анне. – Мы можем ее разыскать?

– Можно попробовать. Имя необычное, а Уокингем – городишко небольшой.

– Что насчет родителей – они еще живы?

– Я проверила. Джеральд Уили умер в две тысячи четырнадцатом году от сердечного приступа. Сэди – в доме для престарелых в Каршалтоне; похоже, что у нее последняя степень Альцгеймера. Так что, полагаю, Шэрон – единственная из живущих...

– Это многое объясняет.

– Всю эту историю? – Девушка поворачивается ко мне.

– И не только. Фотографию тоже.

«Семья Уили в лучшие времена» – гласит подпись под фото. На нем изображены Джеральд с сидящей у него на коленях Джессикой и Сэди, положившая ему руку на плечо. Джессика одета в белое платье с поясом, а ее волосы уложены в длинные вьющиеся локоны, перетянутые лентами. Она зловеще похожа на Дейзи Мэйсон, какой я видел ее на фотографиях. Что же касается Шэрон, то я едва узнаю ее. Полный, некрасивый ребенок, который стоит в самом углу фотографии, как будто ее с помощью «Фотошопа» поместили в собственную жизнь. Волосы мышинного цвета свисают неопрятными прядями; кажется, что лент на нее не хватило. «Интересно, – думаю я, – как ей жилось в доме родителей после смерти Джессики?»

И впервые испытываю к ней жалость.

Когда я поднимаю глаза, они оба стоят передо мной. Куинн и Гислингхэм. Вместе.

Я перевожу взгляд с одного на другого и даже не пытаюсь скрыть свое удивление:

– Что происходит? Вы что, объявляете о прекращении огня? А с ООН мы уже связались?

Крису хватается такта прикинуться дурачком:

– Не совсем так, босс. Все дело в телефоне Мэйсона. Криминалисты подтвердили, что в нем есть непристойные изображения. Если точнее, то видео, и оно действительно жесткое. Они были глубоко запрятаны в карте памяти, но они есть.

– Значит, он лгал, – откидываюсь я в кресле.

– И это еще не всё, – замечает Куинн. – Насчет машины – той, в которой видели Дейзи... Мы знаем, кому она принадлежит.

Пауза.

– Азиму Рахия.

День сегодня жаркий, но мне неожиданно становится холодно.

– Твою мать, только не...

– Младшему брату Ясира Рахия, – Гарет кивает, – и кузену Санни Рахия.

Больше можно ничего не говорить. Ясир и Санни Рахия были вдохновителями группы особо опасных сексуальных извращенцев, целью которых были белые девочки из неблагополучных семей, живущие в Восточном Оксфорде. Полиции пришлось потратить непозволительно много времени, прежде чем она вышла на них. Вел это дело не я, но у всех у нас остались шрамы – мы все ощущаем нашу вину.

– Азиму только семнадцать, – продолжает Куинн, – и ничто не говорит о том, что он принимал участие в подготовке девочек или в групповых изнасилованиях, но в создавшихся обстоятельствах...

Я опускаю голову на руки. А ведь я был уверен – абсолютно уверен, – что Дейзи убил кто-то из близких. Но что, если я ошибался? Что, если все это время она сидит в каком-нибудь грязном подвале на Коули-роуд и подвергается самым отвратительным...

– Но и это еще не все. – На этот раз голос подает Гислингхэм. – Только что звонила Эверетт. Сказала, что, как вы и велели, показала Лео фотографию юноши с камеры наружного наблюдения. Он не знает его имени. И еще он сказал, что никогда не видел его с Дейзи...

– Наверное, было слишком нахально с моей стороны надеяться, что он видел его раньше, – вздыхаю я.

– Но в этом-то все и дело – он таки *видел* его раньше. Однако не с Дейзи, а с Барри.

Я тупо смотрю на Криса:

– Ничего не понимаю. Какой вообще смысл может быть в связи...

Но у Гислингхэма времени на обдумывание было больше, чем у меня:

– Смысл-то как раз может быть, босс. Я все время спрашиваю себя: что происходит с деньгами Мэйсона? Он кидает людей направо и налево. Сдирает с них тысячи фунтов за работу, которую не выполняет, и в то же время все говорят, что у них проблемы с деньгами. Но ведь все эти деньги должны куда-то деваться... И ведь платить он просит налом, потому что, насколько я вижу, на его счету в банке никогда нет достаточно денег, если подумать о том, какой объем работ он выполняет.

– Азартные игры? Наркотики?

Крис качает головой.

– Никакого подтверждения этому. А вот то, что он скачал детское порно с сайта, – *подтверждено*. А такое хобби – вещь дорогая. И чем *незаконнее*, тем дороже.

– То есть ты думаешь, что речь идет не только о просмотре видео? Что он платит за секс с детьми – с несовершеннолетними девочками вроде тех, которых подвергали надругательствам Рахия?

– Как я уже сказал, в этом весь смысл. – Гислингхэм пожимает плечами.

– А этот подросток с записи – с которым его видел Лео – посредник между Барри и группой педофилов?

Тут в разговор вмешивается Куинн:

– Тот факт, что большинство из них в тюрьме, необязательно значит, что нам удалось полностью прикрыть лавочку. И Азим мог продолжить с того самого момента, на котором остановились его брат и кузен.

– Тогда о чем этот юнец мог разговаривать с Дейзи?

Мои коллеги смотрят друг на друга.

– Может быть, Мэйсон должен им деньги? – предполагает наконец Гислингхэм. – И теперь они используют Дейзи, чтобы надавить на него? И, угрожая ей, как бы предупреждают его, что будет в случае, если он не поторопится...

– Что ж, будем надеяться. Потому что альтернатива настолько страшна, что я не могу о ней думать. Никаких здоровых объяснений заинтересованности юнца его возраста в таком ребенке, как Дейзи, просто не существует. Особенно если речь идет о подростке, который водит дружбу с педофилами.

Но, еще не успев закончить фразы, я вспоминаю, что говорили подружки Дейзи: она была зла после встречи с этим мальчишкой. Не расстроена, не смущена, а именно зла. Но это только то, что они сами сказали, – наверняка мне это не известно. И это единственная причина, по которой банде Рахия удавалось так долго скрываться от правосудия: люди вроде меня предпочитают видеть только то, что хотят видеть, и слышать то, что хотят слышать. Я не могу позволить нам совершить ту же ошибку.

– Ладно, вызывайте подкрепление и сообщите местным активистам и в пресс-бюро, чтобы они знали, что говорить, когда зазвонят телефоны. С супером я договорюсь. Уверен, что он будет просто в экстазе.

Поднимаюсь на ноги. Принимая во внимание состояние общественного мнения в Восточном Оксфорде, я никому не могу передоверить эту операцию.

12 мая 2016 г., 7:47

68 дней до исчезновения

Барж-клоуз, № 5

Кухня

Барри Мэйсон сидит за столом и завтракает, а Шэрон у окна загружает ломтики фруктов в соковыжималку. Лео и Дейзи уже в школьной форме, а розовый кардиган девочки перекинут через спинку ее стула.

– Думаю, нам надо устроить вечеринку, – говорит миссис Мэйсон. – В конце семестра.

– Вечеринку? Зачем? – Барри поднимает глаза от тарелки с хлопьями.

– Ну мы же не «обмывали» дом, а я знаю людей, которые хотели бы на него посмотреть.

По другую сторону стола мальчик поднимает взгляд, а девочка его опускает. Глава семейства вновь берется за ложку.

– А не слишком ли много работы потребуется?

Шэрон смотрит на мужа:

– Мы можем устроить барбекю. С салатом, сэндвичами и картошкой в мундире. Тебе почти ничего не придется делать.

Барри открывает рот, чтобы что-то сказать, и вновь закрывает его. Дети обмениваются взглядами, а их мать начинает резать фрукты,

прикладывая при этом гораздо больше усилий, чем это реально требуется.

– А что, если пойдет дождь? – спрашивает наконец старший Мэйсон. – В доме все не поместятся.

– Фиона Вебстер говорит, что мы можем взять их тент. И я уверена, что Оливер с удовольствием поможет тебе его поставить.

Барри пожимает плечами:

– Ладно, коли ты так уверена... А вы что думаете, дети?

– Для них это будет здорово, – замечает Шэрон. – Шанс встретиться с соседскими детьми, которые не ходят в школу Епископа Христофора. – Она поворачивается к соковыжималке и вновь включает ее. Смесь начинает вращаться и расплескивается, превращаясь в сопли зеленого цвета, которые медленно стекают по пластику, когда женщина вновь выключает прибор. – Ты когда сегодня вернешься?

– Могу задержаться, – поколебавшись, отвечает Барри. – У меня после обеда встреча на площадке в Гэлдфорде. Она может затянуться. А как у тебя дела, принцесса? – Он поворачивается к дочери. – Сегодня вам сообщат оценки за тест по английскому, так? Готов поспорить, что ты опять получишь высший балл. Ничего другое мою особенную девочку не удовлетворит.

Дейзи быстро улыбается отцу, прежде чем вернуться к хлопьям.

– Лео приняли в футбольную команду, – сообщает она.

– Неужели? А почему же ты молчишь, сын? – Барри поднимает брови.

– Пока только в запас. – Мальчик пожимает плечами.

Щеки его отца опускаются.

– Что ж, это только доказывает, что тебе надо больше стараться. Как я и говорил.

Шэрон все еще поглощена загадками соковыжималки, которая не хочет разбираться.

– Ладно. Тогда я оставлю тебе что-нибудь холодное, когда ты вернешься. Не забывай, в восемь у меня аэробика.

Барри широко улыбается Дейзи:

– Только не забудь принести тест домой, чтобы я мог посмотреть на результат. Договорились, Дез?

Миссис Мэйсон оборачивается:

– Мне хотелось бы, чтобы ты называл ее полным именем, Барри. Как мы можем запрещать ее друзьям так ее называть, когда сами это делаем?

Отец протягивает руку и треплет Дейзи по волосам.

– Ты же не против, правда, Дез?

– И не забудь вернуть сумочку с косметикой миссис Чен, когда ты

сегодня увидишь ее в школе, Дейзи, – добавляет Шэрон. – Поблагодари ее и скажи, что мы сами в состоянии покупать себе вещи.

– Уверен, что она ничего такого не имела в виду, – говорит Барри. – У них оказалось две одинаковые сумочки, и они подумали, что Дейзи тоже захочет такую.

– А мне все равно. Косметика ни к чему девочке ее возраста. Выглядит слишком грубо.

– Да брось ты! Просто невинная забава. Ты же знаешь девочек – все эти наряды и все такое...

– Я же сказала, что она ни к чему. И в любом случае мы не нуждаемся в их благотворительности.

Барри пытается поймать взгляд дочери, но Дейзи, кажется, сосредоточилась на своих хлопьях.

– Только не слишком заморачивайся на вечер, – говорит он Шэрон. – Какого-нибудь сэндвича будет вполне достаточно. С тунцом, например, или чем-то в этом роде.

Он берет свой портфель и ключи и снимает со спинки стула свой пиджак для VIP-визитов.

– Я ушел. Пока, дети!

Когда дверь кухни закрывается, Дейзи кладет ложку и аккуратно, двумя руками, поправляет волосы. Лео соскальзывает со стула и подходит к матери.

– А кого ты пригласишь на вечеринку?

– Ну знаешь, соседей, ваших одноклассников, – отвечает Шэрон, наливая смузи в стакан.

– И этого мальчика, которого знает папа? – уточняет Лео.

– Какого мальчика? – в растерянности переспрашивает его мать. Но когда она заканчивает мыть соковыжималку и поворачивается к детям, Лео успевает выйти.

Дом Рахия в точности похож на сотни таких же в этой части Восточного Оксфорда. Покрытый штукатуркой с камнями одноквартирный дом, построенный в 30-х, с эркером, проходящим через первый и второй этажи. Сбоку располагаются ворота в гараж, с которых облупилась почти вся краска, за исключением той, из баллончика, которой на железе

написано ругательство. Писал кто-то явно имеющий проблемы с написанием слова «педофил». Одно из окон на первом этаже закрыто досками, а в палисаднике расположились шесть мусорных контейнеров на колесах – крышки двух открыты, и из них на бетон вываливается мусор и гниющая еда.

Часть полицейских заблокировала заднюю аллею, а человек десять сейчас стоят рядом со мной перед входом в дом. У одного из них в руках таран. Я киваю, и он бьет им в дверь.

– *Полиция! Откройте!*

Внутри дома слышатся звуки – плач женщин и мужской голос, который кричит что-то на языке, совсем непохожем на английский. Раздается плач ребенка.

– Повторяю, полиция! Немедленно откройте, или мы выломаем дверь!

Проходит минута или две, затем кто-то скребется по дереву, и наконец дверь приоткрывается на пару дюймов. За ней стоит женщина с платком на голове. Ей не больше двадцати.

– Что вам надо? Почему вы не оставляете нас в покое? Мы ничего не сделали.

– Детектив-инспектор Адам Фаули из Криминального отдела Управления полиции долины Темзы. – Я делаю шаг вперед. – У нас есть ордер на обыск. Прошу вас открыть дверь. Для всех будет лучше, если мы станем вести себя как цивилизованные люди.

– *Цивилизованные люди?* Вы приходите сюда, колотите в дверь, пугаете мою мать и моих детей – и утверждаете, что вы *цивилизованный* человек?

На улице собирается толпа, состоящая в основном из молодых людей азиатской наружности. На головы некоторых из них надеты куфии^[68]. Я вижу, как Куинн поудобнее перехватывает свою дубинку. Только беспорядков мне не хватало!

– Послушайте, мы можем вести себя или жестко, или цивилизованно, – отвечаю я. – Впустите нас, и даю вам слово, что мы постараемся закончить все как можно скорее и нанести при этом как можно меньше вреда. Но можете не сомневаться – если мне придется взломать дверь, я это сделаю, и тогда ваше имя появится в газетах, и все те оскорбления, которым вы подвергались в прошлом году, начнутся по новой. Так что решать вам, и побыстрее.

Женщина ослабляет хватку. Я гипнотизирую ее глазами, и она в конце концов утвердительно кивает. Сердце колотится так, что мне трудно дышать. Я жестом приказываю патрульным отступить на тротуар, а потом

обращаюсь к Бренде, офицеру по связям с общественностью:

– Прошу вас проследить, чтобы детей и женщин не пугали без причины. Куинн, вы и Гислингхэм – за мной.

Даже в такую погоду в доме пахнет сыростью. Со стен свешиваются ключья выцветших обоев, и здесь же, в камине, стоит древняя газовая горелка, на которой, кажется, крупными буквами написано: «Смертельно опасно». Даже если бы мы четверо вышли из комнаты, она все равно оказалась бы забита народом. Здесь находятся две пожилые женщины в черном, которые сидят на провалившейся софе и раскачиваются вперед-назад, и три молодые матери, обнимающие своих детей за плечи. Дети смотрят на нас громадными печальными глазами. Я улыбаюсь одной из девочек, и она улыбается мне в ответ, а потом утыкается лицом в никаб^[69] матери. Мужчин в комнате нет.

Я слышу, как у меня за спиной Гарет приказывает Крису обыскать задние комнаты и кухню, а сам бросается наверх, перепрыгивая через две ступени за раз.

– Босс? – кричит он мне. – Сюда!

Меня самого должен был насторожить запах табачного дыма, и где-то на подсознательном уровне так и получается. Я добираюсь до лестничной площадки и заворачиваю за угол. Передо мной две двухъярусные кровати, впихнутые в комнату, которая мала и для одной. На одной из нижних сидит, скрестив ноги, Азим Рахия. Я сразу же узнаю его, потому что видел его брата, но в этом юнце нет огрубелости старшего, что на мгновение дает мне надежду, что он еще не пошел по той же дорожке. Однако потом я вижу лицо второго человека в этой комнате. Он сидит на верхней кровати, курит и болтает ногами, совсем как маленький ребенок.

– День добрый, *фиоцеры*, – говорит этот тип слегка заплетающимся языком. Рядом с ним лежит упаковка «Стронгбоу»^[70]. В жизни он не такой привлекательный, как на пленке. На расстоянии его волосы казались намного светлее. Щеки и подбородок покрывают следы от юношеского акне. И манеры выдают его с головой – эти блуждающие прищуренные глаза, это самодовольство. Мотня его джинсов болтается где-то у колен, а в ухе у него серьга, которая проделывает в мочке дыру размером в палец. От вида этих колец мне всегда становится нехорошо.

Он затягивается и выпускает дым мне в лицо.

– Мне кажется, что нас не представили друг другу, – говорю я, подражая его манере. – Я детектив-инспектор Адам Фаули, а вы кто?

Он очень неприятно ухмыляется и показывает на меня дрожащим

пальцем:

– Я-то знаю, а вот тебе предстоит догадаться.

– Сержант Куинн, проводите этого младенца до машины. Если он будет отказываться назвать свое имя, вызовите социального работника. Этому ребенку никак не больше шестнадцати.

Слышится какая-то суета, но у Гарета есть нога и преимущество в несколько стоунов^[71] веса. Так что молокосос уже верещит о «жестокости», пока я вслед за ними выхожу на площадку и зову Гислингхэма. Затем приказываю:

– Начиная обыск. В постельном белье спрятан по крайней мере один лэптоп.

Когда я поворачиваюсь к Азиму, мне кажется, что он, вполне вероятно, обделался.

Допрос Барри Мэйсона в участке Св. Алдэйта

Оксфорд, 23 июля 2016 г., 12:42

Присутствуют: детектив-инспектор А. Фаули, исполняющий обязанности детектива-сержанта Г. Куинн, мисс Э. Карвуд (адвокат)

ЭК: Мы правильно понимаем, что вы собираетесь предъявить нам обвинения?

АФ: У нас еще осталось несколько вопросов к вашему клиенту, мисс Карвуд.

ЭК: Связанных с обвинением в распространении порнографии?

АФ: Пока – да.

ЭК: Отлично. Но я бы хотела напомнить вам, что время неумолимо идет вперед.

АФ: Мистер Мэйсон, вы поддерживаете отношения с человеком по имени Азим Рахия?

БМ: Представления не имею, о ком вы.

ЭК: Этот человек – родственник Ясира и Санни Рахия.

БМ: Что? Это те педофилы-азиаты, о которых писали во всех газетах? Конечно, я их не знаю. Спаси Господь!

АФ: Азим Рахия – младший брат Ясира Рахия. Ему семнадцать лет.

БМ: И что?

АФ: Вы никогда не контактировали ни с ним, ни с членами его семьи? И никогда не получали от них порнографию?

БМ: Сколько раз вам, твою мать, надо повторять?! Я не покупаю порнуху. Ни у них, ни у кого-то другого. Однажды купил журнал с девочками, но на этом всё. Конец. Можете проверить мой телефон, мой чертов компьютер – вы не найдете в них подобного дерьма.

АФ: К сожалению, жесткий диск вашего компьютера уничтожен огнем, так что мы не можем узнать, что на нем было. Или что с него было стерто. Однако должен сообщить, что в вашем телефоне обнаружены два видео. В них содержатся чрезмерно сексуально откровенные изображения детей...

БМ: Нет. И еще раз нет, твою мать! Ты меня слышишь? Я ничего подобного никогда не загружал. Это, наверное, какой-то вирус – такие же вещи случаются? Или кто-то взломал телефон...

ЭЖ (вмешивается в разговор): А какие у вас есть доказательства, что мой клиент знал Рахия? Записи телефонных разговоров? Переписка?

БМ: Ничего подобного у них нет, потому что я никогда в жизни с ними не говорил.

АФ: Для протокола. Я предъявляю мистеру Мэйсону кадр записи, сделанной камерой наружного наблюдения. Мистер Мэйсон, мы уверены, что с Рахия вы связывались с помощью вот этого молодого человека. У нас есть свидетель, который видел вас вместе.

БМ: (посмотрев сначала на фото, а потом на детективов) И где же вы достали эту гребаную фотку?

11 мая 2016 года, 19:09 вечера

69 дней до исчезновения

Дом Ченов, Мэнор-роуд, № 11, Оксфорд

Джерри Чен заходит на кухню, где его жена заполняет посудомоечную машину. Солнце садится, и золотистый свет проникает сквозь листву двух берез, которые, как занавеси, обрамляют вид на большой и разросшийся сад.

Джерри ставит на кухонный островок^[72] портфель, а его жена тем временем наливает ему бокал вина.

– Как лекция? – спрашивает она.

– Был профессор Хелстон. Пригласил меня прочитать ее осенью в Лондонской школе экономики.

– В его устах это признание... А ты к тому времени уже вернешься из Стэнфорда?

Мужчина делает глоток вина и рассматривает этикетку:

– Очень неплохо. И да, все складывается отлично – в Стэнфорде я буду в сентябре, а Лондон – это один из дней в ноябре. А где Нанкси?

– В гостиной. Учит Дейзи играть в шахматы.

– Давно пора Нанкси завести себе достойного противника своего возраста. – Чен улыбается. – Я не могу ей постоянно проигрывать.

– А тебе и не надо. Она знает, когда ты поддаешься. Наша дочь не дурочка.

– Наверное, ты права. Как и всегда.

Джойс улыбается мужу в ответ:

– Насколько я могу судить, Дейзи сегодня впервые в жизни увидела шахматную доску.

– Ну, *это* меня совсем не удивляет. Если б она не была так похожа на свою мать, я подумал бы, что ее перепутали в родильном доме. Не могу даже представить себе степень деградации генофонда семейства Мэйсонов.

Чен корчит гримасу, и его жена со смехом закрывает посудомойку и выпрямляется.

– Как там говорил Эрик Хоффер^[73]? – продолжает он. – Даже если основная часть человеческой расы – свиньи, то время от времени, когда кабан женится на свинье, рождается Леонардо. Что-то в этом роде.

Джойс смотрит на часы:

– Боже, как летит время! Мне надо отвезти Дейзи домой. Ты не позовешь ее?

Джерри поднимается по ступенькам в гостиную и видит маленькую девочку, которая уже стоит на площадке.

– Дейзи, – говорит он слегка смущенно, – а я тебя не заметил... И как давно ты уже здесь стоишь?

– Я хотела поблагодарить вас за косметичку. Она мне очень нравится. – Говоря это, девочка вращает сумочку на короткой ручке. Она полосатая, черно-белая, а в центре у нее находится надпись: «Девчачья ерунда», выполненная вихляющимися буквами кислотного розового цвета.

Джойс Чен смотрит на площадку.

– Мы очень рады, Дейзи! Знаешь, очень неприятно, когда два разных человека дарят одинаковые подарки. Вернуть их очень проблематично, вот

Нанкси и подумала, что, может быть, тебе захочется иметь такую же косметичку, как у нее. Вы хорошо провели время?

– Очень. – Дейзи улыбается. – Это был *лучший* день в моей жизни.

– Здесь нельзя курить.

– Ага. Как же.

Подросток, вытянувшись, лежит на диване в комнате ожидания, положив ноги на сиденье. На полу возле него стоит картонная тарелка, в которой уже скопилась дюжина окурков. Морин Джонс старается держаться от него так далеко, как это позволяют размеры помещения, а социальный работник стоит возле двери. Это Дерек Росс, тот же самый парень, который приходил к Лео. Мы обмениваемся безмолвными приветствиями, и я спрашиваю, есть ли у него идеи по части имени подростка.

– Микки Маус, – отвечает парень, злобно глядя на меня. – Джордж Клуни. Далай Лама. Королева – мать твою – Виктория. Сам выбирай, свинья.

– Это тебе не поможет, – замечает Росс. У него измученный голос, а ведь он провел здесь не больше часа.

– Хорошо, – говорю я. – Я уверен, тебе известно, что члены семьи твоего дружка Азима недавно были осуждены за сексуальные преступления против детей. В настоящий момент мы изучаем материалы, найденные в их доме, с тем чтобы убедиться, что ничего подобного там больше не происходит.

– Ты меня уже достал, свинья. Я ничего не знаю обо всем этом дерьме.

Его душит кашель, и он принимает сидячее положение.

– Я уйду. И ты меня не остановишь.

– Если ты на этом настаиваешь, то мне остается только арестовать тебя.

– Поверь, будет лучше, если ты пойдешь на сотрудничество, – говорит Дерек мальчишке. – Я серьезно.

Мы с юнцом долго смотрим в глаза друг другу, но он моргает первым.

– Ну и где мой гребаный адвокат?

– Я же сказал, что *пока* ты не под арестом. И мистер Росс здесь для того, чтобы защищать твои интересы.

– Я хочу подать жалобу – этот придурок меня ударил. Ну тот, совсем наглый.

Меня так и подмывает спросить его: тогда кем, в его понимании, является он сам?

– Если ты хочешь подать жалобу, то тебе придется назвать мне свое имя.

Подросток мерзко ухмыляется и почесывает нос:

– Ничего у тебя не выйдет, свинья. Меня на дешевке не возьмешь.

Я протягиваю руку за одним из стульев с жесткой спинкой и ставлю его рядом с ним. Потом сажусь, раскрываю свою картонную папку и показываю ему один из кадров записи камеры наружного наблюдения. Он с Дейзи 19 апреля.

– Ты не знаешь, кто это?

Парень глубоко затягивается и выпускает дым прямо мне в лицо.

– Ну и что, если знаю?

– Это Дейзи Мэйсон. Вот уже почти неделю ее фото во всех газетах и в Паутине. Ни за что не поверю, что ты его не видел.

Юнец щурит глаза, но молчит.

– Она пропала. И, может быть, уже мертва, – продолжаю я. – А за несколько недель до исчезновения она общается с тобой...

– Я со многими общаюсь. Люблю общество.

– Уверен, что ты всегда бываешь его душой. Только это не первый раз, когда ты с ней встречаешься, правда? – Я достаю остальные фотографии. – Двенадцатого апреля, четырнадцатого апреля, пятнадцатого апреля. А вот здесь, на фото девятого мая, Дейзи Мэйсон сидит на заднем сиденье машины, зарегистрированной на имя Азима Рахия. А на переднем сиденье, скорее всего, сидишь ты.

Молчание затягивается. Парень курит. По его глазам я вижу, как вращаются шестеренки у него в голове. Он не знает до конца, что мне известно.

– Ты зачем ее преследовал? – задаю я новый вопрос.

– Преследовал... Да отвали ты! Это не преследование.

– Тогда скажи мне, что делает подросток твоего возраста, постоянно сталкиваясь с восьмилетней девочкой, как не преследует ее? Вы с ней попали на камеру четыре раза. И в последний раз ее засняли в машине с тобой и с братом приговоренного растлителя малолетних. А потом, через несколько дней, она исчезает. Ты что, думаешь, что присяжные не смогут сделать правильный вывод?

– Я не *сталкивался* с ней постоянно...

– А что же ты тогда делал? Что еще ты мог хотеть от этого ребенка? Или в тебе заговорило материнское начало, а? А может быть, у тебя появился внезапный интерес к «Моему маленькому пони»^[74]? Или ты фанат кукол Барби? На дворе две тысячи шестнадцатый год, так что мальчики вполне могут играть с девчачьими игрушками, правильно?

Мальчишка опускает ноги и твердо ставит их на пол. На меня он не смотрит, но рука, в которой он держит сигарету, дрожит.

– Ты ведь ее обхаживал, правда? Приучал к себе с тем, чтобы потом можно было над ней надругаться.

– Это неправда.

– Значит, ты отдал ее этим психам, с которыми имели дело Рахия? Спорю, что они заплатили бы целое состояние, чтобы изнасиловать такую девочку. Или ты сделал это сам? Именно это случилось в тот день, да? Ты подходишь к дому с улыбкой на лице, настоящий принц Очарование. Ее матери дома нет, и она выходит поиграть с тобой. И какое-то время у вас всё муси-пуси... И только когда ты засовываешь руку ей в трусики...

– Инспектор, – просит Росс, – неужели это так необходимо?

– ...она понимает, что тебе от нее надо, и начинает кричать, и тебе приходится заткнуть ей рот, но она сопротивляется, так что ты зажимаешь ей рот рукой...

– Ты просто омерзитель! – кричит подросток, вскакивая на ноги. – Я до нее гребаным пальцем не дотронулся! Ты просто болен, твою мать, потому что только законченный извращенец может сделать подобное с собственной сестрой...

Я набираю в легкие воздух и считаю до пяти:

– Со своей сестрой?

– Ну да. – Парень с трудом сглатывает. – Барри Мэйсон – мой отец. – И добавляет, тяжело опускаясь на место: – Чертов ублюдок...

Вернувшись в кабинет, я звоню Алекс.

– Где тебя носит, Адам? – отзывается она. – Мы вроде как собирались поехать к твоим родителям на ланч.

Черт. У меня все вылетело из головы.

– Прости. Но некоторые вещи...

– Забылись. Я знаю. А меня ты еще помнишь?

- Я что, действительно такой предсказуемый? – Я вздыхаю.
- Когда у тебя крупное дело? Ответ – да.
- Прости. Я позвоню маме. Обещаю. Послушай, я хочу, чтобы ты оказала мне услугу. Я знаю, что твоя фирма не очень сильна в оказании юридической помощи по уголовным делам, но у нас здесь один парнишка, которого видели разговаривающим с Дейзи за пределами школы. Оказалось, что он – сын Барри Мэйсона от первого брака.
- Проклятье... Похоже, что кое-кто прокололся.
- Знаю. Но, честно говоря, у нас не было никаких причин копаться в прошлом Мэйсона. По крайней мере, до сегодняшнего дня. Проблема в том, что мы не можем дозвониться ни до матери, ни до отчима мальчишки. На звонки они не отвечают, а их сосед думает, что они могли уехать на уик-энд. Дежурный адвокат занимается другим делом, и мы не можем найти никого, кто мог бы добраться сюда до вечера. Вот я и подумал...
- ...не найду ли я для тебя кого-нибудь?
- Я прикусываю губу.
- Мне очень жаль. Со стороны может показаться, что нынче я только и делаю, что прошу тебя об услугах.
- А я тебе их оказываю. – Алекс долго дышит в трубку, но потом наконец я снова слышу ее: – Ладно, не страдай. Может быть, мне удастся разыскать какого-нибудь новичка, у которого на первом месте стоят амбиции, а не светская жизнь... Как зовут твоего мальчика?
- Джейми Нортхэм.
- А он не имеет отношения к Маркусу Нортхэму? – В голосе жены мне слышится удивление.
- Ни малейшего представления. А что, я должен был о нем слышать?
- Скажем так, с него мы получим по полной программе. Включая расходы. Я сделаю пару звонков и перезвоню.
- Спасибо, Алекс. Я правда...
- Но она уже положила трубку.

**Продолжение допроса Барри Мэйсона в участке Св. Алдэйта
Оxford, 23 июля 2016 г. 15:09**

**Присутствуют: детектив-инспектор А. Фаули, исполняющий
обязанности детектива-сержанта Г. Куинн, мисс Э. Карвуд (адвокат)**

АФ: Хотелось бы спросить вас о вашем сыне, Джейми Нортхэме. Когда вы видели его в последний раз?

БМ: Он ждал меня у выхода из офиса. Сидел на стене.

АФ: Вы знаете, как он вас нашел?

БМ: Он сказал, что ему понадобилось не больше пяти минут, чтобы найти фирму в Интернете. Я не ожидал, что они живут так близко. С Мойрой я не виделся много лет.

АФ: И это был единственный раз за последнее время, когда вы с ним встречались?

БМ: Нет. В тот раз у меня не было времени поговорить с ним, и я предложил встретиться через пару дней в кофейне на Банбери-роуд. В «Старбакс». В машине сидел Лео, так что у меня было всего десять минут. Честно говоря, я надеялся, что Джейми не придет, – хотелось верить, что он успел все забыть.

АФ: Но он не забыл.

БМ: Нет.

АФ: И что же ему было нужно?

БМ: Он сказал, что хотел бы встречаться со мной – где-то пару раз в месяц или что-то в этом роде. Мне кажется, что в тот момент дома у него было совсем дерьмово. Мойра всегда была холоднокровной сукой, а этот его отчим – самоуверенный, возомнивший о себе козел.

АФ: То есть он надеялся на вашу как своего биологического отца поддержку? Ему нужен был кто-то, кто мог бы дать ему то тепло, которого он был лишен дома...

БМ: Вы всё перевернули с ног на голову – было совсем не так...

АФ: А как все было?

БМ: То, что он хотел... Это был бы просто кошмар. Шэрон и так никогда не позволяла мне рассказывать детям о Джейми, не говоря уже о том, чтобы встречаться с ним. Мне пришлось бы придумывать всякую ложь, чтобы объяснить ей, куда я хожу...

ГК: Не знаю, но мне кажется, что лгать вы умеете.

БМ: ...а если б она узнала об этом, у нее точно вынесло бы мозг. Все это было слишком сложно, твою мать...

АФ: И что же вы сказали? Когда бортанули собственного сына?

ЭК: Не стоит говорить подобным тоном, инспектор.

АФ: Итак, мистер Мэйсон?

БМ: Я сказал ему, что у нас семейные проблемы. И что я подумаю над его просьбой, когда все наладится.

АФ: Какие же семейные проблемы?

БМ: А какое это имеет значение?

АФ: Какие проблемы, мистер Мэйсон?

БМ: Что ж, если вам так надо... Я сказал ему, что у Дейзи проблемы в школе.

АФ: Что за проблемы?

БМ: Ну знаете, что она отстает от класса – а в школе большая конкуренция, и мы все стараемся ей помочь не отстать окончательно...

АФ: Это правда?

БМ: Нет, конечно, нет! Дейзи намного умнее, чем все эти заносчивые детишки в ее школе.

АФ: Значит, вы солгали. Вместо того чтобы взять на себя ответственность за собственные решения, как сделал бы это настоящий мужчина, вы сделали крайней свою восьмилетнюю дочь.

БМ: Да чтоб вам пусто было – эта была белая ложь... [75]

АФ: Думаю, что вы скоро поймете, мистер Мэйсон: дети не видят большой разницы. Для них ложь – это всегда ложь.

БМ: Проехали. Так какая вам разница, черт возьми?

АФ: А вы не задумывались хоть на мгновение, какой вред могла нанести эта ложь? Что Джейми мог возненавидеть вашу дочь после всего, что вы ему рассказали? Что он мог решить, что она – главная причина, по которой он не может с вами встречаться? Что во всем виновата девочка? У него уже есть приводы в полицию. Он очень озлобленный молодой человек с нестабильной психикой. И вот теперь у него появляется причина для недовольства... Вы ни на минуту не задумались, что может произойти, если они встретятся?

БМ: Они не должны были встретиться.

АФ: Я знаю, что это вы так решили, но в действительности все случилось не так. Он выследил ее – так же, как выследил вас. И вот вам результат.

(Я показываю Барри кадры записи.)

АФ: Вот ваша дочь, мистер Мэйсон. На заднем сиденье машины, которая принадлежит брату всем известного педофила.

БМ (смотрит на фотографию): Боже, вы что, хотите мне сказать, что Джейми что-то с ней сделал... что это он ее похитил?

АФ: Этого я не знаю, мистер Мэйсон. Потому что никто из нас не знает, где сейчас девочка, не так ли?

Выйдя в коридор, Куинн оборачивается ко мне:

– Знаете, несмотря ни на что, я все больше и больше убеждаюсь, что это не он. Порнуха – да. Секс с малолетками – может быть. Но не все остальное – не убийство. Я сейчас видел его лицо, когда вы сказали ему про машину Азима. Такое не сыграешь.

– Значит, как и шестьдесят семь процентов этих придурков в «Твиттере», вы думаете, что это сделала Шэрон.

– Если выбрать из них двоих, то – да. Но сейчас я готов поставить на Джейми Нортхэма. Хотите верьте, хотите нет.

Би-би-си Мидлендс. Сегодняшние новости

Суббота 23 июля 2016 г. | Последняя редакция 15:59

Дейзи Мэйсон: Полиция допрашивает подростка

Би-би-си выяснила, что неизвестный подросток помогает полиции в поисках исчезнувшей Дейзи Мэйсон, 8 лет. Несмотря на активные поиски, в которых принимали участие несколько сотен сотрудников полиции, Дейзи никто не видел со вторника.

После того как прошла информация, что ее родители, Барри и Шэрон Мэйсон, были допрошены в Криминальном отделе Управления полиции долины Темзы, в соцсетях началась широкая кампания их травли. Дом Мэйсонов рано утром был подожжен неизвестными, и источники сообщают, что это результат именно данной кампании. Считается, что в настоящее время семья находится под охраной полиции.

Все, кто располагает информацией о Дейзи, должны связаться со штабом Криминального отдела Управления полиции долины Темзы по телефону 018650966552.

Минут десять я наблюдаю за Джейми Нортхэмом через объектив камеры, установленной в комнате для допросов № 2. Он знает, что мы его видим, но его это, кажется, мало волнует. Более того, готов поспорить, что это шоу Джейми устраивает специально для меня. Дерек Росс, к его очевидному облегчению, был заменен на сотрудника фирмы Алекс. И хотя этот малый выглядит как только что окончивший университет новичок, сейчас он стоит рядом с таким видом, как будто повторяет про себя статьи «Закона о полиции и доказательствах в уголовном праве».

Сзади ко мне подходит Гислингхэм.

– Есть на что взглянуть?

– Пока я наблюдаю, как он чешет свою задницу, ковыряется в носу и выковыривает грязь из ушей. Не хватает только, чтобы начал давить прыщи – тогда я буду в полном восторге... Что нового по обыску у Рахия?

– Никаких следов Дейзи. У них нет ни подвала, ни других мест, где ее можно было бы спрятать. Ребята Чаллоу проверяют всё еще раз – так, на всякий случай, – но, насколько мы можем судить, в доме все чисто.

– А компьютер Азима? Было видно, что он чертовски чего-то боится.

– Да, но это не связано с порнухой. Похоже на то, что он неплохо зарабатывает, продавая кетамин^[76] и сканк^[77]. Скорее всего, задвигал их студентам – всегда готовый рынок...

– И был настолько глуп, что оставил следы в компьютере?

– Насколько я понял, он изучает бизнес в колледже. И практиковался в ведении двойной бухгалтерии. – Видя мое лицо, Крис добавляет: – Я серьезно, босс. Кроме шуток.

– Господи Иисусе! – Я качаю головой.

– В любом случае мы предъявили ему обвинение. Сейчас приедет его мать.

– Ладно. А мы остаемся с Джейми Нортхэмом. Чья мать точно не появится. Она все еще не отвечает на звонки.

– Хотите, чтобы я поприсутствовал?

– Нет, займись лучше писаниной. И найди мне Куинна.

– Будет сделано, босс.

Я распахиваю дверь и вхожу в комнату. Адвокат резко выпрямляется, как будто его дергают за эластичный канат, а потом сдвигает очки вверх по

переносице:

– Понимаете... э-э-э, сержант...

– Детектив-инспектор, к вашему сведению.

Дверь вновь открывается, и ко мне присоединяется Куинн. Он успел принять душ – я ощущаю запах геля для душа «Молтон Браун». Надо было мне сделать то же самое. Но теперь поздно.

– Итак, Джейми...

– Джимми, – угрюмо поправляет подросток. – Меня зовут Джимми.

– Ладно. Итак, Джимми, в настоящий момент ты не под арестом. Мистер Грегори находится здесь для того, чтобы все делалось в соответствии с существующими правилами. Это понятно?

Нет ответа.

– Хорошо. Начнем с того, что я задам тебе несколько вопросов о Барри Мэйсоне. Он сказал, что ты выяснил, где он работает, и пришел к нему в офис.

Задержанный пожимает плечами, но продолжает молчать.

– О чем ты хотел поговорить с ним, Джимми?

Еще одно пожатие плечами:

– Просто захотелось на него посмотреть. Ма все время говорит, что я – вылитый он.

Что-то подсказывает мне, что так Мойра Нортхэм говорит только тогда, когда сын выводит ее из себя.

– А как у тебя дела с твоим отчимом?

Мальчик поднимает на меня глаза и опять начинает грызть ногти:

– Я ему не очень нравлюсь. Он говорит, что я *безответный*.

– Безответственный.

– Какая разница!

В помещении висит тишина. После разговора с Алекс я глянул, что собой представляет Маркус Нортхэм, – громадный дом на берегу реки, успешный бизнес по торговле недвижимостью, обширные связи и сын в медицинской школе. Трудно представить себе, что он рассматривает этого ребенка иначе чем как большую занозу у себя в заднице, и, я уверен, не делает никакого секрета из этого своего мнения. Но даже если Джимми действительно такой безответственный, каким считает его отчим, то возникает вопрос: что появилось раньше – нежелание прилично вести себя или безответственность? В любом случае меня не удивляет, что Джимми подумал, что у него может быть больше общего с Барри, чем с любым из родителей, с которыми ему приходится жить, и решил, что скорее услышит доброе слово от человека, который приложил руку к его появлению на свет.

– И как прошла твоя встреча с Барри? – задаю я новый вопрос.
– Он сказал, что мы не можем встречаться. Что это не самая лучшая идея.

– А он не объяснил, почему?

Мальчик отворачивается.

– Это все из-за Дейзи, правильно? – не отстаю я от него. – Барри сказал тебе, что у нее проблемы в школе. Ты из-за этого ее выслеживал? И об этом хотел с ней поговорить – проверить, правда ли это?

Молчание. Неожиданно парень начинает выглядеть вконец запугавшимся. И испуганным.

– Когда он упомянул о ней, я ее вспомнил. Сначала я забыл, а потом вспомнил об этой малышке. У нее были светлые волосы. Мы однажды встретились с ней в зоопарке – я и мама. Она еще дала мне кусочек шоколадки.

– То есть она была добра с тобой.

– Отец тоже там был. Я хотел с ним поговорить, но он ушел.

– То есть ты узнал своего отца. – Я снова сажусь на место. – Ты его помнил, хотя тебе и было всего четыре годика, когда он ушел.

Мальчик отворачивается.

– Я помню, как мы с ним боксировали, когда я был совсем маленьким. В саду. А Ма это не нравилось.

– А разве ты не был слишком мал? Я имею в виду, для бокса?

– Папа говорил, что я должен уметь постоять за себя. Когда пойду в школу. Чтобы надо мной никто не издевался.

– «Он научил меня драться, чтобы меня не одурачили...»

Адвокат как-то странно смотрит на меня.

– Простите. Это слова из песни, – объясняю я. – Весь день вертятся в голове.

По-видимому, адвокат решает, что выиграл несколько очков.

– Я не очень понимаю, к чему вы все это ведете, инспектор.

– Сейчас поймете. Значит, ты, Джимми, смог выяснить, в какой школе учится Дейзи?

– Также мне, тайна! Посидел возле пары школ, когда ученики расходились по домам, пока не увидел ее.

– А потом ты вернулся и заговорил с ней. Для нее это, наверное, оказалось настоящим шоком – узнать, что у нее есть сводный брат...

– Не-а. Она уже все знала.

Вот сейчас Нортхэм действительно сбивает меня с ног.

– Ты в этом совершенно уверен? Ее родители не хотели, чтобы она об

этом знала. Как же ей удалось это выяснить?

– Не спрашивайте. Я знаю только, что она уже знала мое имя и все такое. Мне показалось, что для нее встретиться со мной было круто. И еще я думаю, что она была рада, что у нее появился секрет от мамы.

– С мамой они жили не очень хорошо. Не знаешь, почему?

Джимми качает головой.

– И что же было дальше? Вы встретились, она явно обрадовалась встрече. Рассказала подружкам, что у нее появился новый друг и что вы встречались еще пару раз, а потом, совершенно неожиданно, заявила подружкам, что больше не хочет говорить об этом. Она разозлена и не говорит почему. Что же, черт побери, случилось?

Джимми опять пожимает плечами.

Я заставляю себя сохранять спокойствие. Это не самая сильная моя черта.

Но на этот раз это полностью окупается. В конце концов.

– Она хотела пойти в цирк на Вулверкот-Коммон, – наконец начинает подросток, – поэтому я попросил Азима отвезти нас туда. Это как раз тогда вы видели нас в машине. Но представление оказалось дерьмовым. Для малышни.

Я знаю, о каком цирке идет речь. Мы были там однажды. Волшебный день, один из лучших в моей жизни. Я помню, как Алекс подняла Джейку, чтобы он мог потерять нос белого пони, переодетого в единорога с витым золотым рогом. После этого много дней сын не мог говорить ни о чем, кроме единорогов. Я даже купил ему книжку про них. Она все еще лежит в его комнате.

Мои воспоминания нарушает голос Куинна:

– В тот уик-энд там же еще и парк с аттракционами работал, да?

– Но ее Ма не позволяла ей ходить в такие места. – Джейми кивает. – Дейзи даже воздушную вату никогда до этого не видела. Не знала, что ее надо есть.

Неожиданно перед глазами у меня встает печальная картина – двое детей получили возможность прожить несколько моментов той жизни, которая могла бы у них быть...

– Похоже на вполне себе неплохой день, – говорю я. – Так что же случилось?

Мальчик краснеет:

– Азим сказал, что она обо всем забудет.

– О чем конкретно? Что конкретно ты с ней сделал, Джимми?

9 мая 2016 года, 19:29

71 день до исчезновения

Цирк семьи Грейс, Вулверкот-Коммон

В центре большого белого шатра располагается посыпанная песком круглая арена. Вокруг нее висят флаги и вымпелы. Дейзи сидит на первом ряду, но детей с родителями вокруг нее так много, что никто не замечает, что ребенок один, без взрослых. Воздух вокруг гудит от нетерпеливого ожидания. Очень скоро раздаются первые звуки цыганского оркестра, и появляется церемониймейстер. Это большой полный человек, наполовину клоун, наполовину гоблин, с разрисованным лицом и серьезной проблемой с желудком. Под хохот и визг детей он портит воздух каждый раз, когда появляется на арене. По ходу развития истории феи качаются на трапециях, маги изрыгают фонтаны огня, а странные существа в блестящих комбинезонах танцуют на спинах скачущих лошадей. Голуби вылетают из заколдованных шкатулок, мышь величиной с человека танцует сальсу на шаре, и среди всего этого бродит реальный дрессированный гусь, который не обращает на этот тарарам никакого внимания. Музыка, маски и волшебство – Дейзи в трансе, рот у нее открыт, и губы сами сложились в большое О.

Когда заканчивается шоу и стихают аплодисменты, Дейзи выходит на улицу, где ее ждет Джейми Нортхэм. С сигаретой в зубах. Несколько родителей, проходящих мимо, смотрят на него с подозрением.

– Боже, – говорит он, отбрасывая окурок. – Немного затянуто, нет? Азиму пришлось уехать.

Джейми поворачивается. Дейзи подбегает к нему и вприпрыжку идет рядом.

– Это просто потрясающе! – рассказывает она. – Там была маленькая девочка, которую малышкой украли из дома и заперли в волшебном саду одной ведьмы. Но животные помогли ей сбежать, и она отправилась в длинное путешествие через горы в прекрасный замок на холме, а потом все-таки оказалось, что она принцесса. И жила она там со своей настоящей мамочкой долго и счастливо.

– По мне, так это полная ерунда, – пожимает плечами парень.

– Не ерунда! – хмурится Дейзи. – Не смей так говорить!

– Это просто глупая сказка. В жизни так не бывает.

– Бывает! Иногда бывает!

Джейми останавливается и поворачивается к своей спутнице:

– Послушай, ребенок, детей в младенчестве не воруют для того, чтобы они впоследствии выяснили, что родом из гребаной королевской семьи. Это всё для малышей. Сказки. Я знаю, что твои родители – полный отстой, но ты от них никуда не денешься. Прости, но это жизнь.

Девочка почти плачет.

– Они *не мои* родители, – говорит она. – Говори что хочешь. А я знаю.

Нортхэм прикуривает еще одну сигарету.

– Ты это сейчас о чем?

– Я их слышала. – Голос девочки звучит угрюмо. – Папа говорил, как я у них почти не получилась и как маме было действительно сложно это сделать. Понимаешь, она меня украла. Когда я была младенцем. Но это секрет. Я не должна об этом знать.

– Он это так и сказал? Что она тебя *украла*?

– Ну не совсем так. – Малышка немного неохотно качает головой. – Но в виду он имел именно это. Я знаю, что именно это он имел в виду. Он еще сказал, что им пришлось заплатить дяде с пробиркой.

– Кому? Что это за гребаный «дядя с пробиркой»?

Дейзи смотрит себе под ноги.

– Не знаю, – негромко говорит она и краснеет.

Джейми хохочет, и от его сигареты в разные стороны разлетаются искры.

– Ты все перепутала, ребенок. Речь шла не о «дяде с пробиркой», а о «детях из пробирки». Это то, что делают в больнице. Прости, но ты все равно с этим ничего не поделаешь – они по-любому твои родители.

Девочка смотрит на него, открыв рот, но сейчас он открыт от гнева, а не от восторга. А потом кричит:

– *Я тебя ненавижу! Ненавижу!*

Кричит во всю силу своих легких и бежит в сторону деревьев.

Подросток, тоже открыв рот, смотрит ей вслед:

– Какого черта? Эй, вернись!

Но девочка даже не оборачивается – возможно, просто не слышит его. Подождав несколько мгновений, Джейми бросает окурок в кусты, сутулит плечи и бросается за ней.

– Дейзи, где ты? – кричит он, продираясь сквозь деревья.

Все это здорово бесит. Сначала этот дурацкий гребаный цирк, а теперь она думает, что она гребаная принцесса...

– От меня тебе не спрятаться. Я тебя найду. Ты же это понимаешь

Дейзи, да? *Я тебя найду.*

Куинн покупает нам кофе в кафе через дорогу и подходит к столику у окна, за которым я устроился. Делаю глоток. Кофе слишком горячий. Но он в разы лучше, чем тот, который мы пьем в участке.

– Ну и как, выслушав все это, вы все еще думаете, что это сделал Джейми? – спрашиваю я.

Гарет открывает пакетик с подсластителем и высыпает его в чашку.

– Я не думаю, что он над ней надругался, если вы сейчас об этом. По крайней мере, не в смысле секса. Мне кажется, что сама мысль об этом ему действительно претит. А вот что касается убийства... Возможно. Но если и да, то я думаю, что убийство не было спланировано. Он не такой методичный. Поводом должна была послужить ярость – то, что накатывает внезапно. И мне кажется, что она накатывает на него достаточно регулярно – надо признать, что он очень озлобленный подросток. Более того, озлобленный подросток, у которого нет алиби. Или, по крайней мере, он не готов рассказать о нем таким, как мы.

– Значит, если б он это сделал, то мы ее уже давно нашли бы?

– Вероятнее всего. Не могу представить себе, как он тщательно замечает следы.

Я согласно киваю:

– А в историю с цирком вы поверили?

Теперь Куинн отвечает не так уверенно:

– Если все произошло так, как он рассказывает, то мне сложно поверить, что Дейзи среагировала таким образом. Ну хорошо, она могла не очень хорошо жить с родителями и, как многие дети, фантазировать о том, что ее удочерили...

А вот я ему верю.

– Все происходящее кажется чрезвычайным в этом возрасте, – вырывается у меня.

– Простите?

– Это сказала Эверетт. Пару дней назад. И она права. Дети в таком возрасте понятия не имеют о соразмерности. Особенно когда дело касается чего-то плохого. Они не способны посмотреть на происходящее ретроспективно, так что самым главным для них является то, насколько им

плохо именно сейчас. Именно по этой причине дети до двенадцати лет обычно совершают самоубийства.

Я беру ложку и размешиваю кофе. Чувствую на себе взгляд Куинна. Он не знает, как ему реагировать. Это больше, чем всё, что я говорил ему раньше. Больше, чем я вообще говорил кому-либо.

Дверь кафе распахивается, и я вижу Гислингхэма, который торопится в нашу сторону. Естественно, по делу.

– Только что звонил Чаллоу, – говорит констебль, добравшись до стола. – Он проверил костюм русалки.

– И?..

– Костюм порван в районе шеи, но если принять во внимание, что его постоянно носили дети, то это может быть признаком обыкновенного износа. Никакой крови на нем нет, но есть ДНК. Четырех разных людей. Шэрон Мэйсон, которая, как мы знаем, брала костюм в руки, Дейзи Мэйсон – то же самое – и незнакомая женская, возможно Милли Коннор.

– А четвертая? – спрашиваю я.

– Мужская. Если быть точным, это паховый волос.

Я чувствую камень в груди.

– Барри Мэйсон...

– Точно. Он.

Куинн кривит лицо:

– Тот самый Барри Мэйсон, который утверждает, что не знает, что костюмами поменялись, который утверждает, что вообще не знал о костюме русалки.

– Но вот здесь начинаются сложности, – сообщает Гислингхэм. – Шэрон говорит, что нашла его под тренировочным костюмом мужа, поэтому если дойдет до суда, то его защита будет стоять на том, что его ДНК попала на костюм именно оттуда.

– Но ведь Барри сам спрятал его – разве одного этого не достаточно... – вступает в разговор Гарет.

– Мы не сможем этого доказать, – говорит Крис, не дав ему закончить. – Может быть, это проделки Шэрон, которая хочет подставить мужа. И он ведь так и скажет, даже если это будет полная ерунда. – Он поворачивается к Куинну: – Как ты просил, мы проверили время звонка по поводу пожара на девять-девять-девять.

– И?.. – Гарет откидывается на спинку.

– Ты был прав. Звонок поступил в два десять, то есть через десять минут после того, как Шэрон выбралась из своего горящего дома, оставив сына внутри.

– Ладно, – говорю я, – позвоните Эв; пусть спросит у Шэрон, какого черта она творит. Только другими словами.

Куинн собирает пустые чашки, мы все встаем, и в этот момент я замечаю, как дежурный сержант машет мне от входа. Наверняка произошло что-то серьезное, если он соизволил оторвать от стула свою задницу. А потом я вижу – рядом с ним стоит молодая женщина, среднего роста, с длинными золотисто-каштановыми волосами. Через плечо у нее висит сумка из раффии^[78], и я понимаю, что уже видел ее – в школе. Как раз сейчас половина мужчин в кафе сверлят ее глазами. Я чувствую, как Гарет распрямляет плечи, но пришла она не к нему. Так мне кажется. Женщина в волнении осматривает помещение, ее лицо светлеет при виде Гислингхэма, и она быстро идет в его сторону. Я вижу, как Крис искоса смотрит на Куинна, и должен признать, что выражение лица Гарета стоит того, чтобы его запечатлели на холсте. Два-ноль в пользу детектива-констебля.

– Констебль Гислингхэм, – говорит женщина, слегка задыхаясь, – я так рада, что вы здесь! Я искала вашу коллегу – не помню, как ее зовут...

– Констебль Эверетт...

– ...но только что мне сказали, что ее сейчас нет, и я решила, что мне надо поговорить с вами.

Крис поворачивается в мою сторону:

– Это учительница Дейзи, босс. Мисс Мадиган. – Он представляет и Куинна, но я вижу, что девушка слишком взволнована, чтобы запоминать, кто есть кто. Что здорово портит Гарету настроение.

– Я насчет сказки, – объясняет учительница, поворачиваясь к Гислингхэму. – Сказки Дейзи. Я убираала квартиру и нашла ее под столом. Наверное, она выпала, когда я ставила оценки. Мне очень жаль – это моя вина.

– Не стоит волноваться, мисс Мадиган, – улыбается Крис. – Спасибо, что принесли.

– Нет, – говорит женщина, – вы меня не поняли. Именно поэтому я так волнуюсь. После того как вновь просмотрела ее... – Она останавливается и проводит рукой по лбу. – Я не очень понятно объясняю, да? Я хочу сказать, что, когда вновь прочитала сказку, после всех этих недель, после... – Учительница глубоко вздыхает. – Мне кажется, что в ней есть нечто, что я тогда пропустила. Нечто ужасное.

Мисс Мадиган достает из сумки лист бумаги, и, когда она передает его Гислингхэму, я замечаю, что ее рука дрожит. Констебль внимательно читает сказку и передает листок мне. Щеки женщины покраснели, зубы кусают нижнюю губу.

– Мне так жаль, – негромко говорит она, и ее глаза наполняются слезами. – Я никогда не прощу себе, если что-то случилось, а я могла этому помешать. То, что она пишет о монстрах... и как я могла это пропустить?

Ее голос слабеет, и Крис делает шаг в ее сторону.

– Вы не могли этого знать. И уж точно не из этой бумажки. И никто не мог бы. Но вы всё правильно сделали, когда принесли это нам. – Он мягко берет ее за локоть. – Пойдемте, закажу вам чашку крепкого чая.

Пока они идут к прилавку, я передаю листок Куинну. Он быстро просматривает текст и смотрит на меня.

Я знаю, о чем он сейчас думает.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПРИНЦЕССА

Автор Дейзи Мэйсон. Возраст 8 лет

Однажды, давным-давно, одна маленькая девочка жила в хижине. Это было ужазно. Она не знала, почему должна там жить. Она хотела сбижасбежать, но злая ведьма ни довала не давала ей. У злой ведьмы был монстр, похожий на свинью. Маленькая девочка хотела убежать и старалась быть храброй, но каждый раз монстр входил в комнату и прижимал ее к кровати. Ей было больно. А потом маленькая девочка узнала, что панас по правде она была закалзаколдованной принцессой. Но она могла пойти в замок и жить как настоящая принцесса только если кто-то убьет злую ведьму и монстра. А потом приехал принц в красной калесколеснице и она падуподумала, что теперь он ее увезет. Но он не увязувез. Он был плохим. Маленькая девочка много плакала. Она никогда не станет принцессой. И не будет жить долго и счастливо.

Конец

Придя в кабинет, я распахиваю окно настежь и, стоя около него, выкуриваю сигарету. Жалюзи покрыты толстым слоем пыли. Я эти штуки всегда ненавижу. На мгновение задумываюсь над тем, не позвонить ли мне

Алекс, но быстро понимаю, что мне нечего ей сказать. Молчание легко превращается в некую форму лжи. Для нас обоих. На перекрестке улицы стоят отец с сыном. Такое впечатление, что они направляются в Крайстчерч-Мидоу^[79] – в руках у мальчика пакет с нарезанным хлебом для кормления уток. Если повезет, они смогут увидеть даже лебедя. Я думаю о Джейке, который тоже любил лебедей, позволяя себе слегка отступить от той границы, которую мое сердце определяет как безопасную. А еще я думаю о Дейзи и ее отце, который превратился в монстра. И о Лео. Об этом одиноком мальчике. Который, как призрак, идет по своей собственной жизни. И который куда-то пропал. Ибо – где во всем, что произошло сегодня, виден Лео?

Через полчаса ко мне заходит Куинн:

– Только что позвонила Эверетт. Сейчас Шэрон утверждает, что тогда не помнила себя. Якобы она приняла две таблетки снотворного и полностью потеряла ориентацию. И на видео действительно кажется, что она не в себе. Первый раз, увидев это, я подумал, что она напилась в стельку. Когда Эверетт попробовала надавить, тетка здорово оцетинилась, но в конце концов согласилась на беседу с ее врачом, чтобы тот подтвердил нам подлинность рецепта. Она также утверждает, что, прежде чем спустилась по лестнице, звала Лео, но ей никто не ответил, а когда она увидела распахнутую заднюю дверь, то решила, что мальчик уже выбрался. То, что Лео все еще в своей комнате, понял сосед, который и поднялся, чтобы его вывести. Боже, если б его не оказалось рядом, у нас было бы уже два детских трупа, а не один!

– Знаю.

– Так мы что, верим ей?

Я поворачиваюсь к окну и закрываю его, а потом поворачиваюсь к Куинну лицом:

– Как вы думаете, она могла сама поджечь дом?

– Вы это серьезно? – Исполняющий обязанности широко открывает глаза.

– А вы сами подумайте. Единственный человек, кому выгоден пожар, – это миссис Мэйсон. Она уже сообщила нам довольно отталкивающие сведения о Барри, а все то в доме, что может выдать лично ее, уносится

вместе с дымом пожарища, говоря высоким слогом. Включая машину, которую, как мне удалось выяснить, до этого никогда не ставили в гараж. А это значит, что без добровольного признания или каких-то следов на теле...

– Если мы его найдем.

– ...нам будет чрезвычайно сложно в чем-то ее обвинять.

– При условии, что виновна именно она.

– Конечно, при условии, что это сделала Шэрон. Но если она способна убить Дейзи, то наверняка способна и оставить Лео в горящем доме. Только подумайте, она могла бы выйти из всего этого бардака совершенно безнаказанно и начать новую жизнь где-то на новом месте. Исключительно в компании со страховыми выплатами.

– Боже! – вырывается у Гарета.

В дверь стучат. Это одна из констеблей, которая все это время работала в поле. Выглядит она измученной.

– Слушаю вас, – обращаюсь я к ней.

– Парень, который сейчас дежурит в доме, попросил меня по дороге забросить это вам, – отвечает констебль. – Это из почты Мэйсонов. Там в основном счета и всякая ерунда. Но одно из писем стоит того, чтобы на него посмотрели. Да, и сразу скажу, что открыла его не я – такое впечатление, что клапан просто отклеился на почте. Когда я взяла его в руки, содержимое вывалилось из конверта – тогда я все и увидела.

Площадь плотного конверта около шести квадратных дюймов. Он адресован Шэрон и опущен в ящик в Каршалтоне. Обратный адрес говорит о том, что отправили его из дома для престарелых «Хэйвен Вью»^[80]. В конверте лежит диск. И как только я его вижу, мне сразу становится ясно, почему констебль принесла его.

Я поднимаю глаза на женщину:

– Отличная работа. Простите, не знаю вашего имени...

– Сомер, сэр. Эрика Сомер.

– Отличная работа, Сомер.

Я встаю и разминаю ноющую спину:

– Съезжу-ка я на пару часов домой. Позвоните мне, если родители Джейми выйдут на связь.

– И еще, сэр, – говорит Эрика. – Дежурный попросил меня передать вам. Это миссис Нортхэм.

Я тяжело опускаюсь в кресло:

– Наконец-то... Ладно, пригласите ее.

Видно, что Сомер сконфужена.

– Дело в том, что это она вас приглашает. К себе домой. Прошу

прощения. Если б она попала на меня, я бы объяснила ей...

Я взмахиваю рукой.

– Пустяки. – У меня утомленный голос. – Это не так далеко от того места, куда я еду.

1 мая 2016 года, 14:39

79 дней до исчезновения

Барж-клоуз, № 5

Дейзи сидит на качелях в самой дальней части сада и бесцельно крутится на них то в одну, то в другую сторону. Позади нее находится выломанная часть забора, о которой родители ничего не знают. Несколько минут назад она вылезла через нее, придерживая зеленоватую панель обеими руками, чтобы на платье не осталось следов. Если б кто-то ее увидел, она сказала бы, что хотела посмотреть уточек на канале. Но настоящая причина была не в этом. Правда, в любом случае ее никто не увидел. Ни мама на кухне, ни люди на бечевнике. Никто не заметил. Они никогда ничего не замечают.

Девочка выбрасывает ноги вперед и начинает двигаться вперед-назад, поднимаясь все выше и выше в воздух. С каждым взмахом металлическая стойка качелей слегка вылезает из земли в том месте, где папа недостаточно прочно ее закрепил. Мама все время из-за этого стонет, все причитает, как это строитель не смог прочно укрепить детские качели. Дейзи поднимает лицо к солнцу. Если закрыть глаза, то можно поверить, что ты почти летишь, скользишь между прекрасными снежными горами или между сказочными замками, в которых живут принцы и принцессы. Наверное, здорово пролетать сквозь облака, как птица или самолет. Однажды Дейзи уже летала на самолете, но это было давным-давно, и она этого почти не помнит. А хотелось бы помнить. Хотелось бы сейчас взглянуть вниз, на дороги, дома и канал – и на саму себя, такую маленькую и такую далекую...

А потом кто-то стучит по кухонному окну. Ногтями по стеклу. Тук-тук-тук.

Шэрон открывает окно.

– Дейзи, – зовет она, – сколько раз тебе говорить, чтобы ты не

раскачивалась так сильно? Это опасно, если подумать, в каком состоянии эта штука.

Миссис Мэйсон стоит у окна до тех пор, пока ее дочь не замедляет своего раскачивания. Когда качели останавливаются, раздается высокий, как жужжание комара, звук. Шэрон его не слышит, потому что он для нее слишком высок. А вот Дейзи слышит. Она ждет, пока ее мама закроет окно и исчезнет на кухне, а потом засовывает руку в карман и достает оттуда маленький розовый мобильный телефон.

На экране новый текст:

«Мне нравится твое платье».

Дейзи осматривается широко раскрытыми глазами. Новый сигнал телефона:

«Я всегда рядом».

И снова:

«Не забывай».

Девочка слезает с качелей, возвращается к забору, быстро выскальзывает через дыру и смотрит вверх и вниз по бечевнику. На семьи, прогуливающиеся со своими собаками и детскими колясками, на группу подростков, курящих на скамейке, на тележку с мороженым и на машины, припаркованные по другую сторону моста. Затем убирает телефон в карман и возвращается в сад.

Она улыбается.

На полукруглой подъездной дороге к дому Нортхэмов я паркуюсь рядом с «Бентли» и ярко-красной «Каррерой»^[81]. Так же, как и «Усадьба у канала», этот новый поселок маскируется под старину, но на этом сходство заканчивается. Потому что все здесь сделано на гораздо более высоком уровне. Имитация трехэтажного дома в георгианском стиле^[82] покрыта штукатуркой кремового цвета и стоит на собственном участке, с оранжереей с одной стороны и отдельным гаражным блоком, замаскированным под конюшню, с другой. Изумрудные лужайки спускаются к реке, на которой слегка качается на волнах белоснежная, сверкающая хромом прогулочная лодка, пришвартованная у пристани. Такое впечатление, что ты находишься внутри цветного рекламного буклета.

Меня не удивляет, что дверь мне открывает горничная в черном платье и переднике, – более того, удивительно как раз то, почему хозяйева не пошли до логического конца и не завели себе гребаного дворецкого.

Женщина сопровождает меня в напоминающую пещеру гостиную, где с белой софы поднимается, чтобы поприветствовать меня, Мойра Нортхэм. Первое, что мне приходит в голову, – это мысль о том, что Барри Мэйсон – приверженец определенного женского типажа. Светлые волосы, шпильки, драгоценности и довольно неестественная одежда. Единственная разница в том, что Шэрон лет на десять моложе и покупает свои мини-юбки с анималистическим принтом в «Праймарке»^[83].

– Я слышала, что Джейми опять во что-то влип, – говорит Мойра, жестом предлагая мне сесть. Рядом с ней стоит большой стакан джина с тоником. Мне выпить она не предлагает.

– Мне кажется, что дело несколько серьезнее, чем просто «влипнуть», миссис Нортхэм.

Она беззаботно взмахивает рукой, и тонкие золотые браслеты на ее запястье звенят.

– Но, насколько я знаю, пока он еще ничего не *натворил*?

– Он связан с членами семьи, которая была замешана в деле с секс-грумингом^[84] в Восточном Оксфорде. Нам лишь только предстоит определить степень его участия.

– Я уверена, что вы ничего не сможете найти на Джейми. Он болтун. Любит трепаться с напыщенным видом, а когда доходит до дела, превращается в труса. В этом он весь в своего папашу.

Может быть, эта женщина и выглядит недалекой, но лучше охарактеризовать Барри Мэйсона невозможно.

– А вы знаете, что он встречался с Дейзи?

Мойра поднимает бровь. Нарисованную.

– Мой дорогой инспектор, я не знала даже о том, что он встречается с *Барри*. Мы с его отцом не так чтобы поддерживаем какую-то связь. Барри платит деньги на содержание Джейми – естественно, что мой адвокат позаботился об этом. Он переводит их на мое имя.

Я оглядываюсь вокруг. Зеркала, громадный плоский экран телевизора, выпендренные металлические светильники, вид на реку... Так вот куда идут денежки Барри. Их выдувает из дома месяц за месяцем по крайней мере в течение последних десяти лет. Мойра не сводит с меня глаз.

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете, инспектор, но это вопрос принципа. Барри меня бросил, а Джейми – его ребенок. И он не имеет

права ждать, пока Маркус раскошелится.

Я подозреваю, что Маркус думает точно так же, и уже во второй раз за день испытываю симпатию к Шэрон Мэйсон.

– У Барри есть право общаться с ребенком, но он им никогда не пользовался, – продолжает моя собеседница.

Я не могу в это поверить:

– Что, вообще никогда? А сколько лет было Джейми, когда вы расстались?

– Ему только исполнилось четыре.

Итак, Барри ушел от четырехлетнего малыша, который называл его папочкой. Которому он читал книжки, с которым играл, которого возил на спине и раскачивал на качелях.

Мойра все еще сверлит меня взглядом:

– И чтобы быть честной по отношению к моему малодостойному бывшему супругу, я должна сказать, что все это идеи Шэрон. Вся эта история про «начать с чистого листа». Хотя однажды я столкнулась с ней и Барри – в Лондонском зоопарке. Вы можете себе такое представить?

– Я знаю. Мне говорил Джейми. Он узнал отца.

Это на мгновение выбивает хозяйку дома из колеи.

– Неужели?.. Честно говоря, вы меня удивили. Он не видел Барри много лет.

– Вы, конечно, удивитесь, миссис Нортхэм, когда узнаете, насколько памятьвыми могут быть дети.

Женщина собирается с мыслями:

– Знаете, в тот день Джейми тащил меня смотреть гнездо паука – жуткий мальчишка! – и, как гром с ясного неба, вдруг появляется Шэрон с этой очаровательной малышкой... Отчаянно неудобно – вы только попытайтесь представить себе. И вот минут пять мы просто стояли и таранились друг на друга, пытаюсь сообразить, что сказать. А потом появился Барри, и она утащила его с такой скоростью, как будто мы были прокаженными. После этого случая я получила записку от Шэрон, в которой она *проясняла* – это ее собственное слово, – что они с Барри не хотят больше со мной встречаться и что детям так тоже будет лучше. Честно говоря, – продолжает Мойра, – я думаю, что настоящая причина всей этой ерунды насчет «чистого листа» заключается в том, что она не хочет, чтобы Барри появлялся здесь, даже для того, чтобы увидеть Джейми. Она хочет, чтобы он принадлежал только ей. Эта Шэрон никогда *не была сильна* в вопросах дележки. Ей не повезло – Барри, напротив, делиться *очень* любит. И щедро делит себя с окружающими. Если вы понимаете, о

чем я.

– А вы знаете, как они встретились?

– Давным-давно она была его секретаршей. В этой его строительной фирме. Я там тоже работала, пока не появился Джейми, после чего Барри нанял ее. Однажды я появилась там с младенцем в коляске и увидела эту потаскушку в узкой юбке, туфлях на шпильке и с серьгами размером с автомобильные колпаки в ушах. Я еще сказала Барри, что она была бы хорошенькой, если б так сильно не старалась ею быть. На тот момент она, кажется, была помолвлена. С каким-то механиком – то ли Терри, то ли Даррен, то ли что-то еще в этом роде. Но будущий жених был явно не способен обеспечить ей достойный, в ее понимании, уровень жизни, и мне кажется, она положила глаз на Барри сразу же, как только увидела его. Барри то, Барри се – мы даже шутили по этому поводу. Но в конце концов ей удалось затащить его в постель – потому что следующим, что я узнала, было то, что Шэрон заявила, что она беременна, и Барри потащили за... вы понимаете, о чем я... в суд по бракоразводным делам. Хотя я заставила его заплатить. Я имею в виду, за компанию. Он с самого начала все записал на мое имя – на тот случай, если прогорит, и я заставила его выкупить фирму по самой высокой рыночной цене. Ему пришлось залезть в колоссальные долги.

Что ж, а если еще принять во внимание алименты, то неудивительно, что у семьи Мэйсон напряженка с деньгами. Я делаю мысленную зарубку и вновь смотрю на Мойру. Уверен, что ее загар искусственный. Сиськи-то уж точно.

– Мне кажется, перемены для вас были довольно удачными. – Я обвожу рукой комнату.

Хозяйка смеется. Немного смущенно.

– Как материал для женитьбы Маркус намного превосходит Барри даже в его лучшие времена. И потом, секс его мало интересует.

Она разглаживает юбку на своих слишком заметных бедрах и смотрит на меня. В воздухе ощущается незаданный вопрос. Но у меня тоже есть свой женский типаж, и, поверьте, Мойра Нортхэм под него совсем не подходит.

Она смотрит сначала на свой маникюр, а потом на меня.

– Кроме того, у Маркуса уже имеется необходимый сын и наследник, так что у меня не было нужды еще раз портить фигуру.

Я улыбаюсь. Мойра сама напросилась.

– Вы сказали «заявила».

– Простите?

– Вы сказали, мол, Шэрон «заявила», что беременна. В действительности это было не так?

Моя собеседница разводит руки в стороны, и опять раздаётся звон браслетов.

– А кто знает... В конце концов, это самая старая уловка в мире, но вас, мужиков, ведь не изменишь! Боже, кажется, уже давно пора научиться не спускать штаны перед первой встречной... Я знаю только одно: прошло девять месяцев – и никакого ребеночка. В случае с Дейзи им даже пришлось прибегать к ЭКО^[85]. Так, по крайней мере, мне кто-то сказал. И это, наверное, тоже стало им в копеечку.

– А как вы полагаете, Дейзи не знала, что у нее есть сводный брат, что у нее есть Джейми?

– Если только Барри и Шэрон ей не рассказали, а это, как мне кажется, очень маловероятно. Что касается Шэрон, то она полностью – как это сказать? – ах да, отцензурировала жизнь Барри до того момента, как они встретились. Вплоть до того, что сейчас она утверждает, что стала встречаться с Барри уже после нашего развода. Что, как всем известно, *абсолютная неправда*.

– А Джейми знал о Дейзи?

Женщина краснеет, но под таким загаром это почти незаметно.

– Могу вас заверить, что я никогда о ней не упоминала. Не понимаю, как Джейми мог об этом узнать. Боюсь, этот вопрос вам придется задать ему.

– Обязательно. И я опять буду спрашивать его о том, где он находился, когда исчезла Дейзи Мэйсон. Потому что до тех пор, пока мы доподлинно это не выясним, боюсь, что мы не сможем исключить его из числа подозреваемых.

– Именно об этом я и хотела с вами поговорить. – Мойра улыбается. – Я не знаю, почему Джейми упрямится – может быть, он считает, что несколько дней в тюрьме придадут ему веса в глазах этих его неподходящих приятелей, – но дело вот в чем: я точно знаю, где он был во вторник во второй половине дня. Он был со мной.

– Это легко сказать, миссис Нортхэм, но...

– Я вас понимаю. У меня есть доказательства. Дело в том, что племянница Маркуса на следующей неделе выходит замуж, и мы были у моей ужасной свояченицы – репетировали. Есть даже фото, хотя, мне кажется, Джейми не поблагодарит меня за то, что я вам их показала. Он не любит, когда его видят в нормальных брюках. Одному богу известно,

удастся ли мне впихнуть его в визитку^[86]...

Мойра достает телефон, находит фото и передает мне девайс. Мельком я отмечаю про себя, насколько руки выдают ее возраст. Ее лицо гладкое от подтяжек, а вот руки – все в венах и в возрастных пятнах. Она достает из сумки салфетку, и я вижу, что сумка такая же, как у Шэрон. Только сейчас я готов поспорить, что это единственное, что есть подлинного у сидящей передо мной женщины.

– Итак, – она улыбается мне во весь рот, – теперь вы можете отпустить Джейми?

Я возвращаю ей телефон и поднимаюсь на ноги.

– Мне надо будет задать ему несколько последних вопросов. Думаю, что вы захотите при этом присутствовать. Я могу подвезти вас, или мы можем встретиться с вами в участке. После этого мальчик может быть выпущен под ваше поручительство. Так что уже сегодня вечером он может быть дома.

Миссис Нортхэм смотрит на часы – естественно, золотые.

– Сегодня вечером мы принимаем Андерсонов. Отменить это я не могу: Николас Андерсон – наш местный советник. Может быть, вы опять попросите этого социального работника помочь нам?

Как я уже сказал, Барри Мэйсон любит определенный типаж женщин.

Когда я наконец добираюсь до дома, Алекс уже спит. Открытая бутылочка с таблетками снотворного стоит на прикроватной тумбочке. Я механически беру ее в руки и пересчитываю таблетки. Из нас двоих Алекс всегда была сильнее. Или, по крайней мере, я всегда так думал. Помню, как мой свидетель на свадьбе сравнивал ее со скалой, и все присутствующие кивали и улыбались, отдавая должное той Алекс, которую знали. И я тоже знал ту Алекс, хотя мне и не нравится это избитое сравнение. И только в последние несколько месяцев я понял, насколько пугающе уместным оно оказалось. Потому что скалы не умеют меняться, они никогда не поддаются. И та Алекс, когда она столкнулась с непереносимым, просто превратилась в кучу обломков. Именно поэтому я пересчитываю таблетки от бессонницы. И забочусь о том, чтобы она никогда этого не заметила. Я не могу позволить ей думать, что вижу здесь какую-то связь. И не могу позволить ей думать, что вина лежит на ней. Она и так уже, и без этого,

чувствует себя ответственной за произошедшее.

Спустившись вниз, я наливаю себе большой бокал мерло и приношу диск в гостиную. На коробке изображение Дейзи, Дейзи в бассейне, улыбающейся в объектив камеры. Этот диск приготовлен ее собственной мамой, и уже поэтому он должен быть абсолютно невинным. Но я могу думать только о леденящей душу сказке. И о поздравительной открытке. Пока диск загружается, я читаю записку, приложенную к нему.

*Дом для престарелых «Хэйвен Вью»
Йидинг-роуд, Каршалтон
20 июля 2016 года*

Уважаемая миссис Мэйсон!

Благодарю вас за ваш вклад в «сундучок воспоминаний» Сэди. Коллекционирование предметов, которые связаны с какими-то особыми воспоминаниями или вызывают мысли о давно прошедших временах, оказывается очень эффективным способом стимуляции наших пациентов с болезнью Альцгеймера и помогает им восстанавливать утерянные связи с прошлым. К сожалению, должна сообщить вам, что именно этот предмет оказался не столь эффективным, как мы все надеялись. Мы показали фильм Сэди, и вначале она почти никак не реагировала на него, но когда мы дошли до места, где показана ваша маленькая дочь, Сэди очень сильно перевозбудилась и заговорила о ком-то по имени «Джессика». Она была так расстроена, что мы решили, что фильм, к нашему большому сожалению, приносит больше вреда, чем пользы. Мне очень жаль. Я возвращаю вам диск на тот случай, если вы сможете найти ему лучшее применение.

Искренне ваша,

Моника Хэпгуд (управляющая)

Значит, Шэрон Мэйсон не сообщила врачам своей матери, что у той было две дочери, а не одна.

Я беру пульт и нажимаю на кнопку «Воспроизведение». На чистом

голубом экране появляются буквы: *«Маме от Шэрон, Барри и Дейзи».*

Потом: «Глава первая. Свадьба Барри и Шэрон»

Звука нет. Раздается только какая-то слащавая наложенная мелодия, которую играют на свирели минуты три, а потом я убираю звук до минимума. Фильм начинается с фото Барри, в смокинге и с красной розой в петлице, и Шэрон, в облегающем цветном платье без лямок и в бриллиантовой тиаре, с охапкой красных роз в руках. Потом Шэрон идет по проходу в зале гостиницы. В комнате находится человек тридцать гостей, а на спинках стульев завязаны красные банты. Плакат на задней стене гласит: *«Счастливого Рождества 2005!»*, везде висят гирлянды плюща и падуба, и здесь же стоит рождественская елка. На записи Джеральд Уили гораздо полнее, чем на фото из газеты, – он ведет свою дочь тяжело, задыхаясь. Лицо у него фиолетового цвета. Сэди же, в отличие от него, похудела и постоянно дергается – то она открывает сумку, то касается шляпки или корсажа. Неужели уже тогда у нее были видны ранние признаки старческой деменции? Съемки официальной части, а потом приема. Барри произносит речь, молодожены разрезают пирог... На заднем плане виден Джеральд Уили. Он не улыбается.

«Глава вторая. Первый день рождения Лео»

Лео сидит на кухне, в высоком голубом стульчике, и это не кухня на Барж-клоуз. В одной руке он держит желтую пластмассовую ложку, которой колотит по подставке стула. На подбородке у него какое-то пюре. Камера панорамирует, и теперь видна Шэрон, у которой в руках торт с одной свечкой. Торт в форме льва. Она ставит его перед Лео, и тот сначала смотрит на него, а потом протягивает ручку к пламени. Мать хватается его за руку. Выглядит она усталой. Кто-то – по-видимому, Барри – задувает свечу. Лео начинает плакать.

«Глава третья. Крещение Дейзи».

Совсем зимняя погода. Перед церковью неловко стоит группа людей, старающихся спрятаться от ветра. На руках у Шэрон ребенок, плотно закутанный в шаль. На Сэди то же самое пальто, которое было на ней на свадьбе. Джеральд опирается на палку. Здесь же стоит еще одна пожилая пара – вероятно, родители Барри. Сам он держит Лео за руку. Маленький мальчик одет в костюм и галстук, у него приглажены волосы, и он пытается вырвать свою руку, а потом, судя по всему, рыдает. Видно, что Шэрон раздражена, но на ее губах быстро появляется улыбка, как только камера поворачивается к ней и к младенцу. Она поднимает головку девочки, чтобы мы могли ее рассмотреть.

«Глава четвертая. Летние каникулы и еще один день рождения».

Все происходит за границей, в Алгарве^[87] или где-то в Испании. Мы видим Шэрон в бикини и туфлях на высоких каблуках; она прогуливается вдоль бассейна отеля, время от времени останавливаясь и выставляя бедро, как на конкурсе красоты. Под левой коленкой у нее татуировка – я внимательно разглядываю ее, пока не понимаю наконец, что это маргаритка. В какой-то момент она останавливается спиной к зрителям, смотрит через плечо, подмигивает камере и посылает воздушный поцелуй – в стиле Мэрилин^[88]. Шэрон в отличной форме, и кажется, что она когда-то уже делала это на профессиональном уровне. У нее загорелая кожа, и она улыбается. Явно счастлива. Камера переходит на Дейзи, одетую в розовую шляпу с висячими полями и хлопающую в ладоши. Потом мы видим Барри с Дейзи в бассейне. Он держит ее за талию, подняв высоко над головой, а потом планирующим движением опускает ее в воду. Так повторяется несколько раз. Девочка визжит от восторга. Потом Шэрон в белом хлопковом платье, с болтающимися серьгами, сидит в шезлонге и открывает подарки ко дню рождения. Эпизод заканчивается видом Дейзи, нетвердо ковыляющей к камере. В руках она держит плакат с надписью: «Я люблю тебя, мамочка».

«Глава пятая. Рождество»

Быстрая панорама на елку (искусственную) с горящими гирляндами. Судя по тусклому освещению, дело происходит ранним рождественским утром. Дверь открывается, и в комнату входит Дейзи. Ей года четыре, и она пугающе похожа на Джессику. Я думаю, уж не в этом ли месте им пришлось выключить фильм? Дейзи озорно поглядывает в объектив, как будто знает, что не должна показать, что камера здесь. Потом она замечает велосипед, который прислонен к елке и украшен розовыми бантами. Следующие кадры показывают обоих детей, окруженных горами упаковочной бумаги. Дейзи что-то говорит в камеру, один за другим показывая полученные подарки и рассказывая, что это такое. Лео сидит сбоку от нее, на камеру не смотрит и методично открывает подарок за подарком. На записи видно, что не все они предназначены для него. Следующий эпизод начинается с панорамы одноквартирного дома, постройки 60-х, и гаража с синими воротами, который слишком мал для современных автомобилей. Сначала я вижу Дейзи на новом велосипеде, которая едет прямо на меня, а потом – обоих детей, одетых в меховые шапки и перчатки, играющих в снежки с Барри. Дейзи невероятно мила в своих крохотных угги. В какой-то момент Барри в снегу борется с Лео – они с хохотом катаются по земле, но потом мальчик вырывается и с плачем

бежит на камеру. Затем на экране вновь появляются двое детей, которые водят хоровод вокруг снеговика. При этом Дейзи аккуратно приминает на нем снег, а Лео, который идет в нескольких футах за ней, нарочно вырывает из него комки небольшой красной лопаткой.

«Глава шестая. Летние каникулы».

Небольшой городской садик, скорее всего в том же доме. Выгоревшая коричневатая трава. За домом, позади забора на заднем дворе, виднеется какое-то промышленное здание – видимо, навес над бензозаправочной станцией. Или мне это просто кажется, потому что я ежедневно видел такой навес в течение первых пятнадцати лет своей жизни. Нерезкая съемка Мэйсонов выглядит как пародия на мое собственное прошлое. Появляется Барри в тесных черных плавках, которые ничего не скрывают, выпятив грудь и уперев руки в бока. Создается впечатление, что он намазался маслом. Мы видим, как Барри поднимает гантели и принимает позы, демонстрирующие его мускулатуру. Затем угол съемки меняется, и перед нами возникает Шэрон в плохо сидящем на ней предмете туалета, похожем на кафтан. В руках у нее напиток с соломинкой, украшенный бумажным зонтиком; она поднимает бокал, но выглядит вялой и здорово располневшей. Камера переходит на Джеральда Уили, который сидит рядом, в шезлонге, застыв в шерстяной кофте, рубашке и галстук. Потом наступает очередь Дейзи, которая сидит на коленях у своей бабушки. Ощущение такое, что ей неудобно и она чувствует себя не в своей тарелке. Странно видеть подобное выражение на лице у столь крохотного ребенка. Камера еще раз меняет ракурс, и теперь мы видим Лео в лягушатнике, который монотонно шлепает руками по поверхности воды – эти повторяющиеся движения, очевидно, не доставляют ему никакой радости. Когда Шэрон подходит, чтобы вытащить его из воды, он начинает орать, и я вдруг понимаю, что Лео еще ни разу не посмотрел прямо в объектив камеры.

Отправлено: Воскресенье 24/07/2016, 10:35

Важность: Высокая

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk

Относительно: Дело № 372844 Мэйсон Д.

В приложении направляю вам результаты криминалистического осмотра черного «Ниссана Навара», принадлежащего Барри Мэйсону. Осмотреть машину Шэрон Мэйсон не представляется возможным, так как она была практически уничтожена огнем.

Резюме:

Внутренние и внешние части пикапа были проверены на наличие на них крови и других вещественных улик. В результате ничего подобного найдено не было. В кузове также не было никаких следов крови или ДНК. Если в нем и перевозили тело, то оно было тщательно запаковано в какой-то плотный материал. Я обратил внимание на то, что мистер Мэйсон имел в своем распоряжении широкий выбор светоотражающей и защитной одежды, которая обычно используется на строительных площадках. Теоретически тело можно было упаковать в эту одежду, хотя куртка, найденная в кабине, для этих целей точно не использовалась – на ней есть только ДНК Барри Мэйсона. В машине также находились каска и пара черных защитных ботинок со стальными носами, но на них тоже только его ДНК. В доме были и другие светоотражающие предметы одежды, однако урон, нанесенный им огнем, сделал их бесполезными для сбора вещественных доказательств. В машине не обнаружено никаких следов недавней уборки (скорее наоборот). На сиденьях были обнаружены ДНК Барри, Шэрон, Дейзи и еще одного неизвестного лица мужского пола, предположительно Лео Мэйсона. Биоматериал последнего состоял в основном из обкусанных ногтей, по размеру соответствующих детской руке. Остальной биоматериал состоял из волос и чешуек кожи, хотя на заднем сиденье были обнаружены вагинальные выделения еще двух неизвестных женщин, а также микроскопические следы семенной жидкости Барри Мэйсона.

Нас ждало лишь одно неожиданное открытие. Мы не делали забор ДНК у Лео Мэйсона, но, судя по остаткам ногтей, я могу категорически утверждать, что он никак не связан с остальными членами семьи. Лео не является биологическим сыном Мэйсонов.

– Так почему же вы не сказали нам, что Лео – не ваш сын?

Я стою в камере Барри Мэйсона. За окнами слышны колокола на

башнях колледжей^[89], каждый из которых отбивает свое собственное время. Вот одна из лучших характеристик этого города – из всех, которые могут прийти вам в голову. Барри лежит на кровати, на спине, подтянув колени. Ему срочно нужно принять душ. А мне нужен срочный укол в мозг. Потому что я не могу поверить, что мне понадобилось столько времени, чтобы все выяснить. Ведь Лео совсем не похож ни на одного из своих родителей. Но если даже забыть про это, то даты должны были мне все рассказать. Они поженились в 2005 году, а Лео сейчас десять лет. Значит, на свадьбе Шэрон должна была быть уже беременной на приличном сроке. Что явно не соответствует действительности.

Барри садится и запускает руку в волосы, а потом опускает ноги на пол.

– Я не думал, что это вас как-то касается, твою мать, – произносит он в конце концов, но видно, что боевой дух из него уже вышел. – Потерялась ведь Дейзи, а не Лео. – Чешет спину и поднимает глаза на меня. – Мне что, общаться с вами без адвоката?

– Это никак не связано с порнографией. Но вы можете вызвать ее, если хотите. Кстати, мы получили продление – теперь мы можем держать вас на двадцать четыре часа дольше, прежде чем предъявим вам обвинения.

Заклоченный какое-то время задумчиво смотрит на меня, а потом вздыхает.

– Ладно, будь по-вашему.

– Так почему вы решили усыновить ребенка? Вы же явно можете иметь своих собственных.

– Но тогда мы об этом не знали, понятно? Послушайте, я ведь попросил Мойру о разводе лишь потому, что Шэрон была беременна, но потом она потеряла ребенка, и у нее снесло крышу. Доктора сказали, что она, возможно, не сможет зачать – единственным выходом было ЭКО, но и здесь шансы были против нас. Сказали, что нам сильно повезет, если эта штука приживется. Поэтому мы решились на усыновление.

– Но ЭКО вы все равно сделали – так, на всякий случай?

– Именно.

– Сколько лет было Лео, когда вы его усыновили?

– Месяцев шесть.

– Вам повезло. В наше время трудно найти детей на усыновление.

Барри отворачивается.

– Мистер Мэйсон?

– Если это так уж важно, то нас предупредили, что у него могут быть проблемы. Но когда мы увидели его, с ним все было в порядке. Очень

милый малыш. И сразу же потянулся к Шэрон.

А та отчаянно хотела ребенка – она до смерти хотела привязать Барри к себе, чтобы он не передумал и не вернулся к Мойре. И к деньгам. И к собственному сыну.

– А потом Шэрон в конце концов забеременела, – говорю я.

– Мы с трудом в это поверили. Вот уж воистину «ошиблась со временем»... Это произошло всего через несколько недель после усыновления. Но было уже слишком поздно. Мы не могли просто так вернуть его.

Я не могу поверить себе, что все это слышу.

– А о каких проблемах шла речь?

– Простите?

– Вы упомянули, что вам сказали, что у Лео проблемы.

– Они только сказали «могут быть». Он был слишком мал, чтобы говорить об этом. Все могло быть абсолютно нормально. И все так и было – пока Лео был маленьким. Он был всегда спокоен и не доставлял нам больших хлопот. Совсем не как Дейзи – в постель ее укладывали с большими проблемами. Могла орать часами – выводила нас обоих из себя. И только позже, когда Лео исполнилось не то четыре, не то пять, с ним стало происходить... происходить что-то странное.

– А когда вам говорили о том, что у него могут быть проблемы, вам не объяснили, почему?

– Очевидно, его мать сидела в тюрьме и не могла правильно приглядывать за ним. У нее были проблемы с алкоголем – знаете, как это бывает... Именно поэтому его и предложили на усыновление.

Я глубоко вздыхаю. Тогда это многое объясняет. Его неуклюжесть, резкие изменения настроения... И то, что я видел собственными глазами всего два дня назад. Вопрос в том, все ли это? Нет ли чего-то еще?

– А что говорит ваш врач?

– У Шэрон нет на него времени, – фыркает Барри. – Она говорит, что он везде сует свой нос. По ее мнению, Лео просто немного замедлен в развитии, и ни один доктор не может ее в этом разубедить. Она говорит, что то, как мы воспитываем наших детей, никого больше не касается.

И это понятно. В самую последнюю очередь Шэрон хочет, чтобы «они» думали, что она воспитывает «неидеального» ребенка. Или что ей пришлось пойти на усыновление, чтобы завести его.

– И все эти его проблемы в школе – издевательства, приступы внезапной жестокости...

Барри выглядит измученным.

– Лео надо научиться защищать себя, вот и всё. Не надо быть такой тряпкой. Послушайте, все не так плохо, как кажется. Честное слово. Большую часть времени вы вообще ничего не заметите. Он хороший парнишка. Послушный.

– Был до недавнего времени.

– Ну-у-у... да.

– А вы не знаете, почему он изменился? Что послужило толчком?

– Не имею ни малейшего представления.

– А он знает, что вы его усыновили?

– Нет, мы ему ничего не говорили.

Я считаю до десяти.

– А вам не кажется, что вы немного опоздали с этой информацией? Лео ведь все равно это выяснит, и чем он будет старше, тем ему будет тяжелее.

Мне самому это прекрасно известно. Потому что мои родители так и не сказали мне, что я не их биологический ребенок, и мне приходится жить с этим последние тридцать лет. Когда выяснил это, я был ненамного старше, чем Лео теперь, – я рылся в ящиках отцовского стола, в которых мне нечего было делать. Слишком любопытные редко узнают о себе что-то хорошее. Но промолчал я совсем не поэтому: я инстинктивно понял, как это иногда бывает у детей, что эту тему я поднимать не должен никогда – и не делаю этого до сих пор.

– Не ко мне вопрос, приятель, – пожимает плечами Барри. – Спорить по этому вопросу с Шэрон бесполезно. Можете мне поверить.

Выйдя из камеры, я в отчаянии бью рукой по стене – и ушибаю кисть. Я все еще трясу ею от боли, когда звонит мой телефон. Это Эверетт.

– Я хотела позвонить вам вчера вечером, – говорит она, – но испугалась, что уже слишком поздно... Послушайте, я все время думаю о Лео. И я вспомнила то письмо от врача, в котором он говорит, что Лео приходил на регулярный осмотр. Странная фраза – такое впечатление, что Лео ходит на них постоянно... Но это же ненормально, правда? И доктор этот был какой-то скользкий – все эти разговоры в конце письма насчет необходимости разрешения на получение информации о семье... Я думаю, что он пытался что-то сказать нам под этой маской молчания.

Значит, она тоже до этого дошла... Она умница, эта Эверетт. Далеко пойдет.

– Сегодня утром я получил почту от Чаллоу, – говорю я. – В машине обнаружены доказательства того, что Лео был усыновлен.

– Боже, и они нам ничего не сказали?!

– Только не начинай. Это ничего не значило бы, если б больше ничего не было. Но есть кое-что еще.

И я рассказываю Верити все, что сообщил мне Мэйсон.

– Гадство, – говорит она, а потом быстро добавляет: – Вчера, когда я сидела с Лео, он сказал, что все это «его вина», а когда я спросила его, что он имеет в виду, мальчик мгновенно закрылся. Сегодня же утром, когда я вышла из душа, то нашла его под кроватью. Он сказал, что что-то потерял под ней, а чтобы было легче искать, зажег спичку. Нижняя часть матраса уже тлела. Чудо, что все здесь не полыхнуло... Лео сказал, что нашел спички в ящике.

Теперь уже моя очередь говорить: «Гадство».

Страничка в «Фейсбуке» «Найти Дейзи Мэйсон»

Никаких новостей о Дейзи нет, несмотря на активные поиски полиции в районе ее дома. Полиция допросила ее родителей, а сейчас есть сведения, что неизвестный подросток «помогает в расследовании». Если вы живете в районе Оксфорда и видели что-то подозрительное во второй половине дня и вечером во вторник, 19 июля, то, пожалуйста, пожалуйста, позвоните в полицию. Человек, с которым надо связаться, – инспектор Адам Фаули, его телефон 018650966552. Это особенно важно, если вы уезжали в отпуск и еще не знаете наши последние новости.

Джейсон Браун, Хелен Финчли, Дженни Смайл и 285 таких же, как мы.

ТОП КОММЕНТАРИЕВ

Дора Брукс Мы только что вернулись после нескольких дней отсутствия и увидели эти ужасные новости. Я не знаю, что мне делать. Я видела, как мужчина что-то положил в мусорный контейнер на нашей улице. Это было в тот самый день, 19-го, во второй половине дня. Мы живем где-то в миле от «Усадьбы у канала». Число я не путаю, потому что это случилось как раз в день нашего отъезда. Мужчина был одет в один из этих ярко-желтых защитных костюмов и каску. У нас здесь столько строительства, что в тот момент я не обратила на это внимания. Но теперь задумалась – а вдруг это имеет какое-то отношение к исчезновению Дейзи?

Я сходил туда и посмотрела – дом пустой, и на площадке никого нет. Такое впечатление, что стройка даже не начиналась, но тогда откуда там мог взяться рабочий? Что вы думаете по этому поводу, люди? Тогда я не рассмотрела, что он положил в контейнер, так что, может быть, я зря волнуюсь... И мне не хочется занимать время полиции.

24 июля в 16:04

Джереми Уолтерс Мне кажется, что вы должны немедленно позвонить в полицию.

24 июля в 16:16

Джули Рамсботам Я согласна – и не бойтесь побеспокоить полицию! Уверена, что они будут благодарны. Тогда они смогут все проверить.

24 июля в 16:18

Дора Брукс Спасибо вам обоим – обязательно позвоню.

24 июля 16:19

Ричард Доннелли живет в большом доме, построенном в 30-х годах совсем рядом с Вулверкуотом. Этот дом очень похож на дом Рахия, если отбросить упадок, наркотики и состояние общей мрачности последнего. Подъезжая, я вижу, как доктор вынимает багаж из машины. У него изможденный вид человека, который наслаждался прекрасным двухнедельным отпуском в компании трех малолетних детей.

Когда я представляюсь, он немедленно настораживается.

– Я уже сказал вам, инспектор, что не могу раскрыть вам информацию о семье Мэйсонов без соответствующего разрешения.

– Я знаю, доктор Доннелли. И не прошу вас об этом. Давайте так – я расскажу вам все, что мы уже знаем, а потом попрошу вас дать мне некоторые разъяснения. Просто общую медицинскую информацию, не больше. Ничего, что напрямую касалось бы Мэйсонов.

Мужчина задумывается:

– Ладно, это я как-нибудь переживу. Почему бы вам не зайти, а я попрошу жену приготовить нам чай... Не знаете, почему за границей невозможно получить хоть мало-мальски приличного чая?

– Это все из-за молока, – заявляю я и понимаю, что мои слова звучат в точности как у Шэрон Мэйсон.

Сад на заднем дворе отчаянно нуждается в поливке и в стрижке травы, но в беседке стоит скамейка, которая смотрит прямо на Порт-Мидоу. С нее я могу видеть пятерых лошадей кремового цвета, с разбросанными по шкуре коричневыми пятнами. Они стоят так неподвижно и так идеально с точки зрения композиции, что кажутся нереальными. Но вот одна из них взмахивает хвостом, и иллюзия исчезает. Однажды мы возили Джейка к этим лошадям, поскольку кто-то в конторе у Алекса сказал, что одна из кобыл родила жеребенка. Ему было всего два или три дня, ноги у него разъезжались, но он уже пытался взмахивать хвостиком. Мы с трудом оторвали от него Джейка.

– Я и не думал, что вы так близко от Мидоу, – замечаю я.

– Зимой из комнаты моего сына можно видеть шпили города, – хвастается Доннелли, ставя на стол две чашки.

Я жду, пока он нальет чай, и начинаю:

– Сейчас мы знаем две вещи, о которых не подозревали, когда констебль Эверетт впервые с вами связалась. Первая – это то, что Лео Мэйсон был усыновлен. Вторая – то, что его биологическая мать была алкоголичкой.

Медик молчит, но по выражению его лица я понимаю, что для него это, в отличие от меня, никакие не новости.

– Итак, доктор Доннелли, что вы можете рассказать мне об отдаленных последствиях фетального алкогольного синдрома?^[90]

Ричард с подозрением смотрит на меня:

– Чисто теоретически?

– Абсолютно.

– Только не говорите мне, что вы не смотрели в «Гугле». – Врач ставит чашку на стол.

– Смотрел, конечно, но хотел бы услышать это от вас.

– Ну ладно. Вот вам официальная версия. Как вы уже, наверное, поняли, признаки от ребенка к ребенку могут сильно различаться, но общим знаменателем в большинстве случаев является поражение нервной системы. Это вызывает проблемы с обучаемостью – от легких до очень серьезных. Бывают и осложнения физиологического характера – гормональные или с такими внутренними органами, как печень и почки. – Доннелли ненадолго замолкает. – Синдром раздраженного кишечника – это тоже один из симптомов. Он редко, но случается.

«Нука-тошнотик, – думаю я. – Какими же безжалостно

наблюдательными могут быть дети!»

– Наиболее часто встречающийся физический индикатор находится вот здесь. – Мой собеседник подносит руку к лицу. – Вот этот желобок от носа к верхней губе. Его еще иногда называют подносовым. У детей с ФАС он недоразвит. И это очень заметно, если знаешь, куда смотреть.

Я заметил это у Лео практически сразу же во время нашей первой встречи. Но не знал всей важности этого. По крайней мере, не тогда.

– А есть какой-нибудь тест для определения? Я имею в виду, физиологический.

– Нет, окончательного теста не существует. И это может еще больше усложнить проблему. ФАС часто путают с аутизмом или синдромом дефицита внимания и гиперактивности^[91]. Это делают даже опытные врачи, потому что поведение иногда практически одинаковое – дети с ФАС тоже могут быть гиперактивными, а координация у них может быть нарушена. У них те же проблемы с эмпатией, поэтому они часто испытывают сложности в установлении отношений с другими людьми. Особенно в группах.

– То есть подобные дети могут часто становиться мишенями для издевательств?

– К сожалению, да. И разобраться с этим им бывает сложно. Они не умеют продумывать последствия своих действий и часто поступают импульсивно, что может лишь усложнить и так непростую ситуацию.

Попытаться выколоть глаз карандашом, например...

– Эти дети нуждаются в колоссальной поддержке, – вздыхает Доннелли. – Им необходима стабильная обстановка в семье и наличие специально обученных специалистов, которые помогут им освоить некоторые приемы, чтобы в дальнейшем успешно разбираться со своими проблемами. И через это невозможно перепрыгнуть, инспектор. Перед родителями детей с ФАС лежат годы терпеливого и прилежного воспитания. А это может быть очень изматывающим и неблагодарным занятием.

– А что, если дети не получают необходимой поддержки, что, если их родители отказываются признать существование проблемы?

Медик смотрит на меня, но потом отворачивается:

– Иногда проходит очень много времени, прежде чем появляются первые симптомы. И в таких случаях родители не хотят делать окончательные выводы – кому хочется, чтобы его ребенок вечно носил клеймо? Я бы продолжил внимательно наблюдать за ребенком и посоветовал бы родителям обратиться к районному педиатру – когда и если

бы это показалось мне целесообразным и необходимым.

– А если родители от этого отказываются?

– Для большинства здоровье детей стоит на первом месте. – Доктор краснеет.

– Но родители *могут* отказаться?

Ричард кивает.

– И что происходит тогда? – продолжаю я расспросы.

– Если б – чисто теоретически – я оказался в подобной ситуации, то продолжил бы наблюдения и, возможно, связался бы со школьной медсестрой. Я также потратил бы время – столько, сколько его потребовалось бы – на то, чтобы разъяснить родителям, как важно, чтобы ребенок как можно скорее получил профессиональную медицинскую помощь. Я подчеркнул бы, что отдаленные последствия подобного их отношения могут быть катастрофическими: наркомания, приступы неоправданной жестокости, сексуальная распущенность. В США существует ужасная статистика – они, как всегда, намного обогнали нас в этом смысле. Однажды я читал доклад, в котором говорилось, что у людей с ФАС в девятнадцать раз больше шансов оказаться за решеткой, чем у людей нормальных.

И это опять подтверждает мои худшие опасения.

Я встаю, чтобы идти, но доктор еще не закончил.

– Инспектор, – говорит он, глядя мне прямо в глаза, – дети с ФАС очень часто имеют необычно высокий болевой порог. Поэтому иногда у некоторых из них можно заметить, что все свое разочарование и всю свою злобу они направляют против самих себя. Другими словами...

– Знаю, – отвечаю я, – они занимаются членовредительством.

Куинн как раз выключает компьютер, когда раздается телефонный звонок. Он прижимает трубку к уху и продолжает закрывать программы, почти не слушая говорящего. Неожиданно выпрямляется и берет трубку в руку.

– Повторите. Вы в этом уверены? – Шарит по бумагам в поисках ручки. – Адрес? Лофтон-роуд, номер двадцать один... Записал. Вызывайте криминалистов, я встречу с ними прямо там. Да, я не забыл, что сегодня гребаное воскресенье!

Он встает, хватается пиджак и исчезает.

Подъезжая к дому, я слышу сигнал телефона, сообщающий о том, что на мое имя поступила почта. Открыв файл, просматриваю его, а потом звоню Эверетт:

– Ты можешь доставить Лео Мэйсона в Кидлингтон завтра в девять утра? Нам понадобится Дерек Росс как необходимый взрослый^[92], поэтому позвони ему и все организуй – скажи, что ты очень сожалеешь, но это не обсуждается. Что касается Шэрон, то она может наблюдать по телевизору – если, конечно, захочет, – но в комнате ее быть не должно. Если захочет пригласить адвоката – ради бога; я не собираюсь спорить с ней из-за таких мелочей. Ты тоже должна быть обязательно. Если Лео кому-нибудь и верит – то это тебе.

Я уже вылезая из машины, когда телефон звонит опять. Слова, произнесенные в панике, можно разобрать только с большим трудом.

– Спокойнее, где она? В какой больнице? – уточняю я. – Ладно, не волнуйся. Мы со всем справимся. Думай только о Джанет.

Я заканчиваю разговор и несколько мгновений стою неподвижно. А когда вхожу в гостиную, Алекс поднимает на меня глаза и спрашивает, почему я плачу.

Когда Куинн появляется на Лофтон-роуд, там уже собирается толпа. Один криминалист разматывает бело-голубую ленту перед въездом на подъездную дорогу, а еще двое по одному достают предметы из мусорного контейнера. Старые стулья, рулоны гниющего коврового покрытия, разбитые напольные весы, листы измятого гипсокартона... Один из патрульных направляет Гарета к маленькой женщине средних лет в мешковатом платье и черных легинсах, стоящей за лентой. Волосы у нее собраны в неопрятный узел на затылке – это одна из тех женщин, которые отращивают волосы, но так ничего с ними и не делают. Выглядит она очень взволнованной и начинает говорить еще до того, как Куинн приближается к ней:

– Знаете, констебль, это я вам звонила. Жаль, что я ничего не знала о Дейзи раньше, – ужасно неудобно, что мне потребовалось столько времени, чтобы связаться с вами, но в летнем домике у нас нет телевизора, и Интернета на телефоне у меня тоже нет. Это ведь так дорого – правда? – да и сигнала в Эксмуре^[93] не дождешься...

– Если не ошибаюсь, мисс Брукс? – уточняет Гарет, доставая свой планшет. – Как я понимаю, во вторник, во второй половине дня, вы видели, как мужчина положил что-то в мусорный контейнер. А когда точно это произошло, не припомните?

– Ой, мне кажется, где-то часов в пять... Мы хотели уехать пораньше – дорога неблизкая, – но мне пришлось забрать вещи из химчистки, а там была очередь, а потом еще какие-то дела навалились...

«Боже, – думает Куинн, – да замолчит она когда-нибудь?»

– Значит, во вторник, около пяти, – прерывает он женщину. – А как он выглядел, этот мужчина?

– Как я уже сказала другому офицеру, он был в ярко-желтом пластике, который они носят...

– В светоотражающей одежде?

– Да, совершенно точно. Куртка и каска, и даже маска на лице, знаете, такая белая, которые они надевают перед пескоструйной чисткой... Парень, который снимал покрытие с потолка у нас в ванной, тоже был в такой. Мне бы сразу сообразить, что все это выглядит немного странно – правда? – и связаться с вами... Я так беспокоюсь, что это могло сыграть какую-то роль – но вы же так не думаете, ведь верно?

– А вы можете его описать? Рост, вес?

– Ну знаете, все какое-то среднее... Он был закрыт контейнером, так что я не так уж много видела.

– Ладно... А вы запомнили, что он туда положил? Ну хоть какие-то детали?

– Боюсь, что в тот момент мне было не до запоминаний, офицер. Фоби – это наша чихуахуа – она все время лаяла, потому что не любит ездить в машине, и Элспет пыталась ее успокоить, а тут еще какой-то ужасный молодой человек показал мне грубый жест, когда я возвращалась из химчистки, потому что я посигналила ему, когда он переходил дорогу на зеленый сигнал... Мне кажется, это неправильно, а вам? У меня было полное право...

– Контейнер, мисс Брукс.

Женщина на минуту задумывается.

– Ну знаете, все, что я могу сказать, – что бы это ни было, он нес

сверток в одной руке; значит, там не было ничего тяжелого. И оно было во что-то завернуто, в этом я уверена. Хотя это точно был не пластиковый пакет. Потому что это не отражало свет. Я хорошо помню, что обратила на это внимание.

И вот тут от бесспорного презрения Куинн переходит к раздраженному восхищению этой трепачкой. Это чувство растет и крепнет, когда один из криминалистов подзывает его и достает что-то из контейнера. Нечто достаточно легкое, чтобы можно было поднять одной рукой, и плотно завернутое в газетные листы.

Когда я добираюсь до больницы Джона Рада, уже почти темно. Я трачу десять минут на то, что кругами езжу по территории в поисках нужного мне отделения, а потом еще десять – на поиск парковки. Внутри здания коридоры пусты, и в них лишь изредка можно натолкнуться на усталую медсестру или уборщицу, толкающую перед собой тележку с тряпками и моющими средствами. На втором этаже заботливого вида женщина на посту медицинской сестры спрашивает меня, чей я родственник.

– Я не родственник, но у меня есть вот это.

Она смотрит на мое удостоверение, а потом устало поднимает глаза на меня.

– У нас что, инспектор, проблема, о которой мы еще не знаем?

– Нет-нет, ничего подобного. Отец – мистер Гислингхэм – работает у меня. Я просто хочу узнать, как Джанет.

– А, тогда понятно, – говорит женщина, успокаиваясь. – Знаете, боюсь, что мы пока еще ни в чем не уверены. Сегодня днем у нее были сильные боли в животе и кровотечение, поэтому она на какое-то время останется у нас.

– Она может потерять ребенка?

– Надеемся, что нет, – отвечает медичка, но по ее лицу видно, что она говорит неправду. В возрасте Джанет шансы сохранить беременность, по-видимому, не очень высокие. – Мы просто пока не знаем. На этом этапе мало что можно сделать – ей просто должно быть спокойно и удобно, и мы все должны надеяться на природу-матушку. Хотите увидеться с мистером Гислингхэмом? Вы же потратили время, чтобы сюда добраться...

Я не знаю, что ответить. В родильном отделении я последний раз был

в день рождения Джейка. У нас есть видео того момента – крохотное напряженное личико, делающее первый вздох в жизни, крохотные, сжимающиеся и разжимающиеся ручки и поросль черных волос, которые так никуда и не исчезли, хотя нам говорили обратное. Я спрятал пленку на чердаке. Не могу выносить вида счастья. Его невероятной хрупкости.

Сестра внимательно смотрит на меня, и на лице у нее появляется выражение беспокойства.

– С вами всё в порядке?

– Простите. Просто устал. Мне не хочется его беспокоить.

– Когда я смотрела в последний раз, ваш коллега крепко спал в кресле.

Но давайте заглянем еще. Может быть, он обрадуется дружескому лицу...

Я иду вслед за медсестрой по коридору, стараясь не смотреть на койки и на ошеломленных новоиспеченных отцов. Джанет лежит в отдельной палате. Заглянув туда через стеклянную дверь, я вижу, что шторы опущены и она спит, положив одну руку на живот, а другой сжимая одеяло. Гислингхэм сидит на стуле в ногах кровати, и его голова откинута на спинку. Выглядит он ужасно – лицо серое, изборожденное морщинами.

– Я не буду его беспокоить. Это никому ничего не даст, – говорю я.

– Хорошо, инспектор, – соглашается медичка с доброй улыбкой, похлопывая меня по руке. – Я обязательно скажу ему, что вы приезжали.

Она явно на своем месте – все хотели бы иметь такую женщину под боком, когда у вас рождается ребенок. Или когда вы его теряете...

16 апреля 2016 года, 10:25

94 дня до исчезновения

Торговая улица, Саммертаун, Оксфорд

Азим Рахия сидит в машине перед банком. На противоположной стороне дороги, в кафе «Старбакс», полно субботних покупателей. За одним из столиков Азиму виден Джейми. Перед ним стоит чашка, а у ног лежит парусиновая сумка. Подросток барабанит пальцами по столу и поглядывает на двери. Рахия прикуривает сигарету и опускает окно. На противоположной стороне улицы дверь кофейни открывает мужчина лет сорока пяти, в узких джинсах и кожаной куртке. Он говорит по мобильному, при этом сильно жестикулируя. Две женщины за угловым

столиком обращают на него внимание, когда он проходит мимо. Мужчина слегка расправляет плечи. Нортхэм не отрываясь смотрит, как он заканчивает разговор, садится за стол и набрасывает куртку на спинку стула. Азим не имеет ни малейшего понятия, о чем они говорят, но ему очевидно, что что-то идет не так. Мужчина все время отрицательно трясет головой. Похоже на то, что подросток спрашивает: «Почему?» Потом оба надолго замолкают. Мужчина встает и показывает на чашку на столе перед Джейми. Тот отрицательно качает головой. Мужчина пожимает плечами, а потом поворачивается и идет к прилавку, где пристраивается к очереди покупателей. По дороге он притормаживает, чтобы перекинуться словом с женщинами за угловым столиком.

Азим видит, как Нортхэм выуживает мобильник мужчины из кармана его куртки. Затем поднимает глаза, чтобы убедиться, что мужчина не следит за ним, слишком погруженный во флирт с женщинами в углу. Какое-то время он жмет пальцами на экран. Потом улыбается. Недоброй улыбкой. Кладет телефон на место и, когда мужчина через несколько минут возвращается к столу, встает. Мужчина делает слабую попытку заставить его сесть, но Джейми отмахивается от него. Он берет свою сумку и проходит между столиками к дверям. Выйдя на улицу, на мгновение останавливается, чтобы прикурить сигарету, а потом, увертываясь от проезжающих машин, перебегает через дорогу. Азим видит, как мужчина в «Старбаксе» откидывается на спинку стула, глубоко вздыхает и берет кофейную ложечку. Он явно испытывает облегчение.

Джейми стучит по стеклу машины. Рахия наклоняется и открывает ему дверь.

– Чертов проклятый дерьмовый ублюдок! – произносит Нортхэм сквозь стиснутые зубы и бросает сумку на заднее сиденье.

– А я тебя предупреждал, приятель. Все они козлы. Думают только о себе. – Акцент Азима говорит о том, что он – поклонник американского телевидения.

– Ты прав, – соглашается Джейми. – Хотя мог бы и опустить это свое «а я тебя предупреждал».

Его приятель пожимает плечами. Сам он не видел отца вот уже много лет. Нортхэм глубоко затягивается сигаретой и смотрит на Рахия.

– Хотя я ему отомстил. По полной.

– Ты о телефоне?

Джейми ухмыляется и щурит глаза:

– Ну да. О телефоне. У него даже пароля нет. Придурок...

Они громко смеются, а потом Азим заводит мотор и с визгом

покрышек вливается в поток транспорта, едва не задев задний бампер черного «Ниссана Навара», который припарковали у него перед носом. Маленький мальчик на заднем сиденье провожает их взглядом, а потом смотрит на мужчину в окнах «Старбакса».

Тот уже пересел за угловой столик.

На следующее утро в помещении штаба не слышно ни смеха, ни шуток – вообще ничего. Приглушенный шум окончательно стихает, когда я занимаю место перед аудиторией. Наверное, они думают, что у меня плохие новости.

– Думаю, что большинство из вас уже знают, что вчера Джанет Гислингхэм увезли в больницу, – начинаю я. – Если я хоть что-то узнаю, то немедленно сообщу вам, а пока мы должны исходить из того, что Крис не появится здесь несколько дней, так что нам надо разделить между собой его дела. Куинн, это я поручаю вам.

Гарет отталкивается от стола, на который опирался:

– Босс, я хочу рассказать всем, что произошло ночью. Нам позвонила женщина, которая видела мужчину в светоотражающей одежде, выбрасывающего что-то в мусорный контейнер в тот день, когда исчезла Дейзи. Женщине это показалось подозрительным, потому что на участке еще нет строителей. В любом случае мы всё проверили и обнаружили сверток, завернутый в газету. В «Гардиан», если уж быть до конца точным. За восемнадцатое июля.

– И что в нем было?

– Пара защитных перчаток огромного размера. Такие обычно носят строители. На ладонях серый пластик, а на тыльной стороне – флуоресцентный оранжевый. Боюсь, что на них есть остатки крови. И еще какие-то пятна красноватого цвета, но это, по-моему, не кровь. Криминалисты сейчас этим занимаются.

Я оглядываю сидящих в комнате:

– То есть когда мы уже почти решили, что Барри Мэйсон не похож на подозреваемого, он опять появляется в кадре.

– Есть еще одна проблема. – На этот раз слово берет Эверетт. – Мне только что позвонил Дэвид Коннор. Вы помните – это отец Милли? Он еще раз поговорил с дочерью, и она рассказала ему нечто, чего раньше не

говорила родителям. О том дне, накануне вечеринки. Когда дети собрались у Конноров примерить свои маскарадные костюмы. По всей видимости, Дейзи умолила ее никому не говорить.

- Это касается самой Дейзи?
- Нет, босс. Это касается Лео.

– Ну как дела?

Лео поднимает на меня взгляд, а потом вновь опускает его. На нем шорты и майка «Челси», которая ему слишком велика. На коленях и по всей длине одной ноги – корки от ран. Рядом с ним, по другую сторону стола, сидит Дерек Росс, а в соседней комнате перед телевизором – Шэрон со своим адвокатом. В своем пляжном платье и в белой жакетке-болеро^[94] она выглядит так, будто заскочила в участок по пути на регату.

Эверетт передает мальчику банку колы и улыбается.

– На тот случай, если захочешь пить.

– Итак, Лео, – начинаю я, – боюсь, что мне придется задать тебе несколько вопросов, и некоторые из них могут тебя расстроить. Если ты почувствуешь это, то скажи нам, договорились? Ты меня понял?

Мальчик кивает – сейчас он занят тем, что играет с кольцом на банке.

– Ты помнишь пожарных, которые тушили огонь в вашем доме?

Еще один кивок.

– Когда случаются подобные пожары, пожарный, отвечающий за тушение, должен выяснить, с чего все началось.

Никакой реакции.

– Так вот, они только что прислали мне копию своего отчета. Рассказать тебе, что в нем написано?

Ребенок не поднимает глаз, но банка неожиданно издает хлопок, и кольцо остается у него в руках.

– В нем написано, что, по их мнению, бутылку с зажигательной смесью все-таки *не забросили* со стороны бечевника. Они думали так сначала, но потом поняли, что ошибаются. По всей видимости, все дело в том, как разбилось стекло. Это похоже на полицейские сериалы по телевизору. Надо было разыскать все мельчайшие кусочки и сложить их вместе.

– «Место преступления»^[95], – произносит Лео, все еще на поднимая

головы. – Я его видел. И «Закон и порядок»^[96] тоже.

– Правильно. Именно это я и имел в виду. Так вот, после того как они закончили это умное упражнение, пожарные теперь думают, что пожар начался в самом доме. И они знают, в какой комнате, потому что нашли в ней бензин. Больше его нигде не нашли. Только в этой комнате.

Тишина.

– Ты знаешь, где начался пожар, Лео?

Брат Дейзи пожимает плечами, но щеки у него пунцовые.

– Он начался у тебя в комнате, не так ли?

Тишина. Дерек Росс бросает взгляд на мальчика, а потом кивает мне. Мы можем продолжать.

– Ты помнишь, – ровным голосом говорю я, – тот день, когда мы встретились в первый раз? Ты тогда сказал мне, что тебе понравился салют на вечеринке. Помнишь?

Лео кивает.

– И в тот день все выглядело так же? Тебя разбудил шум на улице, ты выглянул из окна своей комнаты, увидел, как в саду взрываются бутылки с зажигательной смесью, и подумал, что это салют?

И опять тишина.

– Мне самому рассказать тебе, как все получилось? Мне кажется, ты заметил, что одна из бутылок не разорвалась, спустился вниз, забрал ее и принес к себе в комнату, оставив заднюю дверь открытой. Думаю, что по пути ты захватил на кухне спички. И у себя в комнате поджег бутылку – вот так и начался пожар.

У мальчика очень красное лицо. Дерек Росс наклоняется вперед и осторожно кладет руку ему на предплечье.

– Все хорошо, Лео?

– Ты можешь сказать, – продолжаю я, – что было потом? Ты слышал, как тебя звала мама?

Лео говорит тихим голосом, таким тихим, что мне приходится наклониться вперед, чтобы услышать.

– Она была внизу.

– А ты не попытался спуститься? Что, пламя было слишком сильным?

Ребенок качает головой.

– Ты испугался? А ты что, не понял, что можешь пострадать?

Мальчик пожимает плечами:

– Им же все равно. Их волнует только Дейзи. А не я. Они хотели отдать меня назад.

Я чувствую на себе взгляд Эверетт. Она так же, как и я, хорошо знает,

что я должен буду сделать дальше. Хотя я и ненавижу себя за то, что должен это сделать. Хотя и не могу оценить тот вред, который могу причинить.

– Лео, – мягко говорю я, – а ты знаешь, что значит слово «усыновленный»?

– Дейзи мне сказала. – Ребенок кивает. – Она сказала, что я ее «ненастоящий» брат. Сказала, что поэтому меня никто не любит.

На глаза ему наворачиваются две больших слезы, которые медленно стекают по щекам.

– Она не должна была так говорить. Вы что, ругались?

Лео кивает.

– Это было в день ее исчезновения? Она сказала это в тот день?

– Нет. Это было очень давно. В короткие каникулы.

Значит, около двух месяцев назад. Как раз в то время, когда Лео стал плохо себя вести. Когда он стал бросаться на других. Неудивительно. Бедняга...

– А ты не знаешь, откуда она это узнала?

– Она подслушала. Они не знали, что Дейзи была там. Она все время подслушивала. И знала очень много секретов.

Я делаю знак Эверетт. Наступает ее очередь.

– Расскажи нам о том дне, когда исчезла Дейзи, – мягко начинает она.

Слезы продолжают катиться по щекам мальчика:

– Я разозлился на нее, когда она убежала и бросила меня наедине с теми мальчишками. Я накричал на нее.

– То есть вы еще раз поссорились? И что же она сказала?

– Она сказала, что у нее есть другой брат. Настоящий. Она сказала, что у Па есть нормальный сын, с которым он будет встречаться вместо меня, а усыновленный ему больше не нужен.

– Это тебя расстроило?

Брат Дейзи все еще не поднимает глаз:

– Я знал, что не нужен им.

Теперь я вижу в глазах Верити почти физическую боль. В этой комнате столько боли, что маленькому мальчику с ней просто не справиться.

– А что было, когда ты вернулся домой? – спрашивает наконец Эверетт. – Ты видел там Дейзи?

Ребенок на мгновение поднимает на нее глаза:

– Все было, как я рассказал. Я не хотел ее видеть. Я не знаю, что произошло. У меня играла музыка.

– Лео, – начинаю я, стараясь говорить ровным голосом, – ты только

что сказал нам, что здорово разозлился на Дейзи. Ты уверен, что не заходил к ней в комнату, когда вернулся? Мы пойдем, если ты все еще злился на нее – она ведь сказала тебе очень плохие вещи. Я бы здорово расстроился, если б кто-то сказал мне такое. Понимаешь, когда люди злятся, то они могут сделать другим больно. Ты уверен, что Дейзи ты ничего не сделал?

– Не сделал, – отвечает юный Мэйсон. – Все было так, как я сказал.

– Но ты уже однажды злился в школе, правильно? На мальчика, одного из тех, кто над тобой издевался. И попытался воткнуть ему в глаз карандаш.

– Он делал мне больно. – Лео пожимает плечами.

– А в день накануне исчезновения Дейзи ничего не случилось? Когда вы все пошли к Коннора и примеряли там маскарадные костюмы?

– Я этого не хотел. – Он краснеет.

– Мистер Коннор сказал, что ты ударил Дейзи. Что ты гонялся за ней с какой-то волшебной палкой.

– Это был посох мага – волшебника для малышни.

– Но ведь дело совсем не в этом, правда, Лео? Почему ты хотел ударить ее?

– Потому что она говорила обо мне гадости. А девчонки смеялись.

– И что же, все это повторилось в день вечеринки? Она опять говорила гадости, ты снова разозлился и ударил ее? А может быть, она упала и ударилась головой? Если это случилось, то я пойму. И констебль Эверетт поймет. И Дерек.

Мальчик качает головой и молчит.

– И если нечто подобное действительно произошло с твоей сестрой, – продолжаю я, – то я уверен, что ты об этом сразу же пожалел. И почувствовал свою вину. В такой момент было совершенно естественно пойти к маме и обо всем ей рассказать. Я уверен, что она согласилась бы помочь тебе все исправить. Ведь все так и было, да, Лео?

Я могу только попытаться представить себе, что сейчас происходит в соседней комнате. Но мне на это наплевать.

Лео вновь трясет головой.

– Она – не моя мама. А Дейзи – не моя сестра.

– Но она тебе помогла – твоя мама помогла тебе все исправить после твоей ссоры с Дейзи?

– Я же уже сказал. Я не видел Дейзи. Она была в своей комнате.

Мы с Эверетт обмениваемся взглядами.

– То есть все было так, как ты рассказал с самого начала, – говорю я. – Ты пришел домой, в комнате Дейзи играла музыка, и ты никогда ее больше

не видел?

Мальчик кивает.

– А ты был у себя в комнате, где играла музыка.

Он кивает еще раз.

– И на тебе были надеты наушники.

Лео колеблется:

– У меня тоже играла музыка.

– Музыка и наушники?

– Неважно. Я их ненавижу. Я их всех ненавижу.

Может быть, ему просто захотелось наконец выговориться. И кто его за это осудит? Теперь он уже плачет. Просто рыдает.

Я протягиваю руки и осторожно, очень осторожно поднимаю длинные рукава его большой не по росту майки. С которой он не расстается даже в жару. Лео не пытается остановить меня.

Я смотрю на следы на его теле. «Скорее всего, – догадываюсь я, – это началось вскоре после того, как он выяснил, что у него нет семьи». Доктор об этом знал, а в школе что-то подозревали. Но ни один из тех, кто должен был его любить и заботиться о нем, ничего не заметил. Бедный маленький Лео... Бедный чертов Джейми... Бедные брошенные одинокие дети...

– Я знаю, что это такое, Лео, – говорю я негромко. – У меня раньше был маленький мальчик, который тоже это делал.

Я чувствую, как рядом со мной напрягается Эверетт. Она не знала. И никто не знал. Мы никому не говорили.

– Мне было очень грустно, и потребовалось много времени, прежде чем я все понял – наверное, потому, что я очень его любил и думал, что он это знает. Но теперь, когда я все понял, мне кажется, что я знаю, зачем он это делал. Боль от этого меньше, чем от всего остального, правда? И становится чуть легче. Даже если на очень короткое время.

Дерек Росс обнимает рыдающего мальчика за плечи.

– Все хорошо, Лео. Все хорошо. Мы во всем разберемся. И все исправим.

В коридоре меня уже ждет Шэрон. Ждет в ярости.

– Как вы смеете... – Она подходит слишком близко ко мне и наставляет на меня длинный красный ноготь. Ногти у нее тоже новые. –

Как вы *смеете, черт побери*, втягивать меня во все это – ведь если этот глупый мальчишка и сделал что-то с Дейзи, то я об этом *ничего* не знала! С самого начала я слышу все эти ваши инсинуации насчет того, что я плохая мать, а теперь вы прямо говорите о том, что он убил мою дочь и я помогла ему *все исправить*? То есть я помогла ему *скрыть преступление*? Да что дает вам право... что дает вам это гребаное право...

– Миссис Мэйсон, – начинает испуганный адвокат, – я, право, не думаю...

– Если б я была на вашем месте, – шипит Шэрон, не обращая на мужчину никакого внимания и еще больше приближая свое лицо к моему, – то дважды подумала бы, прежде чем начала обвинять *других* людей в том, что они неправильно воспитывают своих детей! Ведь моя дочь пока просто исчезла. А *ваш* ребенок – *мертв*.

4 апреля 2016 года, 20:09
106 дней до исчезновения
Барж-клоуз, № 5, гостиная

Барри смотрит по телевизору американский полицейский сериал. Рядом, на столике, стоит банка пива. Неожиданно дверь распаивается, и в комнату влетает Шэрон. В одной руке у нее его кожаная куртка, а в другой – клочок бумаги.

– Это что такое, черт бы тебя побрал?!

Муж поднимает глаза, смотрит на ее руки и берет банку.

– Ах, это...

– Да. *Это*.

Мэйсон пожимает плечами. Его безразличие, пожалуй, немного наигранно.

– Она просто маленький ребенок, который вырезает картинки из журналов. Все они делают это в ее возрасте. Она не понимает, что это значит.

– Она не такая уж и маленькая. Ей восемь.

– Я уже сказал – все это ерунда.

– Это *омерзительно* – вот что это такое! – Лицо Шэрон пунцовое от ярости. – Ты можешь думать, что я жирная, но глаза у меня еще на месте. Я

вижу, как ты до нее дотрагиваешься, как ты сажаешь ее на колени – а теперь еще и *это*...

Барри ставит на стол банку.

– Ты что, серьезно считаешь, что я не могу дотрагиваться до собственной дочери?

– Не так, как ты делаешь это сейчас.

– И что же, чтоб тебя, ты имеешь в виду?

– Ты прекрасно знаешь, что. Я вижу, как она на тебя смотрит...

– Она смотрит на меня как на своего чертова отца!

– ...и все эти ваши перешептывания, и ваши презрительные взгляды, которые вы бросаете на меня!

– Ушам своим не верю... И сколько еще раз мы должны обсуждать одно и то же? Никто на тебя презрительно не смотрит. Ты все это выдумываешь.

– А ты у нас «Папочка десятилетия». – В голосе Шэрон слышится сарказм.

– Я, по крайней мере, не ревную собственного ребенка.

– *Да как ты смеешь!*.. – Миссис Мэйсон чуть не задыхается.

– Потому что все дело именно в этом, не так ли? Все так же, как было в случае с Джессикой.

– Не смей приплетать сюда еще и ее! Там все было совсем по-другому.

– *Все точно так же.* Ты ведь просто не можешь быть второй, правда? Не быть все время в центре гребаного внимания. Это случилось с Джессикой, и это происходит сейчас. С твоей собственной гребаной дочерью. Ты не прекращаешь хвастаться, когда ее нет рядом, а в лицо ей никогда не говоришь ничего приятного. Ты никогда не говоришь ей, что она отлично выглядит, что она хорошенькая...

– Моя мать никогда не говорила мне, что я хорошенькая, когда я была ребенком.

– *Да дело же не в этом!* Если твоя мать была коровой, это не значит, что ты тоже должна ею стать.

– Дейзи и без меня уже успели достаточно испортить. Она должна понять, что в жизни мир не будет вечно вращаться вокруг нее. Она не какая-то там маленькая принцесса, несмотря на то что ты повторяешь ей это по тысячу раз в день.

Барри подходит к камину и поворачивается лицом к жене.

– Ты что, хочешь сказать, что делаешь это намеренно? Что ты делаешь это, *чтобы преподать ей урок*? – Он качает головой. – Иногда я сомневаюсь, что ты вообще ее любишь.

Шэррон вздергивает подбородок.

– А ты любишь ее *слишком сильно*. Так что я просто пытаюсь сохранить баланс. В конце концов она меня за это поблагодарит.

– Боже праведный! И это после всего, через что тебе пришлось пройти, чтобы она появилась, – через что нам обоим пришлось пройти, – ты несешь эту хрень? Иногда я совершенно тебя не понимаю.

Миссис Мэйсон что-то говорит – слишком тихо, чтобы это можно было услышать. Ее лицо краснеет.

– Что ты сказала? – переспрашивает ее муж.

Она поворачивается к нему и вновь вызывающе вздергивает подбородок:

– Я сказала, что трудно любить человека, который тебя презирает.

Барри издает театральный вздох:

– Она тебя *не презирает* – она изо всех сил прогибается, чтобы сделать тебе приятное. Мы все так поступаем. Такое впечатление, что в этом доме всем нам приходится ходить по минному полю.

– Ты не знаешь, что она говорит обо мне. Всякие отвратительные стервозные вещи. Ты этого не слышишь, потому что Дейзи никогда не делает этого в твоём присутствии. Для этого она слишком умна.

– И что же она говорит? – Барри упирает руки в боки.

– Ты это о чем?

– Ты говоришь, что при мне она этого не делает, – так приведи хоть один пример. Что она сказала?

Шэррон открывает рот и вновь закрывает его. После чего раздается:

– Она рассказала мне, что мать Порции открывает книжный клуб и они собираются начать с «Гордости и предубеждения»^[97] и что она уже сообщила Порции, что меня это не заинтересует.

– Ну и правильно, а разве нет? Ты подобную чепуху ненавидишь. Ты бы не пошла туда, даже если б тебя умоляли, встав перед тобой на четыре кости. Так в чем же дело?

– Дело в том, как она это сказала. Что меня это не заинтересует потому, что я слишком толстокожая, чтобы понять Джейн Остин.

– Ты обращаешь на все это слишком много внимания. Ей, черт возьми, всего только восемь...

– А в другой раз, когда Нанкси Чен сказала, что ее мать участвовала в программе «Руд сколар»^[98] или что-то в этом роде, она раззвонила всем, что я когда-то была претенденткой на титул «Мисс Южный Лондон».

– И что? Что с этим не так? Она тобой гордится. И на Нанкси это

наверняка произвело впечатление – для нее ты стала просто королевой. Они в Штатах на этом повернуты.

Шэрон бросает на супруга презрительный взгляд:

– До тебя что, вправду не доходит? Дейзи наверняка преподнесла все это как некое душераздирающее подобие ярмарки скота, по которой взад-вперед прохаживаются толпы коров в бикини.

Барри поднимает руки:

– Я сдаюсь. Правда, сдаюсь. Я просто не думаю, что восьмилетняя девочка мыслит такими категориями. Для нее ты – ее красавица мама, и она хвастается тобой, а ты только и делаешь, что пытаешься найти в этом какое-то несуществующее унижение.

– А откуда ты знаешь, что она делает? Тебя же вечно нет дома!

– Боже, и ты еще в чем-то меня упрекаешь...

– Так, значит, ты признаешься? – Миссис Мэйсон приближается к мужу. – Поэтому ты так поздно возвращаешься? Ты что, по бабам бегаешь?

– Я или в этом гребаном спортзале, или работаю.

– То есть если я позвоню в зал, то они мне так и ответят, да? Что ты проводишь там три-четыре вечера в неделю?

– Если хочешь, то вперед, звони, покажи всем. Только прежде спроси себя, как ты в этом случае будешь выглядеть. Что они подумают? Что ты – отчаявшаяся жена-домохозяйка или как?

– Я тебе уже осточертела. Я жирею, и ты готов обменять меня на девицу помоложе. Этакую худую сучку с сиськами. Я вижу, какими глазами ты смотришь на таких женщин...

– Я тебя умоляю, только не начинай! Ты поэтому роешься в карманах моих курток? Ищешь счета? Так вот, ты ничего не найдешь. И в последний раз, для протокола: ты *не жирная*.

– Я поправилась на три размера с тех пор, как мы поженились. И после того, как родилась Дейзи...

– Ты не можешь обвинять ее в этом. Боже, Шаз...

– *Не смей так меня называть!*

Пауза.

– Прости. – Барри с трудом сглатывает и делает шаг вперед: – Послушай, я знаю, что ты... ты сейчас не такая стройная, как была раньше. Но ты же знаешь, что я думаю по этому поводу. И я уверен, что появление Дейзи на это никак не повлияло. Я ведь все время повторяю тебе – сходи к врачу. Ты практически ничего не ешь, и все равно...

В глазах у Шэрон стоят слезы. Слезы ярости.

– И все равно жирная. Ты это хотел сказать, да?

– Да нет, не жирная. Просто не такая, какой была...

– До рождения Дейзи, – говорит она, сжимая бумажку в руке. – Прежде чем родилась эта чертова Дейзи...

Снаружи слышится какой-то шум, и Барри резко оборачивается.

– Боже правый, хоть бы не она... ты же знаешь, что она вечно подслушивает под дверями!

Он распахивает дверь и видит, как его дочь взбирается по лестнице. Дейзи останавливается и смотрит на него сверху вниз. Ее личико все в слезах.

– Я ненавижу, ненавижу ее! Хоть бы она умерла и у меня появилась другая мамочка – мамочка, которая любила бы меня...

– Дейзи, принцесса моя, – говорит Мэйсон, поднимаясь по ступенькам и протягивая ей навстречу руки. – Конечно же, мы тебя любим – мы, твои папа с мамой.

– Я не хочу быть твоей принцессой – я тебя ненавижу! Оставь меня в покое!

А потом его дочь исчезает, и Барри слышит, как хлопает дверь в ее спальню.

– Так что там слышно от криминалистов?

Время 11:30 утра, и мы опять в штабе в церкви Святого Алдэйта. Все, включая Эверетт, которая попросила Мо Джонс заменить ее в пансионе. Констебль сказала, что позже ей надо будет отвезти отца в больницу, поэтому она и поменялась; но даже если ее просто достала Шэрон, то я не могу ее за это винить. Куинн кладет телефон.

– Есть предварительные результаты. Отпечатков пальцев на газете нет, но кровь на перчатках однозначно принадлежит Дейзи.

Я глубоко вздыхаю. Значит, она действительно мертва. Теперь в этом нет никаких сомнений. Я уже давно знаю это – думаю, что мы все это знаем. Но знать и иметь доказательства – это не одно и то же. Даже когда вы занимаетесь этим так же долго, как я.

– Там есть ДНК еще одного человека, – говорит Гарет в мертвой тишине, – на внутренней поверхности перчаток. И принадлежит она Барри Мэйсону.

По комнате проносится легкое дуновение успеха. Не триумфа – о

каком триумфе может идти речь в этих условиях? – но мы все хорошо понимаем, что эти перчатки, покрытые кровью его дочери, не могли просто так оказаться в мусорном контейнере в миле от его дома.

– И вот еще кое-что, – быстро добавляет Куинн. Это прорыв – достаточно посмотреть на его физиономию. – На перчатках фрагменты крупного песка и следы гербицида. Довольно необычное сочетание для того, чей максимум – это строительство пристроек в домах. Так вот, какой-то умник решил сравнить песок со щебнем, который используют для отсыпки железнодорожных путей. Оказалось, что они *абсолютно* идентичны. А гербицид полностью соответствует тому, который использует «Нетуорк рэйл»^[99]. Вещество сверхмощное – такое не купишь в «Би энд Кью»^[100].

Все переглядываются, и уровень шума растет. Все думают об одном и том же – поблизости существует лишь одно место, которое отвечает всем требованиям, и находится оно всего в полумиле от той точки, где мы нашли перчатки.

– Ладно, – говорю я, повысив голос. – Куинн – на железнодорожный переезд. Договоритесь с криминалистами встретиться прямо там.

– Но они там уже всё прочесали, босс... – начинает было Бакстер.

– Значит, прочешут еще раз. Потому что, кажется, мы что-то пропустили.

В коридоре я вижу Анну Филлипс, которая идет ко мне от двери моего кабинета. В руках у нее листок бумаги.

– Я нашла ее, – сообщает она с улыбкой.

– Простите?

Улыбка Анны слегка тускнеет.

– Полин Побер! Помните? Ту женщину, которую цитировали в статье о семье Уили, – когда умерла Джессика.

– А, ну да... И где же она?

– Жива и здорова, живет в деревне всего в десяти милях отсюда – можете себе представить? Я договорилась, что мы заскочим к ней завтра утром. Если не возражаете, я бы тоже хотела поприсутствовать. Понимаю, что я – лицо гражданское, но уж коли я ее нашла, то мне, понимаете, хотелось бы довести все до конца.

У меня не хватает мужества сказать этой женщине, что планы переменялись.

– Отличная работа, Анна. Я не шучу. И буду рад, если вы сами ее навестите. Только захватите с собой полицейского – правила есть правила.

– Гарет... сержант Куинн выделит мне кого-нибудь.

– Отлично. И не забудьте сообщить, что она вам скажет.

По моим рассеянными ответам Филлипс, должно быть, догадывается – что-то произошло, потому что в глазах у нее мелькает сомнение.

– Хорошо, – говорит она. – Будет сделано.

Когда Куинн появляется на железнодорожном переезде, начинает задуть ветер и в воздухе пахнет дождем. Он неожиданно понимает, насколько всем нам повезло, что стояла сухая погода: один хороший ливень – и с перчаток, выброшенных в контейнер, смыло бы все улики. Когда он вылезает, от патрульной машины, припаркованной чуть впереди, к нему направляется Эрика Сомер. Волосы у нее завязаны на затылке, но ветер все равно сносит их прямо ей на лицо. Гарет помнит ее по участку. Та, кто доставил диск. Хорошенькая. Если начистоту, так очень хорошенькая. Хотя форма ее не красит. У него мелькает и тут же исчезает мысль, что хорошо было бы увидеть ее в туфлях на шпильках, которые носит Анна Филлипс.

Вслед за Эрикой он идет по парковке в сторону территории, отгороженной металлическими решетками безопасности. Надписи повсюду сообщают, что это строительная площадка: «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН».

Сомер открывает ворота и с лязгом прикрывает их за собой.

– Я пригласила начальника строительства, сэр. Он вон там, в портакабине^[101].

Скорее всего, мужчина следил за ними, потому что он спускается по лестнице, когда полицейские подходят ближе. У него уши игрока в регби^[102] и бритая голова.

– Детектив-сержант Куинн? – уточняет он, протягивая руку. – Мартин Хестон. Ваша коллега попросила меня приготовить расписание работ за две последние недели.

«Пятерка Сомер за догадливость», – думает Гарет, когда Хестон протягивает ему график.

– Как видите, мы занимаемся тем, что разбираем старый пешеходный

мост и делаем новую насыпь для одного из путей, – продолжает начальник строительства.

– И все это вы делаете в основном по ночам? – уточняет Куинн.

– Приходится, приятель. Это невозможно делать, когда рядом пробегают поезда.

– А как насчет дня – здесь хоть что-нибудь происходит?

Хестон обводит рукой стройплощадку.

– Не в те дни, когда накануне у нас была ночная смена. Нет смысла платить людям за то, что они просто просиживают брюки. Иногда нам что-то привозят, и тогда здесь кто-то появляется, но не более того.

– А как насчет охраны?

– Она нам не нужна, приятель. Все механизмы заперты за колючей проволокой по другую сторону путей. Подвозить их приходится на поезде – по-другому до них никто не доберется.

– То есть если простой житель забредет сюда в течение дня, то его необязательно увидят?

Мартин задумывается.

– Думаю, что его можно будет увидеть с другой стороны, но вид будут загораживать деревья. Когда переезд был еще открыт, множество людей ходили здесь на свои огороды. Обычно они парковались с этой стороны и тащили свой скарб туда, но сейчас им приходится ехать до Уолтон-Уэлл, это...

– Я знаю, где находится Уолтон-Уэлл.

Куинн осматривается. В нескольких ярдах от них лежит куча ржавого огородного оборудования – тачки, мотыги, пустые мешки из-под компоста, ржавеющие лопаты, расколотые терракотовые горшки...

Сержант открывает расписание.

– Так что же вы делали вечером девятнадцатого?

Хестон тычет пальцем в бумагу.

– Мы закончили разбирать старый переход и работали над опорами нового.

– Минуточку. Вы что, хотите сказать, что рыли чертовски большие ямы там, куда легко может забрести любой придурок?

Мартин мгновенно оцетинивается:

– Уверяю вас, что мы все время работаем в полном соответствии с утвержденными правилами техники безопасности – вся территория закрыта для посторонних.

Куинн оглядывается на путь, по которому они пришли. Изгородь действительно на месте, но состоит она из плохо скрепленных между собой

панелей, и он решает, что сквозь них достаточно легко проникнуть. Если очень понадобится. Если на то будет достаточно уважительная причина.

И.о. сержанта опять поворачивается к Хестону:

– Можете показать, что конкретно вы делали?

Они вместе идут к новому переходу, где уже видны опоры, поднимающиеся из земли.

– Как глубоко залегает фундамент? – продолжает задавать вопросы Гарет.

– Изначально планировалось три метра, – отвечает строитель. – Но когда мы начали рыть, ямы постоянно наполнялись водой. Порт-Мидоу во время половодья заливают, так что мы были к этому готовы, но не до такой же степени! Углубиться пришлось метров на шесть.

– И именно этим вы занимались во вторник вечером?

– Так точно.

– А если бы на дне одной из ям оказалось бы что-то маленькое – к примеру, ребенок, – вы это обязательно заметили бы? Даже в темноте?

Хестон бледнеет. У него тоже есть внуки.

– Боже, вы что, действительно думаете, что кто-то... Но ответ на ваш вопрос – да, заметили бы. У нас освещение от дуговых ламп, и мы все время откачивали воду, так что мы хорошо видели то, что было на дне. Мои ребята не могли пропустить ничего такого.

– Хорошо. – Куинн складывает расписание и возвращает его Мартину. – Шаг вперед – два шага назад.

Но Сомер все еще, не отрываясь, смотрит на строителя. Который избегает встречаться с ней глазами.

– Однако было еще что-то, не связанное с «вашими ребятами»? – задает она вопрос.

Хестон краснеет.

– Это слишком невероятно. Я не могу себе такого представить...

– И все-таки?

Мартин какое-то время смотрит на Эрику, а потом указывает на место позади опор.

– Когда разбирали старый переход, мы складывали там мусор: бетон, кирпичи, щебень – да что угодно. Гора была как раз на том месте. Так вот, в ту ночь ее убрала подрядная компания. Сделать это днем нам не позволили. В соответствии с правилами...

– ...техники безопасности, – заканчивает за строителя Гарет. – Понятно. И что это был за подрядчик?

– Компания из Суиндона. «Мерсерс».

– Значит, еще раз, чтобы я понял, – говорит Куинн. – Вон там в тот день лежала куча мусора. Я имею в виду девятнадцатое. Но ночью эта ваша фирма...

– Ко мне это никак не относится, приятель. Не я решаю, кого нанимать.

– Ладно, понял. В любом случае в ту ночь они появились и вывезли мусор.

– Правильно. Но если вы предполагаете, что кто-то мог что-то закопать в той куче, а парень на экскаваторе этого не заметил, то вы очень сильно ошибаетесь. Это вам не гребаное кино, такие вещи просто не могут произойти.

– А что конкретно они делают с мусором, сэр? – негромко спрашивает Сомер.

Бригадир слегка сутулится.

– Они отвозят его на свой перерабатывающий завод. И потом измельчают в гравий, чтобы не зарывать на свалке.

Какое-то время Куинн молча смотрит на строителя, а потом качает головой, пытаясь избавиться от картинки, появившейся у него в голове.

– Боже святой...

– Но я уже сказал, – торопливо добавляет Хестон, – что вы не туда смотрите. Этого просто не могло быть.

– Даже если было темно и даже если вы, как я полагаю, не будете ставить дуговые лампы, выполняя такие простые погрузочные работы?

– Я же сказал. Это были не мои ребята. Вам придется переговорить с «Мерсерсом».

– Переговорим, мистер Хестон. Обязательно переговорим.

Гарет уже поворачивается, чтобы идти, но Сомер делает шаг в его сторону.

– Так что это было – удача или они знали заранее?

– Простите?

– Кому бы то ни было – ну тому, кто убил Дейзи, – ему просто повезло, что он появился как раз в тот день, когда должны были убрать мусор? Или он мог об этом как-то узнать?

Куинн переводит взгляд на Мартина; тот пожимает плечами:

– Мы распространяем объявления по всей территории каждый раз, когда ожидаем, что шум будет хуже, чем обычно. Это не останавливает поток жалоб, но так они, по крайней мере, не могут сказать, что их не предупреждали.

– И во время разбора перехода вы тоже так делали?

– Разумеется. Это одна из самых шумных работ. Информация разошлась накануне, в конце недели. Повсюду в радиусе мили от стройплощадки.

– Включая «Усадьбу у канала»?

– Шутите? Они там жалуются чаще, чем кто-либо другой.

В час дня Куинн звонит мне и докладывает:

– Прежде чем уехать, мы внимательно осмотрели изгородь. Как я и предполагал, в дальнем конце площадки, там, где она соединяется с оградой парковки, ее держит лишь жгут из электрических проводов. И кто-то явно проник этим путем на площадку. Все провода перерезаны. Никто этого не заметил, потому что вся территория заросла кустами ежевики, так что тот, кто это сделал, уходя, просто пристроил панель на место. И я готов поспорить на свою ипотеку, что именно оттуда взялись пятна, которые мы обнаружили на перчатках. Этот чертов ежевичный сок вымазал мне весь гребаный костюм.

Я улыбаюсь. Знаю, что сейчас не время, но не могу удержаться.

– Сейчас я собираюсь ехать в Суиндон. Знаю, что это звучит глупо, но мне надо убедиться самому.

– Вам там нужны будут криминалисты?

– Пока нет, босс. Давайте подождем и посмотрим, можно ли там вообще что-то найти.

– Отлично, тогда я направлю Эверетт на переезд вместо вас.

Звук исчезает, потому что рядом с Куинном, в облаке горячего белого шума, проносится поезд.

– Что-нибудь новое о Гислингхэме? – слышу я наконец.

– Звонил и оставил сообщение, – вздыхаю я. – Но пока – нет, никаких новостей.

– Бедняга. Будем надеяться, что это хороший знак.

Я тоже хочу надеяться, но меня терзают смутные сомнения.

Допрос Барри Мэйсона в участке Св. Алдэйта

Оксфорд, 25 июля 2016 г., 13:06

Присутствуют: детектив-инспектор А. Фаули, детектив-констебль Э. Бакстер, мисс Э. Карвуд (адвокат)

АФ: Для протокола – мистер Мэйсон только что арестован по подозрению в убийстве собственной дочери, Дейзи Элизабет Мэйсон. Ему были зачитаны его права. Итак, мистер Мэйсон, я правильно понимаю, что человек вашей профессии должен обладать широким спектром средств личной защиты?

БМ: Да, ну и что?

АФ: В вашем пикапе мы обнаружили куртку, каску и защитные ботинки, а несколько похожих предметов находились у вас в доме.

БМ: И дальше?

АФ: А перчатки такого типа у вас есть?

БМ: Несколько пар.

АФ: Вы можете описать их нам?

БМ: А вы что, решили сыграть роль страхового агента, а?

АФ: Смейтесь, смейтесь, мистер Мэйсон.

БМ: У меня есть одна пара черного цвета и однасоро-оранжевая. Удовлетворены?

АФ: Должен сообщить вам, что именно такую пару мы вчера обнаружили в мусорном контейнере на Лофтон-роуд.

БМ: И что?

АФ: Тест полностью подтвердил, что эти перчатки носили именно вы. Вы не знаете, как они туда попали, мистер Мэйсон?

БМ: Без понятия. Я даже не помню, когда носил их в последний раз.

АФ: То есть сами вы их в этот контейнер не клали? Девятнадцатого июля, во вторник, во второй половине дня?

БМ: Конечно, нет. А к чему все это?

АФ: И, выбрасывая их, вы не пытались спрятаться, надев другие предметы защитной одежды?

БМ: Бред какой-то... В тот день у нас была вечеринка – у меня на это времени не было, не говоря уже обо всем остальном. И какого черта вас вдруг стала беспокоить какая-то пара гребаных перчаток?

АФ: Потому что они были на вас, когда вы избавлялись от тела вашей дочери, и именно поэтому все они были покрыты ее кровью.

БМ: Минуточку! Вы что несете – ее кровью?.. Вы хотите сказать, что нашли ее? Почему, твою мать, никто не говорит мне...

ЭК (вмешивается в разговор): Это правда, инспектор? Вы нашли

Дейзи?

АФ: Пока нет. Но у нас есть все основания полагать, что теперь мы знаем, где ваш клиент избавился от ее тела. Потому что перчатки, которые он выбросил на Лофтон-роуд, несут на себе следы редкого щебня. Говоря по правде, настолько редкого, что он знал, что они незамедлительно приведут нас к тому месту, где он ее захоронил.

БМ (обращаясь к мисс Карвуд): Он это сейчас серьезно?

ЭК: Я могу переговорить со своим клиентом наедине?

АФ: Сколько угодно. Допрос прерван в тринадцать четырнадцать.

На переезде дождь усиливается и неожиданно превращается из морозящего в настоящий ливень. Эверетт останавливает машину перед воротами и перегибается через переднее сиденье, чтобы достать плащ. И хотя небо на севере все еще ярко-голубого цвета, облака над головой такие темные, что напоминают ноябрьские, а ветер гнет кроны деревьев. Похоже на то, что поисковые партии только начали работу: одна группа осматривает ряд старых тачек и пришедшие в негодность садовые инструменты, а остальные тщательно исследуют участок дороги, который ведет от ворот к тому месту, где лежал строительный мусор. Им сегодня явно не повезло – дождь превращает землю в густую, светло-оранжевую грязь.

Верити вылезает из машины и поднимает воротник, чтобы защититься от мороси. Со стороны станции Оксфорд в их сторону движется поезд, и его пассажиры пялятся из покрытых влагой окон на полицейские машины, на одетые в белое группы криминалистов и на весь этот гребаный цирк. Подросток в одном из вагонов снимает все на телефон. Эверетт тихо надеется, что Фаули не забыл предупредить пресс-службу.

И в этот момент раздается крик, перекрывающий шум поезда. К тому времени, когда Верити подходит к криминалистам, один из них осторожно достает что-то из-под проржавевших колес тачки. Из-за грязи трудно определить, что это такое, но потом он разворачивает находку, и все они могут ее рассмотреть. Два вымазанных в грязи рукава, блестящие пуговицы, воротник с украшением из некоего подобия помпонов...

– Это кардиган девочки, – медленно произносит Эверетт. – У Дейзи был такой, когда ее в последний раз видели на записи с камеры наружного

наблюдения.

Би-би-си Мидлендс. Сегодняшние новости

Понедельник 25 июля 2016 г. Последняя редакция в 15:28

Срочная новость: отец арестован в деле об исчезновении Дейзи Мэйсон

В своем заявлении Управление полиции долины Темзы только что сообщило, что Барри Мэйсон был арестован в связи с расследованием дела об исчезновении его дочери Дейзи, 8 лет. В последний раз ее видели неделю назад, и в последние несколько дней росло подозрение, что в ее исчезновении может быть замешан кто-то из членов семьи. Источники, близкие к расследованию, сообщают, что Мэйсону, 46 лет, будет предъявлено обвинение в убийстве и еще в одном, не связанном с ним, преступлении, скорее всего сексуального характера. Следующее заявление полиции ожидается завтра утром, когда будут сообщены детали обвинения. Пока не ясно, было ли найдено тело Дейзи.

Считается, что семья Мэйсон сейчас находится под защитой полиции, после того как их дом на прошлой неделе был подожжен. Это связано с кампанией ненависти, развернутой против них в социальных сетях.

Ричард Робертсон @DrahcirNostrebor 15.46

Значит, это все-таки был отец – наверно растлевал ее бедняжку. #ДейзиМэйсон

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 15.56

Эта вся история #ДейзиМэйсон просто ужасна. Я

надеюсь, что они запрут папашу и выбросят ключ.
#ПравосудиедляДейзи ♣♣

Каролин Толлис @ForWhomtheTollis 15.57

@Annie_Merrivale – А полиция уже сообщила, нашла ли она тело? В сети ничего нет. #ДейзиМэйсон

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 15.59

@ForWhomtheTollis Я тоже ничего не видела. Вторая половинка говорит, что тело им может быть не нужно, если они смогут пройти тест на «презумпцию смерти»^[103].

Каролин Толлис @ForWhomtheTollis 16.05

@Annie_Merrivale – Тогда у них должны быть какие-то доказательства. Что-то настолько убедительное, что папаша это не сможет опровергнуть. #ДейзиМэйсон

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 16.06

@ForWhomtheTollis. Мне не дает покоя мысль, а вдруг какой-то водила предложил ей подбросить до дома? Кто-то кого она знала и только потом поняла, что не может ему доверять?

Каролин Толлис @ForWhomtheTollis 16.07

@Annie_Merrivale – Но тогда это должен был быть кто-то, с кем Дейзи пошла бы, а никого подобного на горизонте не наблюдается.

Каролин Толлис @ForWhomtheTollis 16.08

...По крайней мере я об этом ничего не слышала, и если у полиции есть доказательства против папаша, то, наверное, все так и произошло.

@Annie_Merrivale_

Анна Мерривэйл @Annie_Merrivale – 16.09

@ForWhomtheTollis Согласна. Маловероятно, что кто-то мог подбросить доказательства или подставить его. Ни у кого нет мотива.

Гарри Джи @SwordsandSandals 16.11

#ДейзиМэйсон Я вам об этом и твердил. Значит папаша. Гребаный педофил.

Скотт Салливан @SnapHappyWarrior 16.13

Я слышал, что папашу прищучили за детское порно. Жесткое. Одному Богу известно, что он творил с малышкой #ДейзиМэйсон

Анжела Беттертон @AngelaGBetterton 16.17

Все в школе Дейзи опустошены этими новостями. Ее так любили – она была таким счастливым ребенком. Панихида в начале следующего семестра #ДейзиМэйсон

Элспет Морган @ElspethMorgan95916.17

Я так надеюсь, что Лео под присмотром среди всего этого хаоса – кто знает, может быть его тоже растлевали #ДейзиМэйсон ♣

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 16.18

@ElspethMorgan959 Просто сердце разрывается. Вся эта история такая грустная #ПравосудиедляДейзи ♣♣♣♣

Дженни Ти @56565656Jennifer 16.20

@ElspethMorgan959 @LilianChamberlain А я

продолжаю утверждать, что на том фото она не выглядела как ребенок, подвергавшийся сексуальному насилию – она выглядела такой счастливой, как будто чего-то ждала

Лилиан Чемберлен @LilianChamberlain 16.22

@56565656Jennifer Дженнифер, я знаю, что вы хотите сказать, но, может быть, она просто ждала вечеринку? Чтобы она отвлекла ее от грустных мыслей?
#ПравосудиедляДейзи ♣
@ElspethMorgan959

Дженни Ти @56565656Jennifer 16.24

@ElspethMorgan959 Согласна. Но это все-таки не дает мне покоя, вот и все. @LilianChamberlain
#ДейзиМэйсон ♣♣♣

– Босс? Я в «Мерсерс».

Голос Куинна звучит как из аэродинамической трубы. Порывы ветра уносят отдельные слова, и тем не менее я ясно слышу в его голосе пораженческие нотки, а на заднем фоне грохочет тяжелая техника.

– Как я понимаю, новости плохие?

– Я послал вам картинку. Она прошла?

Протягиваю руку за мобильным и открываю фото. Громадная территория, напоминающая открытый карьер, окруженная горами мусора. Три самосвала в облаках белой пыли выгружают свой груз, а в самом центре стоит громадная желтая машина, перемалывающая строительный мусор в некое подобие песка.

Я опять беру трубку.

– Дьявольщина! Я вас понимаю.

– Они даже не могут точно сказать, где разгрузили мусор из Оксфорда. Но даже если б они это и знали, то одному богу известно, сколько тонн мусора сгрузили на это же место с тех пор. Поиски иголки в стоге сена –

это просто детские игры по сравнению с тем, что происходит здесь. Абсолютный гребаный тупик.

Обычно Гарет не ругается. По крайней мере, не при мне.

– И добавьте к этому тот факт, что они категорически отказываются признать, что могли проглядеть тело. Каким бы маленьким оно ни было и как бы тщательно его ни упаковали. Стоят на этом намертво.

– Но они не могут этого доказать.

– Нет, конечно, не могут, – Куинн вздыхает. – Но и у нас нет доказательств. Так что следующий вопрос – как вы думаете, всего этого будет достаточно? Будет ли Королевская служба уголовного преследования готова предъявить ему обвинение, несмотря на то что тела у нас нет?

– Только что звонила Эв – такое впечатление, что на переезде они нашли какие-то вещественные доказательства. И может возникнуть еще кое-что. Я жду ответа из «Нетуорк рэйл».

Кажется, мой коллега немного воспрял духом:

– Скоро буду.

Двадцать минут спустя приходит электронное письмо. Я загружаю видео и внимательно его просматриваю, а потом приглашаю всю команду в штаб, и мы смотрим его уже все вместе. В помещении чувствуется облегчение, царит полный консенсус, и кто-то даже проливает несколько слез. Люди испытывают пусть не эйфорию, но законную гордость за то, что они отлично отработали. Бакстер предлагает отправить послание Гислингхэму: «Он сработал как настоящий полицейский, когда обнаружил этот “Форд Эскорт”». И посреди всего этого раздается звонок от помощника главного констебля, который интересуется, когда мы проведем брифинг для прессы.

Сразу после трех приезжает Эмма Карвуд, и Мэйсона приводят из его камеры. Я здорово возненавидел этого мужика с того момента, как впервые увидел его, но какая-то малая часть меня испытывает к нему сочувствие, когда дежурный сержант ИВС^[104] приводит его. Такое впечатление, что из

Барри выпустили весь воздух. А заодно и удалили все кости, так что теперь он – одна сплошная кожа. Поступь петуха давно забыта. Садится он как глубокий старик.

– Мистер Мэйсон, этот допрос – продолжение допроса, прерванного в тринадцать четырнадцать, и я вновь включаю запись, – говорю я. – Присутствуют: детектив-инспектор Адам Фаули, исполняющий обязанности детектива-сержанта Гарет Куинн, мистер Барри Мэйсон, мисс Эмма Карвуд.

Я ставлю свой лэптоп на стол и поворачиваю его экраном к Мэйсону. После этого открываю файл с видео и начинаю просмотр. Он смотрит на экран, трет глаза и опять смотрит на экран.

– Ничего не понимаю... Зачем вы это мне показываете?

– Это, мистер Мэйсон, запись с камеры поезда «Кросс Кантри». Конкретно этот поезд вышел из Банбери во вторник, девятнадцатого июля, в шестнадцать тридцать шесть и прибыл в Оксфорд в шестнадцать пятьдесят восемь. Как видите, в шестнадцать пятьдесят шесть поезд начинает тормозить на подходе к станции, и вы можете мельком увидеть территорию железнодорожного переезда.

Мэйсон опускает голову на руки и впивается ногтями в кожу головы. А потом поднимает глаза на меня.

– Вы совсем не хотите меня услышать. Это все какой-то гребаный кровавый кошмар. Я вообще не понимаю, что здесь происходит.

Я замедляю воспроизведение, и мы видим, как на экране по правую сторону возникают огородные участки, вдоль которых припаркована тяжелая техника. Теперь я нажимаю на паузу и указываю на экран.

– Вот здесь.

С правой стороны от пути видна фигура в каске, светоотражающей куртке и штанах. Мужчина находится спиной к нам, но он явно толкает тачку по парковке в сторону новых опор и горы строительного мусора. В течение очень короткого мгновения мы можем видеть, как мелькает оранжевая перчатка, а затем поезд проходит и изображение мужчины исчезает.

Барри так ничего и не понял:

– Я не въезжаю.

– Это ведь вы, не так ли, мистер Мэйсон?

Арестованный смотрит на меня, открыв рот:

– Вы что, издеваетесь? Нет, разумеется, *это не я, твою мать!*

– У вас же есть светоотражающая одежда, так?

– Да, но она есть и у тысяч других людей. Это ничего не доказывает.

В этот момент в разговор вмешивается Эмма Карвуд:

– Вы что, серьезно обвиняете моего клиента в том, что он доехал до железнодорожного переезда, выгрузил тело дочери в первую попавшуюся тачку, а затем свалил его в эту кучу черт знает чего, и все это при свете дня – и его не заметила ни одна живая душа?

– Думаю, вы удивитесь, мисс Карвуд, насколько высока такая вероятность, – отвечаю я. – Местные жители так привыкли к наличию строителей на площадке, что, скорее всего, даже не взглянули бы на него.

– А что с этой тачкой? Вы ее нашли? Вы ее исследовали?

– Наши криминалисты отобрали несколько тачек и теперь занимаются с ними. Так же, как и с еще двумя предметами, которые, по нашему мнению, имеют отношение к делу. Естественно, мы будем держать вас в курсе. Я могу продолжать?

Какое-то время адвокат колеблется, а потом кивает.

Я поворачиваюсь к Барри:

– Итак, мистер Мэйсон, как вы уже знаете, мы нашли пару перчаток с вашей ДНК и с кровью вашей дочери. Это такие же перчатки, как и те, что ясно видны на мужчине на данной записи. На них также обнаружены частицы железнодорожного щебня. И вы действительно продолжаете утверждать, что этот мужчина на записи – не вы?

– Вот именно, черт вас побери, – я там и близко не был в то время! Я уже тысячу раз говорю вам – я немного покатался, а потом вернулся домой. Вот и всё.

– Мы не смогли обнаружить ничего, что подтвердило бы ваш рассказ, мистер Мэйсон.

– А вот на это мне глубоко наплевать – все было именно так, как я говорю.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – давайте предположим: то, что вы говорите, – правда. Тогда объясните мне, как перчатки с вашей ДНК оказались в мусорном контейнере на Лофтон-роуд?

– Я мог их где-то оставить – их мог взять кто угодно.

– А когда вы видели их в последний раз? – задает вопрос Куинн.

– Я же уже сказал – не знаю. Я не помню.

– Что ж, логично, – отвечаю я. – Давайте ис этим согласимся. В качестве предположения. Следующий вопрос: откуда на них взялась кровь вашей дочери?

– Я не знаю. – Барри с трудом сглатывает.

– То есть у вас нет вообще никаких объяснений?.. Да ладно, мистер Мэйсон; столь искушенный лжец, как вы, наверняка может придумать что-

нибудь получше.

– Ваш сарказм неуместен, инспектор, – подает голос Эмма Карвуд.

– Послушайте, – говорит ее клиент ломающимся голосом. – У кого-нибудь из вас есть дети?

Я открываю рот, но не могу произнести ни звука.

– Нет, – быстро отвечает Куинн, – и это не имеет никакого отношения к нашему разговору.

– Если б они у вас были, – поясняет Мэйсон, – то вы знали бы, что они постоянно в болячках и ссадинах – падения, оцарапанные коленки... У Дейзи все время шла кровь носом – весь гребаный дом был уделан ее кровью. А эти перчатки лежали где-то в доме – так что кровь на них могла появиться как угодно.

– Как я понимаю, вы же обследовали машину моего клиента, инспектор? – спрашивает Эмма. – И светоотражающую одежду, которая лежала на заднем сиденье? Насколько я знаю, вы не нашли там ничего инкриминирующего. Ни ДНК, ни физиологических жидкостей – вообще ничего.

Мы с Куинном обмениваемся взглядами. И этот факт здорово меня беспокоит – то, что отец Дейзи не оставил никаких следов в пикапе. На меня он не произвел впечатление педанта. Хотя Гарет не преминул заметить, что каждый становится педантом, когда на карту поставлено слишком многое.

– Мистер Мэйсон, ваша дочь когда-нибудь бывала на парковке возле железнодорожного переезда? – меняю я тактику. – Может быть, чтобы прогуляться по Порт-Мидоу?

Арестованный кладет руки на стол и опускает на них голову.

– Нет, – отвечает он глухим голосом. – Нет, нет, нет, нет...

Карвуд наклоняется и осторожно трогает его заруку.

– Барри?

Неожиданно Мэйсон резко выпрямляется. На глазах у него следы слез, но он вытирает лицо рукавом и подается вперед.

– Покажите мне еще раз эту гребаную запись, – быстро произносит Барри, указывая на экран. – *Покажите мне ее еще раз.*

– Хорошо, – соглашаюсь я, после чего перевожу курсор на три минуты назад и нажимаю на «воспроизведение».

– Помедленнее, – говорит Мэйсон через несколько мгновений. – *Вот с этого места помедленнее.*

Мы все смотрим на экран. Весь эпизод занимает не более двух-трех секунд. Фигура с наклоненной головой делает пару шагов – и это всё.

Барри Мэйсон распрямляется, как человек, вернувшийся с того света.
– Это не я, инспектор. И я могу это доказать. Вы меня слышите – вы записали это на своей гребаной пленке? *Я могу доказать, что это не я.*

Время 17:45, и мы с Куинном стоим за спиной Анны Филлипс, которая что-то набирает на клавиатуре.

– А вы уверены, что не получится еще больше увеличить изображение, чтобы можно было рассмотреть его лицо? – спрашиваю я.

Не отрывая глаз от экрана, Филлипс отрицательно качает головой.

– Боюсь, что нет. Я пыталась, но он все время стоит спиной к нам.

– Провались все к дьяволу! – бормочет Гарет себе под нос. – Этого нам только не хватало.

– Но то, что говорил Мэйсон, – как вы думаете, он прав?

– Подождите минуту, – говорит Анна, сосредоточенно глядя на экран. – Я как раз загрузила фотограмметрическое приложение...

– А чем нам здесь поможет эта фотограмметрия [\[105\]](#)?

– Приложение позволяет получить объемное изображение по простой фотографии. Производит впечатление – вот, взгляните...

Три клика – и застывший кадр с камеры поезда превращается в трехмерное изображение. Искусственно созданная копия реальности подвешена в ярко-синей сфере, напоминающей те поперечные разрезы земного шара, которые раньше были в наших учебниках географии. Я вижу фигуру с тачкой, рельсы, деревья, дальнюю границу парковки и даже кусты вдоль железнодорожного пути. Анна двигает курсором по экрану, и изображение поворачивается – вправо, влево, вверх, вниз.

– Изображение достаточно точное, чтобы вы имели представление о его размерах, – говорит девушка. – Высота, расстояние между предметами и все в этом роде. Может быть, если вы дадите мне достаточно времени, я даже смогу определить скорость поезда.

– Мне просто надо знать, правда ли то, что сказал Мэйсон, – отвечаю я.

Еще несколько нажатий на клавиатуру – и на изображении появляется сетка координат. Одно движение – и объемное изображение исчезает, и остаются лишь тонкие линии с цифрами в каждой точке их пересечения. Филлипс откидывается на стуле.

– Боюсь, что да. Может быть, не с точностью до миллиметра, но да. Он прав.

На следующий день в 11:15 утра Анна Филлипс останавливает машину перед викторианским домом с двумя комнатами внизу и двумя спальнями наверху, принадлежащим Полин Побер. Палисадник перед домом полон шток-роз, а вокруг кустов бурачника гудят пчелы. Детектив-констебль Эндрю Бакстер ослабляет галстук и выглядывает из окна машины. Ветер унес вчерашние дождевые облака, и солнечные лучи уже сейчас здорово припекают.

– Это все напоминает мне поиски черной кошки в темной комнате, – раздраженно говорит Эндрю. – Мы уже арестовали Мэйсона, так какого черта?

Анна выключает двигатель.

– Судя по тому, что я видела вчера, арест Мэйсона не так однозначен, как мы все надеялись. Да и в любом случае я уже договорилась с миссис Побер, так что не приехать было бы просто невежливо.

Бакстер бормочет что-то про старых склочниц с их кошками, но Филлипс решает не обращать на это внимания. Полицейские выходят из машины, которую она тщательно запирает, и пока они идут по тропинке, в соседнем доме двигается занавеска. Анна сама выросла в деревне наподобие этой и прекрасно знает, каким садком с пираньями может быть подобное поселение. А вот сама миссис Побер их не ждет – входная дверь открывается только минуты через три после звонка.

На щеке хозяйки черное пятно, а в доме ясно ощущается довольно неприятный и очень сильный запах.

– Простите великодушно, – говорит женщина, широко улыбаясь и вытирая руки о неряшливого вида штаны. – Чертова канализация опять засорилась, так что мне пришлось вытаскивать насосные тяги. Проходите на задний двор. Там воздух немного чище, если вы меня понимаете.

Увидев выражение на лице Бакстера, Филлипс прячет улыбку, и они вдвоем проходят за хозяйкой через коттедж в небольшой, но очень красивый сад. Это почти квадратная лужайка, окруженная по периметру буйно разросшимися цветами. Лаванда, ломонос, пенстемоны, гвоздики, голубая герань...

– До того, как умер Реджи, у нас был сад в три раза больше этого, – рассказывает хозяйка. – А в одиночку мне и этого многовато.

– Очаровательный сад, миссис Побер, – отвечает Анна, взяв стул.

– Прощу вас, просто Полин, – говорит хозяйка, отмахиваясь от осы. – Хотите выпить? У меня в холодильнике есть охлажденная «Стелла»^[106].

– Э-э-э... нет, спасибо, мы на службе, – отвечает Эндрю страдальческим тоном.

– Так чем я могу вам помочь, офицеры? По телефону вы сказали, что вас интересует этот кошмарный случай на Лансароте много лет назад.

– Вы правы, – соглашается Анна. – Нас интересует все, что вы можете нам рассказать, – все, что не попало тогда в газеты.

Полин откидывается в кресле и проводит пальцем по брови.

– Знаете, это было так давно... Не уверена, что смогу вам чем-то помочь.

Филлипс смотрит на Бакстера, который всем своим видом показывает, что не собирается принимать участие в беседе с этой «домашней курицей».

«Ну, что ж, – думает про себя Анна, – взялся за гуж, не говори, что не дюж».

– Вы встречались с семейством Уили до происшествия, Полин? – спрашивает она.

– Я помню, что мы летели с ними в одном самолете, – начинает рассказывать хозяйка. – К тому времени мы с Реджи были, можно сказать, опытными путешественниками, а по их виду можно было сразу понять, что они абсолютные новички. На самолет они захватили с собой громадный пакет с сэндвичами и *термос*, вы можете себе такое представить?! Конечно, все это было задолго до одиннадцатого сентября^[107]. Было очевидно, что сама миссис Уили здорово боится летать. Они сидели на пару рядов позади нас, и я всю дорогу слышала ее бормотание – не думаю, чтобы она обращалась к кому-то конкретно. Просто выпускала пар, чтобы успокоиться.

– А девочки? Шэрон и Джессика?

Полин улыбается.

– Эта Джессика была просто маленьким очарованием. Как только погас знак «Пристегните ремни», она слезла с кресла и все время бродила по проходу, таская за собой громадного плюшевого медведя. Все подходила к пассажирам и спрашивала, как их зовут. Так мило! Видно было, что родители не могут на нее надышаться.

– А Шэрон?

Миссис Побер глубоко вздыхает.

– Четырнадцать – это не самый простой возраст, да? Приближаются экзамены, начинаются «трудные дни» и все такое...

С Бакстера можно писать картины.

– И вы оказались в одном и том же отеле? – продолжает расспросы Филлипс.

– Да. Мы видели их время от времени, но, честно говоря, мы приехали тогда, чтобы наблюдать за птицами, а не сидеть на пляже. Реджи никогда не мог тупо ничего не делать. Я всегда говорила, что у него пропеллер в заднице.

– Я сама знаю несколько таких людей, – усмехается Анна. – Так, значит, вы не часто видели Уили?

– Они определенно ни с кем не общались. У меня сложилось впечатление, что до этого они никогда не были в отеле. Знаете, все эти мелочи – они не знали, что по утрам в гостинице завтрак-буфет и сколько надо оставлять чаевых... И потом, за всю неделю я ни разу не видела родителей в купальных костюмах – даже на пляже он всегда был в слаксах и рубашке, а она – в сарафане. Сейчас, когда я это вспоминаю, мне становится грустно. Все это выглядело так, будто, с одной стороны, они знают, что должны наслаждаться жизнью, а с другой – не имеют понятия, как это делать.

– А что произошло в тот день – когда случилось несчастье?

– Вот это я помню хорошо – такое не забывается, правда? Отель устроил вечеринку на пляже. Они делали это каждую пятницу. Для детей – игры и мороженое, для родителей – вечернее барбекю. Все очень мило. Несколько детей играли на надувных лодках, и я помню, как видела Шэрон с Джессикой на лодке с осьминогом на борту. Мне кажется, что это как раз подходило к тематике вечера. Так вот, позже один из молодых официантов стал их искать, и выяснилось, что в последние тридцать минут детей никто не видел. А потом... Боже, потом начался весь этот ад! Миссис Уили кричала, мистер Уили орал на обслуживающий персонал, а потом кому-то показалось, что он видит их надувную лодку за буйками. Тогда мистер Уили сорвал с себя рубашку и бросился в море – его никто не успел остановить.

Вспоминая, хозяйка качает головой.

– Несколько более молодых пап бросились в воду вслед за ним – и хорошо, потому что, проплыв несколько ярдов, мистер Уили совсем выдохся. Так что теперь помогать надо было уже ему. До лодки первыми добрались два молодых официанта. Но к этому времени девочки уже были

в воде... – Полин вздыхает. – Остальное, думаю, вы уже знаете.

– А что было с Уили потом?

– Как называются эти, которые не умирают? Зомби? Точно, зомби. Они выглядели так, будто их миру пришел конец. В те времена туристические компании не оказывали вам той поддержки, которую вы можете получить в наши дни, так что эти бедняги просто бродили по отелю в ожидании своего рейса домой. Они появлялись в ресторане и не ели, сидели в лобби и тупо смотрели в пространство. Все это было достойно сочувствия.

– А Шэрон?

– Она была здорово потрясена. Я была там, когда ее вынесли на пляж. Она, должно быть, наглоталась морской воды, потому что ее сильно рвало. Но после того как Шэрон вернулась из больницы, мне кажется, что ни один из родителей за все время не сказал ей ни слова. Кроме одного раза. В отеле устраивали какое-то мероприятие – я уже забыла какое, – и девочка, по-видимому, хотела на него попасть, потому что неожиданно, посреди завтрака, ее отец встал из-за стола и закричал на нее, что она должна иметь хоть какое-то уважение, что все произошло только из-за нее и что он хотел бы, чтобы она умерла вместо Джессики. А потом швырнул на стол салфетку и вышел. Тогда я видела их в последний раз... – Миссис Побер снова вздыхает. – Бедная девочка! Бедная, бедная девочка... Я часто думала, что с ней произошло потом в жизни...

Все замолкают. Неожиданно Полин наклоняется вперед и подозрительно смотрит на своих гостей.

– Так, значит, вы здесь поэтому, не так ли? Не могу понять, как это не пришло мне в голову: Шэрон – это же имя той женщины, у которой пропала дочь... Дейзи, так ее, кажется, звали? Так вот почему вы здесь!

– Понимаете... – начинает Анна, но хозяйка дома еще не закончила:

– Так вы, значит, не думаете, что тогда произошел несчастный случай, да? Вы думаете, что она убила свою сестру, а сейчас убила свою маленькую дочку...

– Мы ничего не знаем наверняка, миссис Побер, – говорит Бакстер. – Расследование еще не завершено...

– Я знаю, что это значит, молодой человек. Это значит, что вы думаете, что она виновата, но у вас нет доказательств. И теперь вы хотите – с *моей* помощью – изменить баланс сил в свою пользу.

– Мы просто стараемся добыть как можно больше информации, – мягко говорит Филлипс.

Полин встает. Заметно, что она вся дрожит.

– Думаю, что вам сейчас лучше уйти.

Уходить им приходится в неприятной атмосфере. На самом пороге Анна останавливается, чтобы поблагодарить хозяйку, но дверь уже закрывается.

– Миссис Побер? Последний вопрос – обещаю, что не про Шэрон! – просит Филлипс.

Дверь немного приоткрывается, но только самую малость.

– Вы упомянули, что вечеринка была тематической. Это было как-то связано с украшением на лодке?

Полин кивает, но теперь она настороже:

– Тема была «Сад осьминога».

– Как в песне «Битлз»^[108]? Значит, украшения имели отношение к морю – ракушки, морские коньки и все такое...

– Да, что-то в этом роде. А дети могли, если хотели, переодеться.

– Правда? – Анна делает шаг в сторону двери. – В маскарадные костюмы? А какой костюм был на Джессике?

27 июля 1991 года

Отель «Ла Марина», Лансарот

В первый день каникул девочка просыпается очень рано. Все еще спят. Она вылезает из кровати на колесиках, которую делит со своей сестрой, и быстро одевается, стараясь не разбудить родителей. Ее отец лежит на спине и храпит, а лицо матери даже во сне выглядит раздраженным. Девочка берет свои желтые шлепки и осторожно закрывает за собой дверь. На мгновение останавливается, стараясь вспомнить, в какой стороне находится лестница. Там же расположен и лифт, но они никогда в жизни им не пользовались, и девочка боится застрять в нем, если поедет одна. Вчера, когда они приехали, папа заставил их всех подниматься на третий этаж пешком. Сам он при этом задыхался и останавливался передохнуть на каждой лестничной площадке.

Когда девочка спускается вниз, на ресепшен никого нет. Только на стойке стоит плакат, предлагающий в случае необходимости звонить в звонок. Где-то далеко-далеко слышны звуки – там накрывают столы к завтраку. Но ей надо совсем другое.

Первые две двери, которые она пробует, заперты, но вот наконец-то

девочка на свободе. Когда она добирается до пляжа, то снимает свои шлепки и босиком – сперва очень осторожно, а потом все быстрее – бежит к морю. Солнце только встало, воздух еще свеж, и весь этот прекрасный мир принадлежит ей одной. Необъятное голубое небо, сверкающие волны, набегающие на берег и в пене отступающие в море... Она не была так счастлива вот уже несколько лет – с момента рождения сестры. С того момента, как все переменилось.

Девочка закрывает глаза и подставляет лицо солнечным лучам – она чувствует тепло своей кожей и видит красные круги под закрытыми веками. Когда же вновь открывает глаза, то видит медленно идущую по кромке воды женщину. Рядом с ней идет маленькая девочка в сарафанчике с цветами и в розовой мягкой шляпе. Женщина аккуратно держит девочку за руку, а та прыгает в волнах, визжит и брызгается водой. Когда они подходят достаточно близко, женщина улыбается девочке:

– А ты ранняя пташка!

– Я не могу спать от волнения. Никогда раньше не была за границей.

– Здорово, когда весь пляж принадлежит только тебе, правда? Мы живем сразу за заливом. И очень любим раннее утро.

Женщина наклоняется к малышке и поправляет ее шляпу. Девчушка протягивает руки матери, и женщина поднимает ее в воздух и начинает вращать вокруг себя – круг за кругом, круг за кругом – в сверкающем от солнечных лучей воздухе.

Девочка-подросток затаив дыхание наблюдает за ними – она похожа на верующего, увидевшего кусочек рая. Наконец женщина осторожно опускает ребенка на песок, и они продолжают свой путь. И успевают отойти довольно далеко, когда девочка неожиданно кричит женщине:

– Как зовут вашу малышку?

Женщина поворачивается и вновь улыбается – ветер треплет ее волосы, играет ее серьгами, обвивает ей ноги белым платьем из хлопка.

– Дейзи! – кричит она в ответ. – Ее зовут Дейзи.

– Итак, вы настаиваете, миссис Мэйсон, что ваш муж виноват в смерти вашей дочери?

Шэрон непроизвольно сжимает и разжимает руки на коленях. На этот раз она без сумочки.

– Его перчатки нашли в контейнере. На них ее кровь и его ДНК.

9 января 2017 года, Королевский суд Оксфорда, зал заседаний № 2. За окном темное небо, и капли дождя разбиваются о стекло. Несмотря на то что в помещении жуткий холод, места для публики полны – это первый раз, когда Шэрон Мэйсон занимает место свидетеля. На ней простое синее платье с белым воротничком и белыми манжетами. Скорее всего, она выбрала его не сама.

Обвинитель поднимает голову от своих бумаг.

– Но ведь более поздний тест показал наличие *ивашей* ДНК, не так ли?

– Только снаружи! – огрызается Шэрон. – Он все время разбрасывал их по всему дому, а мне вечно приходилось их убирать. Я их никогда *не* носила.

– Но даже если б вы их носили, на них необязательно должна была быть ваша ДНК, правда, миссис Мэйсон? Если б, например, у вас на руках были другие перчатки. Скажем, из резины. Их не так уж трудно купить.

– Я об этом ничего не знаю. – Свидетельница поднимает подбородок.

– Как мы уже слышали от инспектора Фаули, на допросах вы утверждали, что вашу дочь убил ваш муж и что он же избавился от тела. Вы рассказывали, что он ее домогался и убил ее – скорее всего или в приступе ярости, или чтобы помешать ей разоблачить изнасилование. Это так?

Шэрон молчит. Зрители перешептываются, глядя друг на друга.

Обвинитель замолкает и какое-то время изучает свои заметки.

– Ну, что ж, тогда перейдем к вещественным доказательствам, не возражаете?.. Предмет номер восемнадцать в вашем списке, ваша честь, – говорит он, кивая судье.

– Прошу вас, мистер Агню, – отзывается судья.

Агню поворачивается к присяжным.

– Как мы уже слышали, полиция воспользовалась специальным симуляционным программным обеспечением, чтобы проанализировать эпизод, зафиксированный камерой поезда, проехавшего по железнодорожному переезду около пяти вечера того дня, когда исчезла Дейзи. Полагаю, мы можем показать эту запись присяжным на большом экране?

Служитель включает компьютер, и на экране появляется застывший кадр видеозаписи. Обвинитель вооружается электронной указкой и направляет красный луч на экран.

– Я хотел бы привлечь ваше внимание к тому, что вы можете здесь видеть. По версии государственного обвинения, тело находилось вот в этой

тачке, что и было подтверждено, когда эксперты-криминалисты исследовали частицы крови, обнаруженные на ней. Можете поверить мне на слово – сейчас вы смотрите на убийцу Дейзи.

Агню оглядывает аудиторию. Атмосфера в помещении наэлектризована.

– К сожалению, качество записи не позволяет нам рассмотреть изображение более детально. Однако мне приятно сообщить вам, что дальнейшее не обошлось без помощи цифровых технологий.

Обвинитель еще раз нажимает кнопку дистанционного пульта, и на экране появляется фотограмметрическое изображение. На нем можно прочесть различные надписи: «Железнодорожные рельсы», «Огородные участки», «Гора строительного мусора»... Агню молчит, позволяя всем получше рассмотреть изображение.

– Эта технология успешно опробована как в расследовании криминальных преступлений, так и в других процессуальных действиях и уже доказала свою надежность. То, что я вам сейчас покажу, было также подтверждено независимой реконструкцией произошедшего на месте преступления, подробности которой находятся в папках, лежащих перед вами.

Еще один щелчок, и на изображение накладывается сетка из линий с множеством цифр.

– Как вы можете видеть, – продолжает обвинитель, – данная программа позволяет нам превратить двухмерное изображение в трехмерное. Или, если хотите, в виртуальную реальность. А так как размеры некоторых из этих предметов – например, изгороди – доподлинно известны, мы можем использовать их для определения высоты или ширины предметов, размеры которых нам *неизвестны*. Используя эту программу, полиция окончательно доказала, что рост человека на этом изображении не более ста семидесяти сантиметров, – тут он бросает взгляд на присяжных, – то есть приблизительно пять футов и шесть дюймов.

Услышав эти слова, зал взрывается. Судья призывает зрителей к порядку.

Обвинитель поворачивается к Шэрон:

– Какого роста ваш муж, миссис Мэйсон?

– Шесть и два. – Женщина ерзает в кресле.

– Шесть футов и два дюйма. Или один метр восемьдесят восемь сантиметров. Приблизительно. То есть – я обращаю на это ваше внимание – абсолютно невозможно, чтобы человек на этом изображении был вашим мужем.

– Не знаю. Это его надо спрашивать.
Агню улыбается. Как кот.
– А может быть, вы назовете нам свой рост, миссис Мэйсон?
– Пять футов шесть дюймов, – отвечает Шэрон, глядя на судью.
– Простите, я плохо расслышал, – говорит обвинитель.
– *Пять футов и шесть дюймов!*
– То есть *в точности* такой, как у фигуры на фото.
– Это просто совпадение.
– Неужели? – Еще одно движение указки. – А не могли бы вы описать мне, *что* видите вот здесь? Во что обут этот человек?
Свидетельница прищуривается:
– Похоже на кроссовки.
– Согласен. Синие кроссовки. Немного странная обувь для строительного рабочего, вам не кажется? Они скорее должны носить защитные ботинки или что-то в этом роде?
– Не имею об этом ни малейшего представления.
Агню приподнимает бровь.
– Насколько я знаю, вы бегунья, миссис Мэйсон? – задает он следующий вопрос.
– Я не бегунья. Я занимаюсь джоггингом.
– Странно... а нам сообщили, что вы раньше бегали каждое утро, пробегая по нескольку миль за раз...
– Чаще всего – да, – пожимает плечами Шэрон.
– И вы бегаєте в кроссовках?
– А в чем еще? – Свидетельница смотрит на обвинителя.
– И сколько же у вас пар?
Теперь видно, что женщина растерялась.
– Пара старых на зиму, на грязь. И еще одна, поновее.
– И какого же цвета те, что поновее?
– Синие, – раздается после некоторого колебания.
– То есть того же цвета, что и эти, на изображении?
– Возможно.
– И что же, мы должны поверить, что это тоже совпадение?
Шэрон с ненавистью смотрит на Агню, но ничего не говорит.
– А ведь нам же говорили – и это слова экспертов, – что на подошвах кроссовок, изъятых в вашем доме, обнаружались частицы щебня, используемого для отсыпки железнодорожных путей?
Защитница встает:
– Ваша честь, уже давно установлено и подтверждено свидетельскими

показаниями, что моя клиентка бегала в Порт-Мидоу и поэтому пользовалась железнодорожным переходом, чтобы добраться туда, еще до того, как тот был закрыт. Таким образом, это абсолютно невинное объяснение того, что на ее кроссовках обнаружены следы щебня. – Она смотрит на присяжных, как бы подчеркивая важность сказанного, и возвращается на свое место.

Обвинитель снимает очки.

– Несмотря на вмешательство мисс Кирби, я хотел бы сообщить вам, миссис Мэйсон, что на этом изображении именно вы. В светоотражающей одежде, со скрытыми лицом и волосами вы толкаете тачку, в которой лежит тело вашей дочери. На вас надета одежда вашего мужа и его перчатки. От которых вы позже избавитесь на Лофтон-роуд. Но вот его ботинки – а они одиннадцатого размера^[109] – вы надеть не смогли. Вам, с вашим пятым^[110] размером, было бы просто невозможно идти в них. Поэтому и пришлось надеть кроссовки.

– Это не я. Я уже говорила. Меня там не было! – заявляет мать Дейзи.

– Тогда где же вы были? В тот день, в пять часов вечера? В то время, которое отмечено на экране?

– Дома, – отвечает Шэрон, сжимая руки. – Я была дома.

– Но это не совсем так, правда? Вы сообщили полиции, что в тот день оставили своих детей одних в доме и отъехали на машине по крайней мере минут на сорок. И было это, – Агню сжимает указку, – именно в то время, которое указано на экране.

– Я ездила по магазинам. – Голос свидетельницы звучит угрюмо. – В поисках майонеза. Для вечеринки.

– Но вы же сами *утверждаете*, что не смогли его нигде найти, так что не существует никаких электронных подтверждений подобной покупки. И в тех магазинах, которые вы назвали, вас никто не помнит – или я ошибаюсь?

– Но это не доказывает, что меня там не было.

– Так же как не доказывает, что вы там *были*, миссис Мэйсон. Напротив, государственное обвинение считает, что эти сорок минут вы потратили на то, чтобы доехать до парковки возле железнодорожного переезда и спрятать тело дочери в куче строительного мусора, оставшегося от старого перехода. В куче мусора, который – как вы очень удачно *узнали* из листовки, брошенной в ваш почтовый ящик, – должны были увезти той же ночью.

Агню нажимает кнопку на пульте, и на экране появляется изображение Дейзи. Она улыбается в своем карнавальном костюме. Очаровательной

улыбкой, которая демонстрирует отсутствие переднего зуба. Фото сделано за три дня до ее исчезновения. После этого обвинитель поднимает прозрачный пластиковый мешок. Среди публики слышатся резкие вздохи, а двое или трое присяжных подносят руки ко рту.

– Вещественное доказательство номер девятнадцать, ваша честь. Анализ ДНК подтвердил, что этот зуб принадлежал Дейзи Мэйсон. Как нам известно, его нашла в щебенке недалеко от того места, где лежала эта куча мусора, поисковая команда Управления полиции долины Темзы. – Агню опять берется за указку и показывает на экран. На нем появляется красный ярлык, отмечающий место. После этого обвинитель поворачивается к присяжным. – Я уверен, леди и джентльмены, что Дейзи собиралась спрятать зуб у себя под подушкой, как любая маленькая девочка. Может быть, у вас у самих есть дети, которые так поступали. Но за этим зубом фея никогда не придет, не так ли, миссис Мэйсон?

Адвокат Шэрон встает:

– Возражаю, ваша честь.

Судья смотрит на защитницу поверх очков:

– Продолжайте, мистер Агню.

Обвинитель кланяется:

– Итак, миссис Мэйсон, давайте подведем итог. Если вашу дочь убил ваш муж, то для этого у него были всего две возможности. Или он убил ее, когда вернулся домой в пять тридцать вечера, или он вернулся в дом раньше, как раз в то время, когда вы занимались безуспешными поисками майонеза. Первый вариант мы можем спокойно отбросить во многом потому, что время не совпадает со временем, когда была сделана запись. Да и в любом случае, если б он убил ее именно тогда, это произошло бы в то время, когда вы находились в доме и вам по определению пришлось бы помогать ему скрыть преступление – хотя бы тем, что вы не сообщили бы о нем в полицию. Но я полагаю, что в этом вы, миссис Мэйсон, замешаны не были.

– Нет.

– Тогда нам остаются те самые сорок минут, во время которых вас не было в доме. То есть приблизительно между четырьмя тридцатью пятью и пятью пятнадцатью вечера. За это время ваш муж должен был приехать домой, неожиданно обнаружить, что вас там нет, воспользоваться этим и убить дочь, после чего так тщательно упаковать ее тело, что в пикапе не осталось никаких следов его присутствия, и уехать из дома. И все это за сорок минут. Потом ему надо было доехать до железнодорожного переезда, положить Дейзи в тачку, в которой – как удивительно! – следы как раз

остались, и спрятать ее тело в куче строительного мусора. После чего он смог выбросить перчатки, снять светоотражающую одежду и возвратиться домой в пять тридцать вечера. Неплохой результат. Он никогда не задумывался о съемках в «Супермаркет свип»^[111]?

В зале раздается смех, но по судье видно, что ей совсем не весело. Агню продолжает:

– Однако во всей этой истории есть одна маленькая неувязочка. Не так ли, миссис Мэйсон? Потому что человек, который похоронил тело и которого мы видим на этом видео, *никак не может быть вашим мужем*.

Шэрон старается не встречаться с ним взглядом. На щеках у нее появляются два ярких пятна, а само лицо мертвенно бледнеет.

– Так кто же это, миссис Мэйсон? – настаивает обвинитель.

– Я уже говорила – я не знаю.

– А я утверждаю, что вы знаете это абсолютно точно. Это *вы*, правильно?

– Нет, это не я. – Женщина вздергивает подбородок. – Сколько раз можно это повторять? Это – не – я!

19 июля 2016 года, 17:18

День исчезновения

Лофтон-роуд, Оксфорд

Женщина останавливает машину на обочине и выключает двигатель. Что ж, пока все идет как надо. Поезд в 16:58 не опоздал, но даже если никто из пассажиров ее не заметил, она абсолютно уверена, что в наши дни на всех машинах такси есть камеры видеорегистрации. А тачки и одежды для полиции будет вполне достаточно.

Теперь осталось только разобраться с перчатками. А для этого ей необходим свидетель. Лучше всего – пожилая женщина. Которая везде сует свой нос. Такие обычно всё замечают. Удивительно, как сложно бывает сделать так, чтобы тебя заметили, даже если очень стараешься! Люди так заняты своими делами... Так погружены в себя...

Она разворачивает газету у себя на коленях и проверяет перчатки. Их можно было оставить на переезде, но полиции надо бросить какую-то кость, когда она начнет расследовать убийство. Что-то похожее на кусочки

пазла, которые следователи могли бы сложить вместе и решить, что нашли разгадку. Потому что, если до конца вникнуть в это дело, другого выхода у нее не было. Это должно было быть только убийство.

Дейзи должна была умереть.

– Итак, миссис Мэйсон, – продолжает Агню, – вы продолжаете утверждать, что человек на видеозаписи – это не вы. Даже несмотря на то, что это человек одного с вами роста. Даже несмотря на то, что на нем приметные кроссовки, как две капли воды похожие на ваши. И даже несмотря на то, что этот человек одет в светоотражающую одежду, похожую на ту, которую ваш муж держал в доме. Не слишком ли много совпадений, миссис Мэйсон?

– Такую одежду может достать кто угодно, – настаивает на своем свидетельница.

Обвинитель делает шаг назад в притворном изумлении:

– Должен ли я понимать это так, что вы *меняете ваши показания*, миссис Мэйсон? Что теперь вы говорите о том, что Дейзи Мэйсон убил кто-то *третий*, а не ваш муж?

– Но кто-то же должен был это сделать или нет? – Теперь в голосе Шэрон слышится сарказм. – Если это не Барри, значит, это сделал кто-то еще, но точно не я. *Моей вины в этом нет.*

– Я вас понял. И соглашусь, что достать светоотражающую одежду в наши дни совсем не сложно. Нынче практически все что угодно можно купить онлайн и при этом сохранить относительную анонимность. Но как это согласуется с временным промежутком, который у нас имеется? Ваша дочь исчезла в какой-то момент во второй половине дня, девятнадцатого июля. Это нам известно. Запись была сделана без нескольких минут пять, в тот же день. Это нам тоже известно. Значит, у человека, который изображен на ней, светоотражающая одежда должна была быть *наготове*. А помимо тех, кто реально работает на строительстве, таких людей достаточно мало. Вас это, естественно, не касается.

Защитница встает, и судья кивает ей.

– Предвижу ваше возражение, мисс Кирби.

– Я снимаю свое последнее заявление, ваша честь, – говорит Агню. – Но у меня есть еще один вопрос к миссис Мэйсон. Если вы сейчас

пытаетесь убедить суд в том, что ваша дочь была похищена неизвестным, то почему вы потратили столько усилий, чтобы подставить вашего мужа?

Шэррон старательно отводит глаза.

– Ведь вы же сами доставили в полицию два предмета, не так ли? С единственной целью – убедить всех, что ваш муж растлевал вашу дочь и, таким образом, по умолчанию имел повод для убийства. Я говорю об уличающей поздравительной открытке ко дню рождения, вещественное доказательство номер семь, извлеченной вами из мусорного ведра, после того как ваш муж ее туда выбросил, и о карнавальном костюме русалки, который, по вашему утверждению, он сам спрятал в своем шкафу, – вещественное доказательство номер восемь.

– Он действительно спрятал – что бы это ни было – там, где я это нашла.

– И вы заявили, что до того самого момента даже не подозревали, что ваша дочь подвергается сексуальным надругательствам?

Тишина.

Агню надевает очки и роется в своих бумагах.

– Это утверждение прямо противоречит тому, что раньше показал в этом зале ваш муж. Он сказал, что еще в апреле две тысячи шестнадцатого года вы пытались обвинить его в некоей кровосмесительной связи с вашей дочерью, когда впервые столкнулись с ним по поводу поздравительной открытки. И тем не менее вы не удосужились сообщить об этом в соответствующие органы.

И опять тишина. Шэррон так крепко сжимает руки, что костяшки ее пальцев белеют.

– Это была месть, не так ли? – продолжает обвинитель. – Примитивная и ничем не прикрытая. Вы узнали, что ваш муж зарегистрирован на сайте знакомств, встречается с молодыми женщинами и спит с ними, и вы увидели свой шанс отомстить ему, убив свою дочь. Вы сообщили полиции информацию, которая указывала на его виновность, и использовали его светоотражающую одежду, когда избавлялись от тела Дейзи, – на тот случай, чтобы если б вас кто-то увидел, то принял бы за мужчину, а не за женщину. То есть за вашего мужа, а не за вас.

– Да он не просто изменял мне – он увлекался порнографией! *Детским порно*. – Миссис Мэйсон подается вперед и тычет пальцем в сторону Агню. – *И за это сейчас сидит.*

Обвинитель поднимает бровь.

– Да, но тогда вам ничего об этом не было известно, не так ли? Вы не знали об этом *до того*, как исчезла ваша дочь. По крайней мере, так вы

сказали полиции.

– Я и про сайт знакомств ничего не знала! – огрызается Шэрон. – О какой мести идет речь, если я ничего не знала? Я не телепат. Я даже не знала, что у него был второй телефон.

– Но вы *знали*, что он постоянно задерживается на работе. Вы знали, что его оправдания раз от разу становились все менее убедительными. И вы в течение многих месяцев с удивительным постоянством обвиняли его в наличии любовницы. Вы можете это опровергнуть?

Миссис Мэйсон открывает было рот – и вновь закрывает его. Ее щеки становятся пунцовыми.

– Тогда давайте повторим все еще раз, не возражаете? – предлагает Агню. – Так, чтобы мы поняли эту вашу новую историю. Если следовать ей, то вы находитесь дома и готовитесь к вечеринке, когда ваши сын и дочь возвращаются домой из школы: Дейзи – в четыре пятнадцать, а Лео – в четыре тридцать пополудни. Дейзи у себя в комнате включает музыку. От Лео вы узнаете, что между ними произошла ссора, но не поднимаетесь наверх, чтобы переговорить с Дейзи. Сразу же после четырех тридцати вы отъезжаете за майонезом, оставив детей одних в доме. В пять пятнадцать вы возвращаетесь без майонеза. И снова не поднимаетесь к Дейзи. Или к Лео. Ваш муж возвращается в пять тридцать и также не поднимается на второй этаж, чтобы увидеть детей. Гости начинают собираться к семи часам, и весь вечер вы наблюдаете за тем, как соседская девочка веселится в костюме маргаритки, *даже не подозревая* – это ваша собственная фраза, – что это не ваша дочь.

Кто-то из публики выкрикивает оскорбление, и судья резко поднимает голову:

– Тишина, или я прикажу очистить зал заседаний.

Агню набирает в легкие побольше воздуха:

– Так когда же *точно*, по вашему мнению, миссис Мэйсон, исчезла ваша дочь?

Шэрон пожимает плечами, избегая его взгляда:

– Это произошло, пока меня не было.

– То есть мы вновь возвращаемся все к тем же самым пресловутым сорока минутам? Вы хотите, чтобы мы поверили, что какой-то неизвестный педофил – случайный злоумышленник – внезапно решил воспользоваться *именно этим промежутком*, чтобы влезть к вам в дом?

– Она могла их знать. Могла встречаться с ними до того и сама впустить их в дом. *Вы* ее просто не знаете. Она *обожала* всякие секреты. *Обожала* делать все за моей спиной.

В ответ на это заявление по залу прокатывается шелест голосов, а защитники нервно переглядываются.

– Ну разумеется. – Обвинитель поворачивается, чтобы посмотреть на присяжных. – Думаю, что членам высокочтимого суда будет небезынтересно полюбоваться на мать, которая говорит такое о ребенке – о собственном *убитом* ребенке...

Мисс Кирби начинает подниматься из-за стола, но Агню опережает ее:

– Я снимаю свое последнее замечание, ваша честь. Но если позволите, я хочу задать вопрос обвиняемой. Может ли она назвать пример – любой пример – *реальной* двуличности со стороны своей дочери?

– Ну, – Шэрон заливается краской, – для начала – она встречалась с этим своим гнусным сводным братом. И я *об этом ничего* не знала.

– И вы хотите, чтобы суд вам поверил?

– Вы что, называете меня лгуньей? Мы не знали. Я не знала. Я бы прекратила это все к чертовой матери, если б только узнала.

Это была ловушка, в которую Шэрон легко попала.

– Я вас понял, – говорит Агню после долгой паузы. – У вас что, привычка такая, миссис Мэйсон, *прекращать к чертовой матери* все, что вам не нравится?

На этот раз вмешивается судья:

– Суд не будет рассматривать ваше последнее замечание. Прошу вас, продолжайте, мистер Агню.

Обвинитель смотрит в свои записи:

– Независимо от того, знали ли вы о том, что ваша дочь встречается со своим сводным братом или нет, в тот день к вам в дом, миссис Мэйсон, Джейми Нортхэм не заходил, не так ли? Ибо доподлинно известно, что в это время он находился в двадцати милях отсюда, на репетиции свадьбы в Горинге. Значит, вы хотите сказать, что Дейзи встречалась с кем-то еще – что у нее была *вторая* секретная связь? А такое вообще возможно? Ведь девочке всего восемь лет, и у нее нет ни мобильного телефона, ни доступа к Интернету... Но даже если б эта связь существовала, неужели Лео не заметил бы, как в тот день знакомые Дейзи подошли к двери или взломали ее?

Шэрон пристально смотрит на обвинителя – ее гнев уже готов вырваться наружу.

– У него на голове были наушники.

Но Агню не сдается – он отлично подготовился к заседанию.

– Но если даже и так – не могу поверить, что он ничего не заметил и ничего вам не сказал, когда вы вернулись. В конце концов, – он не отводит

от Шэрон взгляд, вбивая последние слова, как гвозди, – вы его мать, а *он ваш сын...*

Это последняя капля.

– *Этот чертов ребенок не мой сын!* – Слова вырываются у нее прежде, чем она может их обдумать. – А если вы думаете, что он мог что-то услышать или что-то сделать, то это неуместная шутка. *С ним что-то не в порядке.* И всегда так было. Ради бога – он же сам сжег этот гребаный дом! И если уж вам так надо обязательно кого-то обвинить, то обвиняйте его дуру-мать, а не меня.

Кирби опять вскакивает на ноги, чтобы выразить протест, а публика в зале кричит и размахивает руками. Проходит не меньше пяти минут, прежде чем удается восстановить порядок. И все это время тяжело дышащая Шэрон сидит неподвижно.

– Итак, вы решили настаивать на своих показаниях, – вновь вступает Агню. – На том, что вы не видели Дейзи после того, как она вернулась домой. Не видели и не говорили с ней...

Свидетельница краснеет, но хранит молчание.

– А как в таком случае вы объясните вот это? – Обвинитель поднимает со стоящего перед ним стола прозрачный пакет. – Улика номер девять, ваша честь. Детский кардиган из хлопка, найденный под тачкой на парковке. Кардиган, который, как мы все знаем, был опознан как тот, который носила Дейзи Мэйсон в день своего исчезновения. – Он нажимает кнопку на пульте, и на экране появляется запись со школьной камеры наружного наблюдения.

Публика открывает рот от удивления – полиция этого не показывала. Эту съемку еще никто не видел. Агню ждет. Пусть они увидят Дейзи живой, смеющейся, купающейся в солнечных лучах. Наконец он ставит запись на паузу.

– Это последний раз, когда Дейзи Мэйсон видели живой. Кардиган повязан у нее на плечах и, как видите, он абсолютно чистый. Хорошо заметны оба рукава, на которых нет никаких пятен.

Обвинитель вновь поднимает пакет с уликой.

– Думаю, что присяжным будет трудно разглядеть это под слоем грязи, но анализ показал, что на левом рукаве имеются следы крови. И это кровь не Дейзи. А совершенно другого человека. И этот человек – *вы*, миссис Мэйсон.

Он молчит, ожидая, пока аудитория усвоит информацию.

– Так, может быть, вы поделитесь с нами, миссис Мэйсон, каким образом ваша кровь оказалась на этом кардигане, если ее не было на нем в

три сорок девять, когда ваша дочь ушла из школы? И вы продолжаете утверждать, что не видели Дейзи после того, как она в тот день вернулась домой?

Наверное, Шэрон ждала этого, но возразить ей нечего. Ни одно из ее объяснений не выдержит хотьмало-мальски пристального изучения.

– Я порезалась, – произносит наконец она. – На полу в кухне были осколки стекла.

– Ах, ну да... Та самая знаменитая разбитая банка с майонезом. Но это все равно не объясняет, как ваша кровь оказалась на кардигане. Может быть, вы просветите нас, миссис Мэйсон?

– После того как я услышала, как она вернулась, я увидела кардиган валяющимся на ступеньках лестницы. В тот момент я как раз собиралась подняться к дочери. Я взяла его и повесила на крючок в прихожей. Я убиралась. Готовилась к вечеринке. И не знала, что рука все еще кровит, иначе положила бы кардиган в грязное белье.

– А когда вы заметили, что кардиган исчез?

Шэрон смотрит на обвинителя, и ее подбородок приподнимается.

– Когда пришел Лео. Но я тогда решила, что она спустилась и забрала его.

– И вы не стали рассказывать об этом полиции? Ни разу не упомянули об этом за все долгие часы допросов, которые проходили до того, как вас арестовали?

– Я не думала, что это так важно.

В зале суда устанавливается тишина. Шэрон никто не верит. Но больше у нее ничего нет.

Наступает долгая, долгая пауза.

19 июля 2016 года, 16:09

День исчезновения

Барж-Клоуз, № 5

Кухня

Она знала, что он лжет. Об этом говорил его голос, шумы на линии... И эхо в трубке было совсем другим. Он был не на улице, не на стройплощадке, а в помещении. В помещении с другими людьми. Теперь

она легко ее читала, эту партитуру его лжи.

Женщина осторожно кладет трубку и смотрит на пол. Майонез постепенно превращается в липкую, клейкую массу, притягивающую к себе жужжащих мух. Стекло повсюду – мелкие осколки хрустят под ногами. Когда через пять минут открывается входная дверь, Шэрон стоит на четвереньках и собирает осколки в кусок бумажного полотенца.

– Дейзи? Это ты?

Миссис Мэйсон встает и протягивает руку за чайным полотенцем.

На ее руках кровь.

– *Дейзи!* Ты меня слышишь? Немедленно подойди ко мне.

Наконец появляется ее дочь – она волочит за собой по полу ранец.

Шэрон сжимает губы, и на ее щеках появляются два ярких пятна.

– Это ты сделала, да? – говорит она, указывая на грязь на полу. – Сегодня утром ты последняя уходила с кухни. Значит, кроме тебя, некому.

– Это просто майонез. – Девочка пожимает плечами.

Мать делает шаг в ее сторону.

– Я *весь день* мотаюсь по магазинам, закупаюсь к этой вечеринке, и вот теперь мне надо ехать *опять*, потому что ты не соизволила сообщить мне о том, что наделала. Да и зачем он тебе вообще понадобился? Никто не ест майонез за *завтраком*. Или это новая заморочка от твоих фасонистых подруг? Нечто, что мы, по своей *толстокожести*, понять не в состоянии?

Дейзи открывает рот, но передумывает отвечать. Она смотрит сначала на майонез, а потом на свою мать и пренебрежительно вздергивает подбородок. Теперь они с миссис Мэйсон просто вылитые копии друг друга.

– Ты, наверное, думаешь, что слишком хороша для нас, да? – говорит Шэрон, подходя к дочери. – Ты что, думаешь, что я не знаю, почему твои гребаные Порция и Нанкси Чен не придут сегодня? Ты же стыдишься нас, нет? Ты свысока смотришь на свою *собственную семью*, совсем как эти заносчивые коровы... Как ты смеешь, *как ты только смеешь!*..

Дейзи поворачивается, чтобы уйти, но Шэрон бросается вперед и хватает ее за плечо, тянет за кардиган.

– Не смейте поворачиваться ко мне спиной, юная леди. Я ваша мать – извольте относиться ко мне с уважением.

Девочка выворачивается из рук матери, и какое-то время они стоят, сверля друг друга взглядами.

– Мисс Мадиган говорила, – медленно начинает Дейзи, личико которой побелело, – что уважение надо заработать. Тебя уважают за то, что ты сделала. А ты *ничего* не сделала. Ты уже даже *не красивая*. Поэтому

папочка ищет себе другую тетю. У него будет новая жена, а у меня – новая мамочка.

Это происходит прежде, чем Шэрон успевает сообразить, что она делает. Поднятая рука, жгучая затрецина, ярко-красный след. На мгновение женщина в ужасе замирает. Но не от того, что сделала, а от этого выражения на лице дочери. У девочки холодный, тяжелый взгляд триумфатора.

– Больше ты не моя мама, – шепчет Дейзи. – Я скорее умру, чем буду такой, как ты.

А потом она поворачивается, подбирает свой портфель и уходит.

– Дейзи? Дейзи! Немедленно вернись!

Дверь наверху захлопывается, и раздаются звуки музыки.

«Бум! Бум! Бум!» – доносится сквозь тонкие перегородки.

Шэрон подходит к раковине и дрожащей рукой наливает себе стакан воды. Когда она поворачивается, то видит Лео, который наблюдает за ней.

– На тебе кровь, – говорит мальчик.

Когда Агню возобновляет допрос, его голос звучит мягко, почти по-доброму:

– Но есть и еще одна версия того, что произошло в тот день, миссис Мэйсон, не так ли?

Шэрон отворачивается от него.

– За месяцы, предшествовавшие смерти вашей дочери, вы убедились, что у вашего мужа есть любовница. И эта ревность, эти подозрения настолько вас захватили, оказались настолько всепоглощающими, что вы потеряли способность мыслить рационально. Каждая женщина, на которую смотрел ваш муж, каждая женщина, которая улыбалась ему в ответ, только усиливали жуткое осознание его виновности. Вы даже собственную дочь стали рассматривать в качестве потенциальной соперницы, укравшей у вас ту любовь, которая, по вашему разумению, справедливо принадлежала только вам.

Голова Шэрон падает ей на грудь. Она плачет. От жалости к самой себе – скупыми и жалкими слезами.

– А потом, в тот самый вечер, все происходит одно к одному, – продолжает обвинитель. – Ваш муж звонит, чтобы сообщить, что

задерживается, и вы, таким образом, вынуждены одна готовиться к приему. Но не это самое страшное – вы уверены, что мистер Мэйсон не с клиентом, как он утверждает, а с другой женщиной. Кто знает, может быть, вы расслышали на заднем фоне женский голос или шум бара... Но как бы оно ни было, этого оказывается достаточно, чтобы вам вынесло мозг. Вы просто не можете больше это терпеть. И вот в этом невыносимом, обиженном, озлобленном состоянии вы поднимаетесь в комнату дочери. И что вы там видите? Вы видите, как она, все еще в школьной форме и с кардиганом на плечах, собирается мерить маскарадный костюм. Костюм, совершенно непохожий на тот, который вы с такими затратами для нее достали. Вы понимаете, что она легко обменяла его. И что она вам тогда сказала, миссис Мэйсон? Она что, сказала вам, что ее папочка будет *еще больше* любить ее в костюме русалки? Или что он считает ее красивее вас?

Голова Шэрон дергается вверх. «Нет, – безмолвно шепчут ее губы, – все было совсем не так».

Но обвинитель еще не закончил:

– Для любого другого, для любой другой матери происходящее было бы настолько тривиальным, что она не обратила бы на него никакого внимания. Но только не для вас. Для вас это служит спусковым механизмом, который дает волю неожиданной ярости, ведущей к ужасающим и непоправимым последствиям. Потому что костюм вызывает у вас воспоминания потрясающей яркости о другой невинной малышке, укравшей у вас когда-то внимание, которое, как вы считали, принадлежало только вам. О малышке, которую папа любил больше вас. О малышке, на которую Дейзи была похожа как две капли воды. О вашей сестре Джессике!

– Ваша честь! – кричит Кирби, вскакивая на ноги. – Это слишком предвзятый...

– О Джессике, – продолжает Агню, повышая голос, – которая умерла в возрасте двух лет, совершенно необъяснимым образом. Умерла, когда *вы* с ней были вдвоем. Умерла, когда *вы* должны были за ней следить. Это что, еще одно из ваших «совпадений», миссис Мэйсон, или эти две малышки умерли от *вашей* руки?

Шэрон трясет головой. Слезы из ее глаз льются потоком. Неистовым, неопишмым и неумолимым.

– В чем была ваша сестра в момент смерти? – Обвинитель подается вперед. – *Во что она была одета, миссис Мэйсон?*

Страничка в «Фейсбуке» «Найти Дейзи Мэйсон»

Мы хотели бы поблагодарить всех тех из вас, кто поддержал кампанию #ПравосудиедляДейзи. С трудом верится, что ее собственная мать может быть повинна в таком преступлении, но вердикт вынесен, и все ждут, что вскоре все закончится. Сердцами мы сейчас с несчастным Лео, который будет жить с последствиями преступлений Мэйсонов всю оставшуюся жизнь. Где-то через неделю мы закроем эту страницу, но вы можете сделать запись в книге соболезнований онлайн.

Джин Мюррэй, Фрэнк Лестер, Лорен Николас и еще 811 таких же, как мы.

ТОП КОММЕНТАРИЕВ

Никола Андерсон Я слышала, что Лео передали органам социальной опеки. Он действительно не может жить с таким отцом, даже когда папаша выйдет на свободу.

1 февраля в 10:22

Лиз Кингстон Надеюсь, что теперь, когда вердикт вынесен, Дейзи упокоится с миром и мы не будем больше видеть дурацких сообщений от людей, утверждающих, что видели ее. Я сама читала уже три таких сообщения в «Твиттере» только за последнюю неделю.

1 февраля в 10:23

Полли Магуайер Мне такие тоже встречались. Кто-то уверен, что видел ее в ливерпульских доках, хотя потом оказалось, что та девочка была рыжей; еще кто-то утверждает, что видел ее в Дубае, а кто-то – на Дальнем Востоке... Честно говоря, иногда люди бывают полными идиотами. Лео никак не помогут эти ужасные слухи, циркулирующие вокруг.

1 февраля в 10:24

Эбигейл Уорд Согласна и хотела бы сказать, что лучшим способом вспомнить Дейзи будет пожертвование в Фонд национального общества по предотвращению жестокого обращения с детьми. Таковую жестокость необходимо прекратить. Взносы можно сделать здесь.

1 февраля в 10:26

Уилл Хейнс Согласен, или в благотворительный фонд для детей с ФАС. Я работал с такими детьми, и они очень нуждаются в поддержке.

Если у Лео действительно этот синдром, то я могу лишь надеяться, что он наконец получит ту любовь, которая ему необходима.

1 февраля в 10:34

Найти Дейзи Мэйсон Отличные идеи – прекрасная дань памяти двух невинных детишек.

1 февраля в 10:56

Джуди Брэй На прошлой неделе я проезжала на поезде через этот железнодорожный переезд – там куча цветов. Люди оставляют горшки с маргаритками. Очень трогательно. Некоторые в моем вагоне плакали.

1 февраля в 10:59

Через два дня после того, как присяжные вынесли свой вердикт, на улице неожиданно выглянуло солнце. Кристальной чистоты хрустящий морозный день был таким красивым, каким никогда не бывает мягкий летний солнечный день. Клочья перистых облаков неслись по невероятно огромному голубому небу.

Я покупаю сэндвич и отхожу с ним на игровую площадку. Стайка мальчишек гоняет по ней мяч, а на другом конце сидит, прижавшись друг к другу, очень пожилая пара. Удивительно, как старики начинают походить на старух, а старухи – на стариков. Как будто половые признаки и их важность сглаживаются по мере того, как мы приближаемся к неизбежному концу. Я не слышу, как подходит Эверетт, пока она не останавливается рядом со мной и протягивает мне кофе.

– Не возражаете?

Я-то как раз возражаю, но улыбаюсь и произношу:

– Конечно, нет. Присаживайся.

Девушка садится, ссутулившись на холоде и обхватив двумя руками кружку с кофе.

– Мне только что звонил Гислингхэм, – говорит она. – Они надеются скоро забрать Билли домой. Врачи очень довольны его успехами.

– Отлично. Я ему напишу.

Тишина.

– Вы действительно думаете, что это сделала она? – спрашивает

наконец Верити.

Так вот в чем дело!

– Да, – отвечаю я. – Я так думаю.

– И вам не кажется, что ее приговорили по ложному обвинению? То есть потому, что люди их ненавидели, из-за «Твиттера» и всей этой компании оскорблений, а не потому, что были реальные доказательства?

– Этого мы никогда не узнаем. – Я пожимаю плечами. – Важно лишь то, что мы получили искомый результат, и не важно, как это произошло. Правда, я не думаю, чтобы с доказательствами было что-то не так. Мы хорошо поработали – *ты* хорошо поработала.

Девушка смотрит сначала на меня, а потом переводит глаза на парк. Совсем низко над игровой площадкой пролетает пара чаек, и один из малышей начинает плакать.

– Мне все не дает покоя одна вещь.

Я делаю глоток кофе и выдыхаю облачко горячего сладкого пара.

– И что же именно?

– Эти перчатки. Те, которые она выкинула в мусорный контейнер. Которые были завернуты в листы «Гардиан».

– А что с ними не так?

– Когда мы ее допрашивали, она до бесконечности повторяла: «Мы не читаем “Гардиан”, мы читаем “Дейли мейл”»^[112]. И стояла на этом, как скала.

Я улыбаюсь, но по-доброму – это все от обостренной совести Верити, а такое на нашей работе надо культивировать.

– Не думаю, чтобы это что-то значило, Эверетт. Она могла найти ту газету или купить. А может быть, «Гардиан» уже лежала в том контейнере. В таких делах всегда остается масса невыясненных мелочей – от них можно сойти с ума, если вовремя не остановиться. Так что пусть тебя это не беспокоит. Мы арестовали того, кого надо. Да и вообще, кто еще, по твоему мнению, мог это сделать?

Констебль поднимает на меня глаза, а потом вновь опускает их:

– Наверное, вы правы.

Какое-то время мы сидим молча, а потом Верити встает и улыбается мне:

– Спасибо, босс.

Сказав это, она направляется к участку. Сначала медленно, но, пока я наблюдаю за ней, ее шаги становятся все быстрее и быстрее. И на ступени уже поднимается та самая Эверетт – проворная, уравновешенная и объективная.

Что же касается меня, я с трудом поднимаюсь на ноги, иду к машине и направляюсь в сторону объездной дороги. Проехав по ней пять миль, сворачиваю направо с Кидлингтон-Хай-стрит и оказываюсь перед небольшим бунгалом, покрытым штукатуркой желтого цвета. По обеим сторонам двери расположились два снежных сугроба, а сад полон ярко раскрашенных игрушек для собаки. Женщине, которая открывает на мой звонок дверь, лет сорок. На ней мешковатый джемпер с Арана^[113] и брюки от тренировочного костюма. В одной руке она держит чайное полотенце. Увидев меня, женщина широко улыбается:

– Инспектор, как мило! Я вас не ждала.

– Простите, Джин, я просто проезжал мимо, вот и решил...

Но она уже приглашает меня войти:

– Не стойте на холоде. Вы к Гари?

– Это не официальный визит – я просто хотел посмотреть, как у него дела. И пожалуйста, зовите меня Адам.

– Приятно, что вас это все еще интересует, Адам. – Женщина опять улыбается. – Они с Филом отправились в парк играть в футбол. Хотя мне кажется, собака уверена, что все это делается только ради нее. – Она вытирает руки о полотенце. – Подождите минутку, я поставлю чайник. Они должны вот-вот вернуться. Фил будет очень удивлен. – Еще одна улыбка. – С вашего последнего приезда мы закончили комнату Гари – если хотите, можете взглянуть.

Джин исчезает на кухне. Я несколько мгновений стою неподвижно, а потом делаю шаг вперед и распахиваю дверь. Стены увешаны плакатами с футболистами, под кроватью валяются разноцветные носки, а пододеяльник на ней – с эмблемой «Челси». Здесь же стоит «Икс-бокс» и лежит пачка коробок с играми. В общем беспорядок. Нормальный, веселый ежедневный беспорядок. Хлопает дверь, которую распахнула Джин. В руках у нее две кружки с чаем.

– Ну и как вам? – спрашивает она, протягивая одну из них мне.

– Мне кажется, что вы отлично справились, – отвечаю я. – Но я не только про обстановку. Все это – как раз то, что ему требуется. Обыденность. Стабильность.

Хозяйка садится на кровать и разглаживает пододеяльник рукой.

– Все это не так сложно, Адам. Ему просто необходимо ощущать любовь.

– А как его новая школа?

– Все хорошо. Мы, я и доктор Доннелли, много говорили с его классным руководителем, прежде чем он начал учебу. Он все еще

привыкает, но я держу за него пальцы и надеюсь, что все будет хорошо.

– И он был рад, когда ему вернули его настоящее имя?

– Мне кажется, тут помогло то, что в «Челси» тоже играет Гари^[114]. И да, мне кажется, что то, что «Лео» остался в прошлом – это лучшее, что могло с ним случиться. Во всех смыслах. Для него это новое начало.

Джин дует на чай, а я подхожу к окну и смотрю в сад на заднем дворе. В самом дальнем его конце видны ворота и пара футболистов, играющих на грязной траве. На подоконнике стоит небольшая голубая фарфоровая тарелочка, в такие обычно кладут ключи или мелочь. Но в этой лежит только одна вещь. Она из серебра и отражает свет. Похожа на амулет – такие обычно носят на цепочке или на браслете. Подобное не ожидаешь увидеть в комнате мальчика. Я беру вещь в руки и вопросительно смотрю на Джин.

– А, это дала ему его сестра, – поясняет она. – Кстати, Гари хочет послать письмо этому вашему милому констеблю – Эверетт, так, кажется? Извиниться за все то, что произошло в пансионе. Эта вещь у вас в руках – он искал именно ее, когда все это случилось. Он тогда испугался, что потерял ее.

– Правда? – Я еще раз смотрю на подвеску, поворачивая ее в руке. У нее форма букета из цветов или листьев, которые висят вниз головой. Похоже на рождественскую омелу. – Должно быть, она много для него значит?

Джин согласно кивает.

– Это какой-то амулет. Отгонять зло. Дейзи его дала ее учительница, а она отдала его Гари. И все равно это странно.

– Почему вы так считаете?

Женщина делает глоток чая.

– Гари не очень любит об этом говорить, и я на него не давлю, но у меня такое впечатление, что Дейзи дала ему этот амулет как раз в тот день – в день своего исчезновения. Каждый раз, когда я об этом думаю, меня пробирает дрожь. Знаю, что, когда говоришь о таком вслух, это звучит по-идиотски, но у меня есть впечатление, что она обо всем знала. Но откуда она могла знать, бедная маленькая овечка?

Слышатся звуки поворачиваемого в двери ключа, и дом неожиданно наполняется шумом голосов и хаосом, который устраивает грязный пес.

– Джин, Джин, я забил три пенальти! – кричит мальчик, вбегая в спальню. В ногах у него путается подпрыгивающий золотистый ретривер^[115]. – Один за другим – бац! бац! бац!

Тут ребенок внезапно останавливается, поняв, что Джин не одна. Его щеки порозовели от холода, а волосы короче, чем когда я видел его в последний раз. Теперь у него нет челки, за которой можно спрятаться, но она ему и не нужна – он смотрит мне прямо в глаза. Я вижу, что мальчик удивлен, поскольку не ожидал меня увидеть, но это всё. Он больше не выглядит испуганным.

– Привет, Гари, – говорю я. – Заскочил посмотреть, как у тебя дела. Джин говорит, что ты молодец. И я очень рад это слышать.

Мальчик быстро нагибается, чтобы почесать скалящуюся собаку за ухом.

– Мне здесь хорошо. – Он вновь поднимает на меня глаза. И я не могу придумать три других слова, которые сказали бы мне больше. И не только о прошлом, но и о будущем.

– Три пенальти? – продолжаю я. – Совсем неплохо. Продолжай в том же духе, и будешь таким же, как твой любимый игрок – не помню его имени, – который всегда реализует пенальти...

Гари улыбается, и я понимаю, с некоторым ощущением раскаяния, что впервые вижу эту его улыбку.

– Азар, – называет он фамилию игрока.

Вернувшись к машине, я несколько мгновений сижу в ней, задумавшись. Я думаю о Гари, который получил свой второй шанс, и о Дейзи, которая его не получила. И о втором шансе, который мне так никогда и не получить, хотя я готов отдать за него все, что у меня есть...

Завтра будет год. День в день. Тот день. Казалось, что дождь не останавливаясь льет вот уже несколько недель – тяжелые облака висели над землей. Я рано вернулся домой, потому что мы хотели поговорить с Джейком, и не хотел, чтобы этот разговор получился скомканным. Я не хотел, чтобы он ложился, все еще переживая его. На следующий день у нас была назначена встреча с детским психологом. Алекс выступала категорически против этого и настаивала на том, что наш семейный врач знает, что делает, да и Джейк вот уже несколько недель не наносил себе ран. Я мог бы, наверное, сам догадаться, что наш сын не был тем «случаем» и что обострение ситуации может только привести к худшим результатам. Но я настоял.

Настоял...

Помню, как я внес во двор контейнеры для мусора, проклиная мусорщика за то, что тот бросил их на подъездной дороге. Помню, как бросил ключи на кухонный стол и взял в руки почту, спросив у Алекс, где Джейк.

– Наверху, – ответила жена, заполняя посудомоечную машину. –
Слушает музыку. Скажи ему, что ужин через полчаса.

– А потом мы с ним поговорим?

– А потом мы с ним поговорим.

В те ночи, когда меня мучают кошмары, я поднимаюсь по этим ступеням на четвереньках, понимая, что случилось что-то страшное и что только скорость может меня спасти, – и не имея возможности двигаться быстрее, чем свинцовое грузило в воде. Наполовину открытая дверь. Темнеющее небо. Мерцание компьютерного экрана. Пустое кресло. Эти мучительные несколько секунд, когда я, еще не зная... Все еще не зная... Потом я поворачиваюсь, решив, что он пошел в туалет в моем кабинете...

Он висит.

Прямо здесь.

Пояс халата врезался в его тело...

Покрасневшее лицо вздулось...

Эти глаза...

И я не могу его спасти. Не могу снять его. Не могу впустить воздух в его легкие. Не могу добраться до него на пять минут раньше. Потому что все дело в них. В этих пяти минутах. Так они сказали.

Проклятые мусорные контейнеры.

Мой мальчик.

Мой дорогой, мой любимый, мой потерянный навсегда мальчик...

Эпилог

17 августа 2016 года, 10:12

Через 29 дней после исчезновения

Звучит сирена парома. Он медленно набирает скорость и выходит из доков Ливерпуля в Ирландское море. Чайки, громко крича, кружат над кораблем. Несмотря на яркое солнце, на смотровой палубе, где возле перил стоит Кейт Мадиган, чувствуется прохладный бриз. Она смотрит на облака, на другие корабли, на людей на пирсе, фигуры которых становятся все меньше и меньше по мере того, как паром отдалается от берега. Некоторые из этих людей машут руками. Но не ей, и она это знает – люди всегда машут вслед кораблям, и это придает всей сцене законченность. Придает законченность тому ощущению, что все сущее вокруг постепенно превращается в воду, ярд за сверкающим ярдом.

Потому что возврата назад уже больше нет. И не будет никогда. Женщина глубоко и с облегчением вздыхает и чувствует, как чистый воздух наполняет ее легкие и как бы очищает ее душу. Она все еще не может поверить, что им это удалось. После всех этих долгих недель лжи, утаивания, бессонных ночей, проведенных с колотящимся сердцем в ожидании стука в дверь. И даже сегодня у нее тряслись руки, когда она подъезжала к паромному терминалу, думая, что здесь их наконец-то будет ждать полиция. Которая перекроет им все пути отхода и лишит их новой прекрасной жизни. Но на пирсе никого не было. Не было ни маленького жизнерадостного констебля, ни той женщины с тусклыми волосами, настороженными умными глазами и вопросами, которые почти попадали в точку. Ничего этого не было. Только общительный сотрудник паромной компании «Пи энд Кью», который проверил их билеты и с улыбкой махнул рукой, чтобы проезжали.

И все закончилось. Все эти риски, с которыми ей пришлось столкнуться: планирование, осторожность, попытки предусмотреть заранее все невероятно изменчивые детали – все это оказалось не зря. Да, другим людям пришлось заплатить за это свою цену, но, насколько она понимает, они получили лишь то, что заслужили. Мать, которая вечно лишала любви, и отец, который эту любовь извратил. И кто теперь скажет, кто из них виноват больше? И кто из них двоих заслужил более суровое наказание? Ее

бабушка всегда говорила, что Бог внимательно следит за тем, чтобы твои грехи от тебя не убежали, и в данном случае, по-видимому, это справедливо. Эти записи на его телефоне, кровь на кардигане – ничего из этого невозможно было предусмотреть, но и то и другое произвело сногшибательный эффект. Так что, или по вмешательству сверху, или по ее собственному вмешательству, но справедливость восторжествовала. Папашу поймали в болоте, созданном его собственными руками, а мамаша попала в западню, которая схватила ее так же надежно, как освободила ее дочь. И только это, в конце концов, было важно – не то, кого приговорили, а то, что люди поверили в сам факт убийства. Потому что теперь все поиски прекратятся. Ну а что касается мальчика – что ж, она проверила. Осторожно, чтобы не привлечь ничего внимания. Но опять-таки для нее как для учительницы его сестры это было вполне естественно. Она хотела знать – хотела быть уверенной. И ей сказали, что с мальчиком всё в порядке. То есть даже более того. Все соглашались, что это лучшее, что могло с ним произойти. Потому что теперь он получил то, что заслужил, – второй шанс. Тот же самый волшебный, меняющий жизнь второй шанс, который получила и она тоже...

– *Мамочка! Мамочка!*

Кейт поворачивается и видит, как к ней летит маленькая девочка с лицом, светящимся от радости. Женщина наклоняется, распахивает руки и нежно качает ребенка, чувствуя на щеке его горячее дыхание.

– Ты меня любишь, мамочка? – шепчет девочка, и Мадиган, отстранившись, смотрит на нее.

– Конечно, люблю, милая. Очень люблю. *Очень-очень* люблю.

– Так же, как свою другую маленькую девочку?

В голосе ребенка слышится беспокойство.

– Конечно, милая, – негромко говорит Кейт. – Я люблю вас обеих одинаково. На какое-то время мое сердце разбилось, когда она умерла, потому что она была больна, и я не смогла ее спасти... Что бы я ни делала, как бы ни старалась. Но я *смогла* спасти *тебя*. И никто больше не сделает тебе больно. – Женщина гладит девочку по коротким рыжим кудряшкам, которые так похожи на ее собственные волосы. – Потому что теперь я твоя мамочка.

– Больше мне никто не верил, – шепчет ребенок. – Никто, кроме тебя.

Глаза Кейт наполняются слезами.

– Я знаю, милая. И мне так грустно, что у тебя не было никого, с кем бы ты могла поговорить, не было никого, кто любил бы тебя так, как ты того заслуживаешь. Но теперь все закончилось. Ты была такой смелой и

умной... Эти перчатки, этот зуб, который ты сохранила, – я бы до такого ни за что не додумалась.

Кейт опять обнимает девочку и прижимает ее к себе еще крепче.

– Я обещаю тебе, что они никогда тебя не найдут. Что я всегда буду рядом. Ты ведь это запомнишь, да?

Она чувствует, как малышка кивает.

– Ну так что, – женщина вытирает слезы и берет девочку за руки, – скажем последнее «прости» Англии?

В лучах солнца они стоят возле перил. У девочки глаза стали круглыми от возбуждения – она смеется и машет рукой парому, который движется в противоположном направлении.

В нескольких футах от них на палубе в коляске сидит пожилая леди. Ноги ее тщательно укутаны одеялом.

– А ты неплохо проводишь время, – говорит она, по-доброму глядя на девочку.

Ребенок смотрит на нее и отчаянно кивает, а Кейт улыбается.

– Мы едем в Голуэй, – весело объясняет она. – Я получила там новую работу. Сабрина^[116] месяцами ждала этого путешествия на пароме.

– Сабрина? – переспрашивает женщина. – Какое милое имя! И у него такое хорошее значение... Я всегда говорю, что лучше всего иметь имя со значением. Мамочка говорила тебе, что оно значит?

Девочка опять кивает:

– Я его люблю. Оно как секрет. Я люблю секреты.

И она улыбается. Очаровательной улыбкой, которая демонстрирует отсутствие переднего зуба.

Благодарности

Оксфорд – это один из тех городов в мире, который чаще всего появляется на страницах различных книг. Так что вы можете представить себе мой трепет, когда я решила добавить к этому списку несколько своих романов – романов детективных, – действие которых происходит в городе, где мне выпало счастье жить. Я надеюсь, что Оксфорд из этой книги будет близок тем, кто знает этот город, и мои читатели смогут найти многие улицы и здания, которые я описываю, на карте. Хотя при этом надо упомянуть, что многие переулки и другие специфические места – это плод моего воображения. И естественно, необходимо помнить, что любое совпадение описываемых людей с ныне живущими является случайным.

Имена пользователей в «Твиттере» были намеренно составлены с использованием шестнадцати и более знаков, чтобы избежать случайного совпадения с уже существующими аккаунтами. И если какие-то из них совпадают с реальными именами пользователей, то это получилось ненамеренно.

Несколько слов благодарности тем людям, благодаря которым эта книга появилась на свет. Прежде всего моему потрясающему агенту Анне Пауэр, моему изумительному редактору в «Викинге» Кэти Лофтус и обладающей орлиным зрением литературному редактору Карен Уитлок.

И моему мужу Симону за то, что он сказал на том пляже на Карибах: «А почему бы тебе не написать детективный роман?»

И моему дорогому другу Стефану, который был, как и всегда, одним из моих первых читателей.

Что же касается профессионалов, то я хотела бы поблагодарить инспектора Энди Томпсона из Управления полиции долины Темзы за его невероятно полезные замечания и советы, и Джои Гиддингса, моего личного и очень информированного «эксперта-криминалиста». Я столько узнала от них двоих, что в результате эта книга получилась гораздо лучше, чем планировалась.

Я также хотела бы поблагодарить королевского адвоката Николаса Сифрета, который оказался неистощимым источником информации по вопросам судебных процедур и других юридических аспектов книги.

Спасибо и профессору Дэвиду Хиллу за его помощь в описании технических аспектов строительства, и доктору Оли Рахману за терпение в его терпеливых ответах на мои медицинские вопросы (да простит он мне

эту тавтологию!).

Естественно, что во всех ошибках, которые могут встретиться в книге, винить надо меня, а не этих людей, которые любезно согласились мне помочь.

notes

Примечания

1

Общий термин в англоязычных странах для обозначения всего многообразия разновидностей эклектического ретроспективизма, распространенных в викторианскую эпоху (1837–1901). Доминирующим направлением этого периода в Британской империи была неоготика.

2

Пройма топа, блузки или платья без рукавов, вырезанная по диагонали от подмышек до горловины (примерно по линии реглана), оставляющая плечи открытыми.

3

По Фаренгейту. Около 32 градусов по Цельсию.

4

Для данного предмета одежды характерен прямой крой. Штаны-карго держатся на бедрах, могут быть расклешенными. Данный вид брюк не предполагает наличие стрелок. Главной отличительной чертой является большое количество карманов.

5

Бечевник – сухопутная дорога вдоль берега водного пути (реки или канала), предназначенная для буксирования людьми (бурлаками) или лошадьми судов на канате (обычно несамоходных барж), называемом бечевой или бичевой.

6

Daisy (*англ.*) – маргаритка.

7

В британской полиции полное название криминалиста – гражданский сотрудник, отвечающий за сбор улик на месте преступления.

8

Ситком – ситуационная комедия, характеризующаяся постоянными персонажами и местом действия на протяжении всего сериала. Имеет обычно законченный сюжет в конце каждого выпуска.

9

Территория Мидлендс соответствует району, занимающему Среднеанглийскую низменность и являющемуся традиционным центром угледобычи (т.н. Черная страна) и индустрии. Центром области является городская агломерация Бирмингем – Вулверхэмптон – Ковентри.

10

Территориальное отделение полиции Великобритании в графствах Бэкингемшир, Беркшир и Оксфордшир. Штаб-квартира в деревне Кидлингтон вблизи Оксфорда

11

Китс – уменьшительное от Кристофер или Христофор.

12

Verity (*англ.*) – истина.

13

Стихотворение У. Водсворта

«GQ» – ежемесячный журнал, издание о моде и стиле – бизнес, спорт, истории успеха, мода, здоровье, путешествия, женщины, эротика, автомобили и технические новинки. Автор подчеркивает желание Куинна выглядеть настоящим мужчиной.

15

Порт-Мидоу – природный парк возле Темзы к северу и западу от Оксфорда

16

Суперинтендант – звание старшего офицерского состава полиции, второе после комиссара полиции.

17

«Сестры делают это для себя» – песня, записанная совместно с Аретой Франклин.

18

Помощник главного констебля – должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.

«Скай ньюс» – один из главных национальных новостных каналов в Англии.

Профайлер – эксперт-криминалист по составлению психологических портретов преступников.

21

Трейнспоттер – имеющий железнодорожное хобби. Энтузиасты железных дорог проводят время у локомотивных депо, на вокзалах и на наблюдательных пунктах вдоль железнодорожного полотна, на перегонах, записывая серийные номера проходящих локомотивов. Цель – увидеть все локомотивы и по возможности все вагоны (автомотрисы, электропоезда и т. д.), курсирующие в стране.

Фраза из романа Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

Пол Экман – американский психолог, профессор Калифорнийского университета в Сан-Франциско, специалист в области психологии эмоций, межличностного общения, психологии и «распознавания лжи».

«Обмани меня» – американский телесериал 2009–2011 гг. Персонаж главного героя, доктора Лайтмана, списан с Пола Экмана.

Трейси Эндрюс – женщина, которая перерезала горло своему жениху и несколько десятков раз пырнула его швейцарским армейским ножом. Непосредственно после преступления Трейси несколько раз выступила на телевидении со слезными мольбами отыскать убийцу.

Бретонец Алдэйт (Aldate), епископ Глостерский, живший в Западной Англии, известен тем, что организовал сопротивление нашествию язычников. Пострадал ок. 600 г.

Королевская служба уголовного преследования – система государственных органов исполнительной власти, осуществляющая уголовное преследование лиц, совершивших преступление, а также поддержание обвинения со стороны государства по серьезным уголовным делам в суде Короны.

Эмпатия – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания.

Тейлор Элисон Свифт (р. 1989) – американская кантри-поп-исполнительница, автор песен и актриса.

Копирайтер – человек, пишущий статьи или небольшие тексты (чаще всего рекламного характера) на заказ.

Имеется в виду клуб английской Премьер-лиги «Сток Сити».

Имеется в виду поездка на пароме во Францию.

Массачусетский технологический институт – университет и исследовательский центр, расположенный в Кембридже (пригороде Бостона), штат Массачусетс, США. Одно из самых престижных технических учебных заведений США и мира.

СЛП – самые лучшие подруги.

В США слово «mad» – «сумасшедший», «безумный» – иногда используют в значении «очень злой».

Главных героев комиксов о черепашках-ниндзя зовут Микеланджело, Донателло, Леонардо и Рафаэль – все это имена известнейших художников эпохи Возрождения.

«Черный красавчик» – роман А. Сьюэлл; одно из самых известных в мире произведений о жизни животных, о дружбе и ненависти, о жестокости и человечности.

Стэмфорд-Бридж – футбольный стадион, расположенный в Фулхэме, Лондон; является домашним стадионом для футбольного клуба «Челси» с 1905 г.

Мейбел – второе имя Эверетт можно перевести как «женоподобный мужчина» или «любовница» (табуированная лексика).

«Король Лев» – классический полнометражный мультипликационный фильм, выпущенный студией Диснея о львенке по имени Симба.

41

Название сайта может быть переведено как «Найди мне горячую штучку».

Музей Питта Риверса – музей Оксфордского университета, посвященный этнографии и археологии.

Вуду – традиционная африканская религия, имеющая статус государственной на территории некоторых стран, расположенных в Западной Африке. Распространена также в Центральной и Южной Америке.

Меланезия – совокупность островных групп в Тихом океане, чьи коренные жители не говорят ни на полинезийских, ни на микронезийских языках.

Месопотамия – историко-географический регион на Ближнем Востоке, расположенный в долине двух рек – Тигра и Евфрата, в зоне Плодородного полумесяца; место существования одной из древнейших цивилизаций в истории человечества.

Тсантсы – особым образом высушенная человеческая голова. Черты лица сохраняются, но размером она становится с кулак.

Используются в колдовстве вуду. Последователи учения вуду считают, что в результате специального обряда кукла получает особого вида связь с определенным человеком и через нее можно воздействовать на человека, которого она символизирует (обычно для нанесения вреда).

Чимарута – амулет итальянских ведьм. Его вешали на шею ребенка или помещали в изголовье кровати для защиты от злых духов.

Имеется в виду «Улица Коронации», британский телесериал, стартовавший 9 декабря 1960 г. А 19 ноября 2012 г. вышла его 8000-я серия.

«Икс-бок» – игровая приставка.

«Война кланов» – популярная компьютерная онлайн-игра.

«Моррисонз» – четвертая по величине сеть гипермаркетов в Англии.

Имеется в виду последняя соломинка, сломавшая спину верблюду
(Библ.).

«Коломбо» – американский детективный телесериал.

«Ребекка» – роман английской писательницы Д. Дюморье (1938).

КРЖП – независимая комиссия по расследованию жалоб на полицию.

Парамедик – в англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной помощи на догоспитальном этапе.

«Разумное сомнение» – юридический термин – такое сомнение, которое остается у разумного человека после тщательного рассмотрения всех доказательств.

4 июля – День независимости США. В этот день в Америке проходит множество салютов и фейерверков.

Свиньи (*англ.* pigs) – презрительное прозвище полицейских в Великобритании.

«Санди спорт» – английский таблоид, часто публикующий якобы сенсационную информацию.

КПЗ – камера предварительного заключения.

Магалуф – пляжный курорт в юго-западной части Майорки

Дидкот – узловая железнодорожная станция в Оксфордшире.

Общество запечатанного узла воспроизводит эпизоды из битв времен гражданских войн на тех же местах, где они первоначально состоялись. Во время спектакля собирает пожертвования на благотворительные цели. Названо по одноименной тайной роялистской организации XVII в.

Лансарот – один из Канарских островов.

Речь идет о песне Эндрю Голда *Lonely Boy* (1976).

Куфия – мужской головной платок, является неотъемлемой частью мужского гардероба в арабских странах.

Никаб – мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз. Как правило, изготавливается из ткани черного цвета.

«Стронгбоу» – сорт очень крепкого сидра.

71

Стоун – традиционная британская единица массы, равная приблизительно 6,35 кг.

Островок – предмет мебели, одновременно служащий обеденным столом и кухонным гарнитуром с необходимым набором ящичков для столовых и разделочных приборов; обычно стоит в центре кухни.

Эрик Хоффер (1898–1983) – американский философ.

«Мой маленький пони» – медиафраншиза, принадлежащая американской корпорации «Хасбро» и направленная на потребителей – девочек дошкольного и младшего школьного возраста. Она берет начало от линии пластиковых кукол-пони, выпускаемых корпорацией с 1983 г.

Белая ложь – нестрашная, невинная ложь.

Кетамин – препарат, применяемый в качестве средства для наркоза в медицине и ветеринарии; является также диссоциативным веществом.

Сканк – сленговое название для гибридных сортов конопли.

Раффия – пальмовое волокно.

Крайстчерч-Мидоу – заливной луг и популярное место для прогулок и шашлыков в Оксфорде.

«Хэйвен Вью» – английское название дома может быть переведено на русский как «Небесный вид».

«Каррера» – модель спортивного автомобиля марки «Порше».

Георгианский стиль – широко распространенное в англоязычных странах обозначение архитектуры, характерной для Георгианской эпохи, которая охватывает практически весь XVIII в.

«Праймарк» – ирландская сеть магазинов, торгующих одеждой и аксессуарами.

Секс-груминг – подготовка ребенка к сексуальному принуждению и сексуальной коммерческой эксплуатации.

ЭКО – экстракорпоральное зачатие, или «ребенок из пробирки».

Визитка – официальный мужской костюм для утреннего и дневного времени.

Алгарва – курорт в Португалии.

Имеется в виду кинозвезда Мэрилин Монро.

Оксфордский университет, один из старейших в мире (ведет свою историю с 1096 г.), состоит из 38 независимых колледжей.

ФАС – объединяет различные как по сочетанию, так и по степени выраженности отклонения в психофизическом развитии ребенка, причиной которых является употребление женщиной алкоголя до и во время беременности.

СДВГ – состояние, которое вызывает гиперактивность, импульсивность и стабильную невнимательность.

Необходимый взрослый – юридический термин, означающий взрослого человека, который должен присутствовать при допросе несовершеннолетнего ребенка.

Эксмур – географическая область на западе графства Сомерсет и севере графства Девон в Юго-Западной Англии.

Жакетка-болеро – изначально короткая облегающая безрукавка без застежки, часть национального испанского костюма; в наши дни – просто укороченный жакет.

«Место преступления» – американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

«Закон и порядок» – американский полицейский, процедуральный и юридический телесериал.

«Гордость и предубеждение» – роман Джейн Остин (1813), считающийся одной из знаковых книг в английской литературе.

«Роуд сколар» – американская неправительственная организация, предоставляющая образовательные туры, в основном для взрослых.

«Нетуорк рэйл» – компания, отвечающая за инфраструктуру британских железнодорожных линий.

100

«Би энд Кью» – одна из крупнейших сетей строительных супермаркетов.

101

Портакабина – модульный вагончик (по названию английской фирмы, которая впервые выпустила их на рынок).

У профессиональных игроков в регби (так же как и у борцов) уши расплющенные.

«Презумпция смерти» – предположение о смерти жертвы, которое считается истинным до тех пор, пока ложность его не будет бесспорно доказана.

104

ИВС – изолятор временного содержания.

Фотограмметрия – научно-техническая дисциплина, занимающаяся определением формы, размеров, положения и иных характеристик объектов по их фотоизображениям.

Имеется в виду пиво «Стелла Артуа».

Имеется в виду 11 сентября 2001 г., когда в Нью-Йорке с применением самолетов был совершен крупнейший в истории террористический акт, после чего авиакомпании значительно усилили контроль за провозимыми в салоне предметами.

Имеется в виду знаменитая песня группы «Битлз» под названием «Сад осьминога» (*англ.* «Octopus's Garden»).

109

Соответствует российскому 45-му размеру.

110

Соответствует российскому 37-му размеру.

«Супермаркет свип» – американское шоу; название может быть переведено как «Очистить супермаркет». Формат передачи, помимо всего прочего, включает в себя командную гонку по супермаркету на время.

«Дейли мейл» – массовая английская ежедневная газета, выходит с 1896 г; вторая после «Сан» по величине тиража.

Аран – группа островов в Ирландии. Одежда, связанная там, имеет специфический, легко узнаваемый узор.

По-видимому, имеется в виду защитник клуба и сборной Англии Гари Кэхилл.

Ретривер – охотничья порода собак, выведенная в Великобритании в XIX в.

Сабрина – имя ассирийского происхождения, означает «надежда».

Table of Contents

[Кара Хантер Самый близкий враг](#)

[Пролог](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)

[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)

[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)